

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
(ИНИОН РАН)**

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2021 – 2

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 2.6

МОСКВА 2021

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам РАН

*Центр гуманитарных научно-информационных
исследований*

Отдел языкознания

Редакционная коллегия серии «Языкознание»:

В.З. Демьянков – д-р филол. наук, главный редактор, *Э.Б. Яковлева* – д-р филол. наук, заместитель главного редактора, *Л.Р. Комалова* – д-р филол. наук, ответственный секретарь, *В.М. Алпатов* – д-р филол. наук, *Н.С. Бабенко* – канд. филол. наук, *В.Н. Желязкова* – д-р филологии, *Е.А. Казак* – канд. филол. наук, *И.В. Кангро* – д-р филологии, *В.Г. Кузнецов* – д-р филол. наук, *Е.М. Миронеско-Белова* – д-р филологии, *А.В. Нагорная* – д-р филол. наук, *Е.О. Опарина* – канд. филол. наук, *В.А. Пищальникова* – д-р филол. наук, *В.А. Плунгян* – д-р филол. наук, *Р.К. Потапова* – д-р филол. наук, *В.В. Потапов* – д-р филол. наук, *М.Б. Раренко* – канд. филол. наук, *С.А. Ромашко* – канд. филол. наук, *К.Я. Сигал* – д-р филол. наук, *Н.Н. Трошина* – канд. филол. наук

ISSN 2219–8776

DOI 10.31249/ling/2021.02.00

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

© «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание»,
информационно-аналитический журнал, 2021
© ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	6
Теоретические проблемы и отдельные методы	6
<i>Постовалова В.И.</i> Язык как духовная реальность: учение об имени и молитве и православной традиции (истoki, направления, концептуальное развитие). (Реферат)	6
<i>Опарина Е.О.</i> Имена собственные. (Обзор)	16
<i>Борисова Е.Б.</i> Средства создания персонажа в моно- и поликодовом художественном тексте (на материале сказки Роальда Даля «Матильда» и ее экранизации). (Обзор)	30
Социоллингвистика	40
<i>Денисова Г.В.</i> Интертекст в современной социокультурной реальности России и Италии. (Реферат)	40
<i>Писанова Т.В., Альварес Солер А.А.</i> Пространства коммуникации Испании и Латинской Америки: многоязычие, литература, традиции перевода. (Реферат)	46
Прикладное языкознание. Перевод, переводоведение	53
<i>Яковлева Э.Б.</i> О сущности понятия «культурно-маркированная лексика» и способах ее передачи в русском языке. (Обзор)	53
<i>Аль Масри Х., Абу-Айаш Э.А.С.</i> Изучение иностранного языка с позиции сирийских беженцев: проблемы и их решения. (Реферат)	64
<i>Линдвалл-Остлинг М., Дойчманн М., Штайнвалл А.</i> Исследование гендерно-языковых стереотипов и их влияния на восприятие ситуации речевого общения. (Реферат)	70
<i>Масиас Л.П., Рамос М.М.С., Рико К.</i> Исследование пользы машинного перевода в миграционном контексте: анализ восприятия переводчиков. (Реферат)	75

<i>Хасан М.К., Рахман М.М.</i> Аналитические отношения в сравнении с синтагматическими и парадигматическими отношениями глубинных знаний лексики: их корреляция и прогнозирование степени понимания прочитанного текста у изучающих английский как иностранный. (Реферат)	79
Коммуникация. Дискурс. Речевые жанры	83
<i>Раренко М.Б.</i> Жестовые языки как полноценное средство коммуникации	83
<i>Комалова Л.Р.</i> Язык вражды в публичном дискурсе Интернета ..	92
<i>Гориунова Е.Ю., Гориунов Ю.В.</i> Межкультурная коммуникация, этнические стереотипы и ярлыки англоговорящего сообщества. (Реферат)	119
<i>Куликова О.В.</i> Дискурс корпоративной этики в коммуникативно-прагматической парадигме лингвистических исследований. (Реферат)	122
<i>Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.</i> Либеральный лексикон. (Реферат)	128
<i>Потапова Р.К., Потапов В.В., Комалова Л.Р.</i> Восприятие мультимодальной моно- и полиэтнической коммуникации. (Реферат)	132
Язык. Речевая деятельность. Дискурс / Бурунский В.М., Гвоздев В.В., Девицкая З.Б., Исхакова Р.О., Конева Е.А., Михеева Е.И., Субботенко С.С. (Реферат)	134
<i>Ястребов-Пестрицкий М.С.</i> Газетный текст дореволюционного периода: структурно-репрезентативные особенности лексического и грамматического строя (компаративизация печатных изданий с полуторавековой временной дистанцией). (Реферат)	139
<i>Опарина Е.О.</i> Номинативные и когнитивные средства в дискурсивной парадигме: на примере политического и медицинского дискурсов. (Обзор)	147
УРОВНИ ЯЗЫКА	156
Синтаксис	156
<i>Аверина А.В.</i> Модальный синтаксис немецкого языка. (Реферат)	156

Лексикология. Лексикография. Фразеология	162
<i>Павлова А.</i> Словарь трудностей для переводчика (немецко-русский и русско-немецкий). (Реферат)	162
Стилистика	166
<i>Дускаева Л.Р.</i> Стилистический анализ в медиалингвистике. (Реферат)	166
<i>Москвин В.П.</i> Ритмические средства языка: фигуры и стили. (Реферат)	173

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ОТДЕЛЬНЫЕ МЕТОДЫ

Постовалова В.И.

ЯЗЫК КАК ДУХОВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: УЧЕНИЕ ОБ ИМЕНИ И МОЛИТВЕ И ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ (ИСТОКИ, НАПРАВЛЕНИЯ, КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ). – М. : Культурная революция, 2019. – 532 с. (Реферат)

Ключевые слова: онтологическая лингвистика; пневматологический подход; образ языка; православие; Божественные имена; богообщение; литургический символ; Афонский спор; имяславие и имяборчество; homo religious; «русский исихиазм»; ономатодоксия А.Ф. Лосева; «новый российский реализм»; метабогословский дискурс.

Валентина Ильинична Постовалова – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора теоретического языкознания Института языкознания РАН, специалист в области лингвофилософии, онтологии языка как духовной реальности, металингвистики и языкотворческой деятельности человека¹.

¹ Автор работ: Язык как деятельность : опыт интерпретации концепции Вильгельма фон Гумбольдта. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Ленанд, 2014. – 256 с.; Наука о языке в свете идеала цельного знания: В поисках интегральных парадигм. – М.: Ленанд, 2016. – 272 с.

В настоящем издании объединены исследования автора разных лет, посвященные: 1) генезису образа языка как духовной реальности; 2) реконструкции концепции языка как духовной реальности на основе учений об имени и молитве в православной традиции и в свете установок реализма-номинализма; 3) изучению значимости данных учений для теоретической лингвистики, философии языка и философской антропологии.

Издание состоит из девяти глав и трех приложений.

В первой главе «Образ языка как духовной реальности в гуманитарном познании» В.И. Постовалова представляет источники, постулаты и ключевые понятия «пневматологического подхода» в современном гуманитарном познании, при котором «истолкование природы языка и его бытия происходит сквозь призму категорий духа и духовности» [с. 13]. Такое понимание природы языка восходит к учениям В. фон Гумбольдта, Л. Вайсгербера, однако его глубинная сущность открывается в духовной практике молитвенного Богообщения. Центральными понятиями учения являются «реальность», «лингвистическая реальность» и «дух (духовность)», а также проясняющие их понятия «энергия» и «личность (ипостась)». Так, для лингвистики изучаемая в языке реальность помимо объективной действительности включает и «субъективную реальность, интерпретируемую как единство духовной, духовно-душевной и душевной (психической) реальностей» [с. 19]. Автор описывает три подхода, в которых рассматривается соотношение онтологической, лингвистической и духовной реальностей: 1) радикальный, при котором всякая реальность представлена как имеющая лингвистический характер (например, в оноματοлогической концепции А.Ф. Лосева, где мир понимается как имя, подражающее Имени Божию); 2) умеренный первого типа, который принимает тезис о полной или частичной тождественности лингвистической и духовной реальностей (философия А.А. Потебни); 3) умеренный второго типа, где лингвистическая реальность рассматривается как часть духовной реальности (философия языка Л. Вайсгербера). При описании содержания понятия духа автор рассматривает разные лингвистические, философские и богословские учения, в которых дух предстает как чистое мышление, как личностный Абсолют, как Личность, как надмировое начало, как человеческий субъект или его определенные способ-

ности; при этом тот или иной ракурс определяется центральными установками эпохи, направления или школы. Вариативность в определении духовности связана с двумя философскими установками: антропологической (в этом случае речь идет об интеллектуальной деятельности), получившей отражение в концепциях В. фон Гумбольдта и Г. Шпета, и трансцендентальной (здесь духовность ассоциируется с соприкосновением человеческого духа с Божественным началом и с миром духовных сущностей), развиваемой в православно-христианской религиозной мысли в учениях Софрония Сахарова и Григория Синаита.

Для представляемого пневматологического подхода, центральной формулой которого выступает «язык как духовная реальность» [с. 29], характерно стремление к постижению языка в его целостности, а именно, как момента духовной жизни человека, как вместилища духа, как самой духовной реальности.

В главе второй «Православная традиция: истоки, основания, направления» рассматриваются типологические особенности православия и его духовный смысл. С учетом различения в христианстве трех планов – вероучительного (догматического), экклезиологического (церковного) и мистического – автор описывает три варианта истолкования православия: 1) «истинное вероучение» и исповедание христианской веры; 2) сама Церковь; 3) духовная жизнь и путь и само христианство в неразрывном единстве всех своих компонентов. В качестве типологических черт православия В.И. Постовалова называет эсхатологизм (вера в торжество Пасхального Воскресения), глубинный онтологизм (обращенность к бытию), символический реализм в восприятии и истолковании духовной реальности (реалистическое истолкование богослужения и таинства). Далее автор рассматривает две черты православия: предание и исихазм. Под преданием в Церкви понимается «форма сохранения Церковью своего учения»¹, «вера и практика, которые были переняты апостолами от Иисуса Христа и с апостольских времен непрерывно передавались в Церкви от поколения к поколению» (Каллист)². Исихазм как «особая мистико-аскетическая

¹ См. в: Булгаков С.Н. Православие : очерки учения православной церкви. – М.: Терра, 1991. – С. 47.

² См. в: Каллист Уэр. Православная церковь. – М. : ББИ, 2001. – С. 204.

практика православного подвижничества» или «целостный путь христианского подвижничества в единстве его форм, деятельностной и созерцательной» [с. 64] предстает как форма пребывания внутреннего человека в духовной реальности, а внешнего – в реальности земной.

В главе третьей «Мистическое Богопознание и возможность его рационализации. Учение о Божественных именах Дионисия Ареопагита» представлены основные положения учения христианского мыслителя-неоплатоника V–VI вв. на примере истолкования им универсальных ценностей и категорий культуры – Истины, Добра и Красоты. Изложенные в «Ареопагитском корпусе» (четыре трактата: «О небесной иерархии», «О церковной иерархии», «О Божественных именах», «Мистическое Богословие»; и 10 писем) учения представляют восточно-христианский средневековый тип мирозерцания, для которого характерны мистико-символический реализм (с установкой на созерцание Абсолютной Личности, а не на поиск причинно-следственных связей) и приоритет трансцендентальных ценностей (где Имена Божии – это Истина, а Добро и Красота реалистичны). В основе мистическо-символических установок учения лежат два пути соединения с Богом при Богопознании: соборно-литургический и мистико-аскетический. Второй путь получает большее внимание в учении, он предполагает стадии очищения (освобождения человеческого духа от чувственного бытия), просвещения духовным ведением (озарения души Божественным светом) и конечного усовершенствования (приобщения к Божеству). Для такого пути характерны взаимодополнение катафатического (путь утверждения) и апофатического (путь отрицания) способа Богопознания: апелляция к символу как к наиболее общей философской категории и одновременно невозможность символической интерпретируемости событий духовной реальности. В отношении ценностей культуры, отраженных в «Ареопагитиках», автор констатирует, что: 1) Божественные имена могут раскрывать умозрительные свойства Божии (Слово, Ум, Сущность, Свет и др.) и предидироваться Божеству как в Священном Писании, так и в словах богословов, могут «указывать на действия-энергии Божии» [с. 96]; 2) Истина может предстать как Божественное Имя и как сущее, при этом это чистое и «необманчивое» [с. 100] знание, она проста и находится выше символов;

3) Добро также трактуется как Имя Бога и наименование атрибутов сущего, это мощная сила, причина и цель всего сущего; 4) Красота – это, прежде всего, Бог, в котором предсуществует все Прекрасное, а от этого Прекрасного все сущее также становится прекрасным.

В главе четвертой «Молитва как диалог и таинство в духовном опыте священнобесмолвия» молитва представлена сквозь призму категории диалога как формы межсубъектной коммуникации. «Молитвенный диалогизм»¹ отличается предельно асимметрическим характером (адресант и Адресат принципиально несоизмеримы), ему присуща «имманентная проблематичность» [с. 126] (молящийся не может знать, дойдет ли его молитва до Бога) и «имманентный апофатизм» [там же] (абсолютная непомыслимость Бога). В самосознании исихазма молитва рассматривается автором как: 1) таинство живого Богообщения, имеющее синергийный характер энергийного причастия человеческой природы Божественной природе (благодать), и личностное общение человека с Божественной Личностью (ипостасная свобода); 2) духовно-семиотический феномен, реализуемый с помощью разных форм обращенности исихаста к Богу – слова, мысли, действия; 3) диалогическая коммуникация, обладающая целеориентированностью, хронотопом молитвенного обращения, протяженностью молитвенного диалога.

В главе пятой «Символ и реальность в православном богослужении» В.И. Постовалова демонстрирует специфический характер символизма и мистико-богословского учения о символе в богослужении, который обуславливается тем, что православие представляет собой не только духовное знание, но, прежде всего, общение с Богом как Абсолютной Личностью. Автор показывает, что в исторической литургике, в различных символических интерпретациях богослужебного действия символ часто понимается достаточно неопределенно. Вслед за протоиереем А. Шмеманом автор полагает, что для выражения литургического опыта символ может быть применим только в его «церковном» значении как «реальность, которая во всей полноте выражается, является и со-

¹ Цит. по: Хоружий С.С. К феноменологии аскезы. – М. : Изд-во гуманитарной литературы, 1998. – С. 55.

общается через другую реальность»¹. При этом в таком символе представлены две реальности, эмпирическая (видимая) и духовная (невидимая), при соединении которых происходит появление и исполнение реальности. В соответствии с таким реалистическим пониманием символа (находящим отражение в богословской традиции, например, преподобного Максима Исповедника, и в диалектической традиции А.Ф. Лосева) «литургические символы имеют не конвенциональный (условно-субъективный), а онтологический (бытийственный) характер» [с. 167]. Сама Божественная Литургия предстает великим символическим действием, в ходе которого верующие приобщаются к этому символическому представлению, которое, по вере Церкви, есть видение небесной реальности в ее соотношении с реальностью земной.

В главе шестой «Афонский спор об Имени Божиим и становление онтологического направления в современной лингвофилософской и богословской мысли» автор описывает истоки и контуры догматической полемики Афонского спора об Иисусовой молитве и Имени Божиим, который разгорелся в среде русского монашества в начале XX в. на Святой горе Афон. Поводом для спора послужил выход в свет в 1907 г. книги кавказского старца схимонаха Илариона², в которой было представлено истолкование момента переживания мистического тождества Имени и Именуемого, испытываемого православным подвижником и составляющего суть умного делания, или делания Иисусовой молитвы. Книга вывала резкое неприятие у рационалистически настроенной части афонского иночества, прежде всего в отношении основного высказанного в ней положения о том, что Имя Божие и Имя Иисус и есть Сам Бог; в качестве возражения высказывалось, что имя Иисус относится и к «человечеству» Христа Спасителя. Так, архиепископ Антоний (Храповицкий) утверждал: «Самое имя “Иисус” не есть Бог, ибо Иисусом именовались и Иисус Навин, и Иисус Сын Сирахов, и первосвященник Иисус Сын Иоседек. Неужели

¹ Цит. по: Шмеман А., прот. Литургия, символ и Таинство : собрание статей. – 1947–1983. – Москва : Русский путь, 2009. – С. 243.

² Речь идет о книге : Иларион Домрачев. На горах Кавказа : беседа двух старцев пустынников о внутреннем единении с Господом двух наших сердец, чрез молитву Иисус Христову, или духовная деятельность современных пустынников». – Изд. 4. – СПб.: Воскресение, 1998. – 944 с.

они тоже боги?»¹. Такое столкновение реалистической и номиналистической позиций, или столкновение имяславцев и имяборцев, усугублялось убежденностью в высокой духовной значимости вопроса об Имени Божием не только для личного спасения (решение вопроса отражает выбор истинного пути спасения, так как речь идет о молитве Иисусовой и Имени Спасителя), но и для судеб России. В письмах к Николаю II в 1914 и 1916 гг. приверженец имяславия иеросхимонах Антоний (Булатович) просит его защитить Имя Господне от посягательства на Его Божественное достоинство и прорекает навлечение великого гнева Божия на страну и народ при отступлении от истинных догматов. В результате революции и бытового богословствования, отчуждения внутри Церкви между богословием и богочестием, а также перенесения Богословской науки с Запада Богословие перестало быть «разысканием истины или исповеданием веры»², однако последствия Афонского спора не угасают. Его философское ядро составляет многовековое противоборство материализма и идеализма, номинализма и реализма, рационализма и мистицизма. Так, имяславская доктрина, апеллирующая к идеям платонизма и неоплатонизма, лежит в основе учений школы Всеединства философов и богословов, в частности, священника П. Флоренского, протоиерея С. Булгакова и А.Ф. Лосева.

В главе седьмой «Афонский спор об Имени Божием в теоантропологической перспективе» автор рассматривает дискуссионные вопросы современного этапа полемики об Имени Божием и молитве в осмыслении и логике Афонского спора. По мысли А.Ф. Лосева, теория обоснования и осознания опыта молитвы и обожения через имя должна включать два типа учений: 1) учение о «восхождении» (философия «подвига»); 2) учение об «энергическом излучении» Божества (философия «реального обожения»)³. В молитвенном восхождении и раскрытии спасительности Имени Божия раскрывается ряд тезисов: 1) о действенности Имени Божия

¹ Цит. по: Антоний Храповицкий. Еще о книге схимонаха Илариона «На горах Кавказа» // Русский инок. – Почаев : Типография Почаево-Успенской лавры, 1912. – № 10. – С. 63–64.

² Цит. по: Флоровский Г., протоиерей. Пути русского богословия. – Вильнюс : Вильнюсское православное епархиальное управление, 1991. – С. 503.

³ См.: Лосев А.Ф. Личность и Абсолют. – М. : Мысль, 1999. – С. 253.

в молитве; 2) о правомерности рассмотрения Имени и молитвы в категориях энергии; 3) о раскрытии путей и форм участия Имени Божия в составе молитвы при обожении человека. Идея обожения, «когда человек призван и становится “богом по благодати”» [с. 222–223], развивается в ряде учений святоотеческой Восточной церкви: 1) христологическом, согласно которому при обожении происходит восстановление в человеке его изначального подобия Богу, при этом различие между Творцом и творением неуничтожимо; 2) триадологическом, где обожение выступает как результат и процесс соединения человека с Христом, с Отцом и Святым Духом; 3) экклезиологическом, согласно которому данный процесс связан с учением о Церкви. Обожение может быть внезапным или постепенным, осуществляется в трех стадиях – во время земной жизни, после смерти человека и во Всеобщем Воскресении, реализуется разными путями – участием в церковных таинствах Крещения и Евхаристии, мистико-аскетическом молитвенном подвиге исихазма.

В главе восьмой «Исихазм и подвижничество в миру» представлены особенности богословско-философского обоснования мистико-аскетической практики умного делания в аспекте выхода исихастской аскетической традиции в мир. На материале духовно-церковного движения XX в. – так называемого «монастыря в миру» («белое иночество») – автор показывает особенности данного типа монашества как формы христианской жизни, которая возникла как способ преодоления разрыва между монашеским и мирским путями спасения. К основным принципам жизни монастыря в миру В.И. Постовалова относит следующие: 1) иночество по духу, а не по форме, отсутствие стремления к буквальному повторению внешних форм организации жизни монастыря; 2) наличие значительного разнообразия в представлениях о формах конкретной организации деятельности монастыря в миру, например появление «творческого монашества в миру», инициатором которого стал о. Сергей Булгаков; 3) участие в создании христианско-православной церковной культуры; 4) наличие идеала белого инока – совершенного христианина, Первообразом которого выступает сам Спаситель, – который является достижимым через «сознательное усугубление для себя заповедей, общих для всех христиан» [с. 321]; 5) исполнение умного делания как главного направления духовной

жизни в миру. Эти и иные принципы определяются автором в ходе анализа установок, учений и поучений о. Иоанна Кронштадтского, о. Алексея Мечева, протоиерея В. Свендицкого, о. Сергия Булгакова и других деятелей и инициаторов движения. К числу избравших для себя путь ученого «монашества в миру» относится и А.Ф. Лосев, философ, ученый и религиозный мыслитель. Разделяя идеал цельного знания (в единстве его планов – мистико-аскетического, богословско-философского, культурно-исторического) как цельной жизни, А.Ф. Лосев рассматривает имяславие в качестве основы православия. В его видении исихазм есть, прежде всего, паламизм (учение св. Григория Паламы), учение о «нетварности Божественного Света, непостижимости Бога в Его Сверхсущности и возможности познания в Его энергиях» [с. 339]. Для А.Ф. Лосева имяславие состоит в «умозрении Божественного Света», «в связи человека с Его световыми энергиями», в том, что «имя не только не звук, но даже и не символ, а – умный свет», а «энергия есть свет существа Божия»¹.

В главе девятой «Язык и реальность: онтологические концепции изучения языка в отечественном гуманитарном познании» автор демонстрирует пути становления онтологической (реалистической) концепции языка в русской религиозно-философской мысли школы Всеединства, а также констатирует появление «онтологического поворота» в современной гуманитарной мысли. Философия имени школы Всеединства представляет семантическую парадигму в ее онтологической (бытийственной) трактовке природы языка, которая опирается на принципы монадизма (изначального тождества бытия и сознания), реализма, символизма, синергетизма и персонализма. Данная парадигма развивается в конкретной метафизике П.А. Флоренского, софиологическом учении С.Н. Булгакова, энергийно-символическом учении о языке А.Ф. Лосева. В основе онтологического (бытийственного) подхода в сравнении с внебытийственными подходами (гносеологический субъективизм, психологизм, релятивизм, логицизм) лежит «противопоставление подлинного, т.е. имеющего отношение к истине, и неподлинного, только кажущегося» [с. 372]. В своем учении «Фи-

¹ Цит. по: Лосев А.Ф. Имя : избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. – СПб. : Алетей, 1997. – С. 14, 15, 296, 291.

лософия имени» А.Ф. Лосев осуществил анализ имени и слова («ономатодоксия») при разработке универсальной логической конструкции имени, не зависимой от какого-либо опытного содержания, а также концепции о трех степенях смысловой насыщенности языка: знак, символ, миф. Рефлексивное осмысление путей адаптации онтологического подхода свидетельствует о возможности создания особой дисциплины – онтологической лингвистики, эмпирической базой для которой могла бы послужить лингвистическая историография. К числу направлений онтолингвистики В.И. Постовалова относит онтологическое терминоведение (исследования А.Х. Султанова), лингвистическую герменевтику А.М. Камчатнова, онтологическую концептологию (лингвистическую, семиотическую, художественную, философскую, религиозную). Особую роль в формировании онтолингвистики автор отводит учению «Новый реализм» Ю.С. Степанова как третьей философии языка в истории мировой лингвофилософской мысли, где первой философией является реализм Аристотеля, второй – номинализм Оккама. Ключевым тезисом философии становится тезис «Между Системой и Текстом», а ключевой категорией – категория Дискурса как языкового выражения Мира¹; при этом отличительной чертой данной концепции является некоторый синтез реалистических и номиналистических идей.

В приложениях представлены 1) план-конспект концептуально-терминологической системы Афонского спора; 2) анализ подходов учения о свете в православной традиции; 3) систематизация философских, историко-культурных и методологических концепций энергии и путей ее концептуализации.

В целом в работе реализовано аналитическое описание учения о молитве и Имени Божиим в православии с позиции теолингвистики – новой научной дисциплины, направленной на изучение взаимосвязи языка и религии в концептуальном, культурно-историческом и опытно-эмпирическом аспектах.

*М.И. Куосе,
Московский государственный
лингвистический университет (МГЛУ)*

¹ Степанов Ю.С. Язык и Метод : к современной философии языка. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 784 с.

Опарина Е.О.

**ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ
(Обзор)**

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Аннотация. Имена собственные (онимы) обладают особым типом содержания, относительно которого в лингвистике до настоящего времени не выработано общей точки зрения. Так, дискуссионным остается вопрос о соотношении экстенционального и интенционального планов содержания этих языковых единиц, о способах выполнения индивидуализирующей функции. Вместе с тем активно исследуются проблемы, относящиеся к области лингвокультурологии, т.е. те особенности онимов, которые связывают их с культурой народа, с местом омонимов в языковой картине мира. В данном обзоре освещаются преимущественно работы, созданные в русле лингвокультурологического направления.

Ключевые слова: имена собственные; логическая семантика; референция vs смысл; прецедентные имена; лингвокультурология; культурологический комментарий.

Имена собственные представляют собой особый пласт лексики, в котором заключены особенности естественного языка – специфика его семантики, структуры, его связей с сознанием и культурой народа. Имена собственные, как и другие полнозначные лексические и фразеологические единицы, выполняют разные функции в языке: номинативную, идентифицирующую, коммуникативную, дейктическую, оценочную, фатическую. Однако общего

мнения относительно своеобразия семантики имен собственных в лингвистике до настоящего времени не существует; в частности, исследователи расходятся в понимании взаимосвязей между типами содержания в онимах. «Семантические характеристики и референциальный статус имен собственных все так же остаются камнем преткновения разных подходов и предметом острых дискуссий», отмечается в: [Харитончик, 2020, с. 140]. З.А. Харитончик выделяет ведущие главные направления в подходах к семантике имен собственных: к одному полюсу относится концепция, отрицающая наличие значения у этой группы единиц; к противоположному – теории, объединяемые идеей наличия у имен собственных дескриптивного содержания, так или иначе направленного на фиксацию связи с обозначаемыми объектами. Важным для когнитивного направления в лингвистике, в том числе для лингвокультурологического, является утверждение о том, что за языковыми знаками – онимами стоят знания, хранящиеся в мозгу человека и представляющие собой некую информацию категориального, грамматического, пресуппозитивного, ассоциативного, коннотативного, эмоционального и т.д. характера¹.

Многие ученые квалифицируют данные типы информации как проявление референтной (в другой терминологии – денотативной) функции, указывающей на предмет [там же]. Однако при другом подходе объяснение семантики имен собственных посредством понятия референции подвергаются критике и утверждается достаточность понятия смысла для интерпретации их значения и функционирования. Подобный подход к именам собственным су-

¹ Langendonck W. von. Theory and typology of proper names. – Berlin, 2007. – XVI, 378 p.; см. также: Демьянков В.З. О когниции, культуре и цивилизации в трансфере знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2016. – № 4. – С. 5–9; Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. – М., 2005. – 223 с. Сравним с другой точкой зрения, которая высказана давно и представляется противоположной когнитивному подходу: согласно Д.С. Миллю, имена собственные есть по своей природе единичные термины, семантическая функция которых состоит исключительно в указании каждому на строго определенный индивидуальный предмет. Они не имплицитуют и не коннотируют никаких свойств, поскольку какие-то свойства объектов могут измениться так, что данная коннотация будет более не применима к носителю имени. Но само имя в таком случае сохраняется. Изложено по: [Черняк, 2020, с. 27]. См.: Mill D.S. A system of logic. – L., 1862. – Vol. 1. – P. 1, 2, 5, 33–34.

существует в философии и логической семантике. Так, согласно гипотезе А.З. Черняка [Черняк, 2020], роль имен собственных в мышлении и коммуникации не определяется с помощью приписывания им единичных вещей в качестве денотатов, т.е. их семантика не строится на отношениях референции к объектам внешнего (внеязыкового) мира. Теория референции, с точки зрения А.З. Черняка, не объясняет, каким образом способность указывать на единичные предметы появляется у имен собственных и как она обеспечивает коммуникацию и роль в познавательных практиках. Более релевантными он считает варианты «антиреалистических» семантик собственных имен [там же, с. 195], в которых под их денотатами понимаются идеи, логические конструкции и им подобные ментальные и психологические сущности, ассоциируемые с понятием «смысл». Например, антропоним в предложении Вера пошла в салон красоты в менталистской трактовке понимается как часть обозначения определенной идеи в сознании коммуникантов [там же, с. 202].

В предлагаемой А.З. Черняком теории (которую он сам характеризует как разновидность менталистских теорий) высказывания с единичными выражениями, в том числе с именами собственными, рассматриваются как высказывания исключительно о смыслах, «и именно ими [смыслами] исчерпывается семантический вклад этих имен в коммуникацию и интерпретацию» [там же, с. 224]. В качестве аргумента А.З. Черняк приводит, в частности, тот факт, что имена стандартно используются для указания на изображения или другие репрезентации объектов, а не на самих носителей: например, на бюсте Платона может быть надпись Платон, и мы можем сказать об этом изображении Это – Платон. При таком понимании имя не отождествляется с бюстом, но воспринимается как трактовка свойства изображаемого (носителя имени собственного), т.е. из фразы выводится значение, которое носит интенциональный характер. Из такого объяснения выпадают отношения референции, связывающие имена с вещами. При этом не отрицается, что имена и денотаты связаны между собой прагматическими отношениями, однако А.З. Черняк предлагает строго различать семантику – теорию значения языковых выражений – и прагматику – теорию использования языка. Приводится высказывание Д. Льюиса о том, что существуют две разные задачи: описа-

ние возможных языков как абстрактных семантических систем, символы которых ассоциированы с аспектами мира, с одной стороны, и описание психологических и социологических предпосылок, в силу которых такая система применяется индивидом или сообществом, – с другой. «Таким образом, я полагаю, что у языковых выражений, в том числе собственных имен, есть семантические значения, не сводимые к их использованиям, понятым как просто совокупность прошлых артикуляций этих выражений, а скорее объясняющие их. И этими значениями... являются смыслы» [Черняк, 2020, с. 272]. Для успешного общения те смыслы, которые приписываются коммуникантами языковым знакам, не обязательно должны совпадать, однако они не должны противоречить друг другу.

Предлагается ряд параметров для определения имен собственных. Эти единицы характеризуются как стандартно используемые для производства особых речевых актов – актов именования, а также тех речевых актов, частью которых является именование, например, высказываний, приписывающих существование объекту именования или наличие у него определенных свойств. «Допуская существование таких актов, мы не обязаны допускать существование отношений референции, которые в них якобы реализуются. Субъект может использовать имя с целью назвать определенный выделяемый им в его уме объект; это не значит, что так использованное это имя будет выделять этот объект посредством какой-то специфической связи с ним – существования отношения референции» [там же, с. 389]. Для объяснения смысла имени собственного также вводится понятие дискурсивного референта, частично определяемого его смыслом, а частично – предшествующим дискурсом. Введение дискурсивного референта означает только «сделать доступной для сознания информацию необходимую для его определения» [там же, с. 390]. А.З. Черняк признает, что в представленной теории остались без ответа фундаментальные вопросы: что есть смысл собственного имени; как именно смыслы закрепляются за собственными именами; каким образом смыслы функционируют в качестве ментальных сущностей. Тем не менее он полагает, что предлагаемая гипотеза может стать основанием для разработки новой парадигмы понимания имени собственного в философии и лингвистике.

В настоящее время в отечественной лингвистике довольно активно разрабатывается лингвокультурологический подход к имени собственному. Такой подход является плодотворным, так как семантика онимов в значительной степени является культурно обусловленной – она трактуется в терминах культуры, ее кодов, текстов, мифологем, символов, эталонов, стереотипов. Именно поэтому имена собственные обретают черты нарицательных. Они характеризуют объекты обозначения, способны развивать многозначность или, наоборот, сужать интенциональное значение; они апеллируют к энциклопедическим или общим культурным знаниям и стимулируют познание; они могут быть частью общенациональной когнитивной базы или, наоборот, элементом языка и коммуникации определенной социальной группы внутри национального (этнического) культурного сообщества.

Изучение роли имен собственных в аспекте их культурных коннотаций свидетельствует о большом когнитивном потенциале этих языковых единиц [Васильева, Тритенко, 2020; Глинская, 2020]. Составные термины, имеющие в своем составе антропоним (термины-эпонимы) и апеллятив, являются распространенным способом наименования понятий в англоязычных терминосистемах, например в психологической терминологии. Немалое их количество включают в свой состав имена ученых, открывших или описавших какое-либо явление, клинический признак, метод лечения: *Ward's method*, *Babinski reflex*. Однако значительный массив терминов такой структуры основывается на онимах, имеющих другие источники – мифологию, литературные тексты, имена известных деятелей культуры: *Oedipus complex*, *Michelangelo phenomenon*, *Alice in Wonderland syndrome*, *Werther syndrome*. Подобные термины представляют собой код профессиональной культуры и при этом часто являются этноспецифичными, особенно в случае их принадлежности к первой группе. Избирательность национальных терминосистем нередко приводит в медицинском дискурсе к различию обозначений одного и того же явления. Так, *Базедова болезнь* в американской традиции – *Graves disease*, *пятна Бельского-Филатова-Коплика* – *Koplik's spot* [Глинская, 2020].

Термины, содержащие в своем составе оним, представляют собой когнитивный механизм, который, подобно метафоре, на начальной стадии категоризации объекта изучения позволяет про-

фессиональному сознанию сфокусировать мысль на определенных характеристиках объекта и таким образом участвует в его конструировании. В профессиональном дискурсе происходит дальнейшая разработка предлагаемого видения объекта, и выясняется, насколько широкое распространение может получить в научном сообществе соответствующая термину гипотеза [Глинская, 2020].

Термины, содержащие оним с мифологическим или литературным компонентом, несут в себе аллюзию к общекультурному коду, часто универсальному¹. Вокруг их прототипов уже сложился культурный текст, роль которого в развитии ассоциаций и коннотаций может быть различна. С одной стороны, длительная история онима как прецедентного имени (ПИ) ведет к формированию однозначного стереотипа, однако с другой – у многих ПИ, относящихся к универсальному коду, сохраняется целый ряд (амальгама, по выражению Н.В. Васильевой и Е.В. Тритенко) релевантных характеризующих признаков [Васильева, Тритенко, 2020; ср. Харитончик, 2020]. Данное утверждение относится и к именам – компонентам терминов и подтверждается участием антропонима *Диоген* в медицинской (психологической и психиатрической) терминологии. Термин *синдром Диогена* (по имени древнегреческого философа-моралиста, жившего в IV в. до н.э. и устроившего себе, согласно легенде, жилище в бочке) в языке психологов и психиатров обозначает комплекс психосоматических расстройств, развивающихся у пожилых людей и подразумевающих целый набор признаков: замкнутость, лабильность психики, агрессивность и недоверчивость, пренебрежительное отношение к уходу за собой, запущенность домашнего хозяйства, общая захламенность жилища. Мифологизированный образ с характерным атрибутом (персонаж-«фрик», живущий в бочке) стал основой для термина, однако его удачность является вопросом для специалистов, при этом они апеллируют именно к общекультурному коду². Дискуссион-

¹ Н.В. Васильева и Е.В. Тритенко предлагают обозначать такие онимы термином «мифозпоним» [Васильева, Тритенко, 2020; ср. Гудков, 2020], где культурный смысл ПИ также связывается в первую очередь с идеей мифологии, в том числе современной. – *Прим. авт.*

² Например, польская исследовательница Э. Цибульская оспаривает удачность данного термина на основании того, что Диоген, при аскетизме своего быта, все же был счастлив, так как он отстаивал свою свободу и самодостаточность.

ность термина-мифозпонима способствует профессиональному и языковому творчеству: в языках появляется множество терминов-конкурентов и партнеров. В английском – *Diogenes syndrome, (forced) collectionism, senile squalor syndrome, chronic saving behaviour, Havisham syndrome, Plyushkin's syndrome* и др. В этом ряду обращает на себя внимание присутствие еще двух «конкурирующих» онимов – имени персонажа «Мертвых душ» Н.В. Гоголя и персонажа «Великих ожиданий» Ч. Диккенса («Great Expectations», Ch. Dickens) – мисс Хэвишем (*miss Havisham*). В русском профессиональном дискурсе психологов присутствуют: *синдром Диогена, синдром Плюшкина, силлогомания, патологическое накопительство, старческое убожество*. В немецком также есть свои аналоги: *Diogenes-Syndrom, Sammelwut, Syllogomanie*. Наличие нескольких наименований позволяет по-разному фокусировать объект, выявляя иерархию его свойств. Кроме того, признание термина неудачным может стать стимулом к профессиональному исследованию, ставящему целью научное доказательство иной гипотезы. Таким образом, способ прочтения культурного текста, связанного с именем собственным – мифозпонимом, служит ориентиром в понимании научного термина и определяет направление исследований объекта наименования [там же]. Высокий смысловой потенциал, которым может обладать общекультурное ПИ, подтверждается на примере онима Золушка в современном русском языке. Переносные употребления включают такие признаки, как 'трудолюбивая'; 'та, которая выполняет всю черную работу'; 'нелюбимая дочь, которая содержится в семье хуже других'; 'безответная'; 'невзрачная и плохо одетая'. Однако современное живое употребление и словари обнаруживают более широкий экстенционал ПИ *Золушка* в русской лингвокультуре. В его семантику вводятся признаки, энантиосемические по отношению к традиционным: 'о недооцененных предметах, явлениях, видах искусства', 'о человеке или явлении, с которым произошли изменения к лучшему в жизни, социальном статусе, функционировании'. Например: *Долгое время хоккей на траве являлся в нашей стране Золушкой* («Зеркало мира», 2012); *История Эльвиры чем-то напоминает*

Термин *синдром Диогена* характеризует противоположную ситуацию, ключевым признаком которой считается захламленность жилища, а не аскетизм [Васильева, Тритенко, 2020]. – Прим. авт.

историю «нижегородской Золушки» Натальи Водяновой, которая сумела потеснить самых именитых моделей («Комсомольская правда», 2008, 02.16) [Вознесенская, 2020].

Главной причиной высокого смыслообразующего потенциала ПИ исследователи признают литературный текст, лежащий в его основе. В составе текста-источника такие онимы существуют как бы в «свернутом» виде, но сюжет и персонажи позволяют разворачивать ассоциации в разных направлениях, что и происходит благодаря культурному знанию [Вознесенская, 2020; Рыжкина, 2020].

В современных дискурсах прослеживается еще одно креативное свойство ПИ: такие антропонимы участвуют в варьировании фразеологизмов внутри определенных структурных моделей. Подобное явление прослеживается на примере английской фразеологии, в которой введенный В. Шекспиром оборот *to out-Herod Herod* со значением «перестараться, переусердствовать», букв. переродить Ирода, стал основой для формирования открытого ряда фразеологических единиц (ФЕ) с варьирующимися именными компонентами, имеющими эталонное значение. В фокусе исходного фразеологизма – признак 'жестокость Ирода', которая представлена в культуре как эталон жестокости. Поэтому вновь возникающие ФЕ ставят в центр признак 'непревзойденность какого-либо качества': *to out-Byron Byron* (имя поэта-романтика функционирует в английской лингвокультуре как эталон гордости и романтических наклонностей); *to out-Trump Trump* (Трампа как эталон политика с экстремальным, необычным поведением). Вариативной является также схема с конструкцией *son / daughter / child of + A* (антропоним), где в роли антропонимов первоначально выступали библейские имена. В дальнейшем произошло расширение схемы: от *son of Adam u daughter of Eve*, обозначающих '(истинных) мужчин' и '(истинных) женщин', к фразеологическим обозначениям профессиональной деятельности, использующим имена мифологических персонажей, как *son of Mars* и *son of Neptune* 'военный' и 'моряк'¹ [Рыжкина, 2020].

¹ В данную структурную модель также включились имена нарицательные: *son / daughter of soil* – «крестьянин / крестьянка», *son of spigot* – «кабатчик», *child of love* – «дитя любви». – Прим. авт.

Наряду с именами библейских, мифологических и литературных персонажей в роли ПИ широко применяются имена социально значимых, широко известных личностей – политиков, ученых, спортсменов, деятелей искусства. Они часто употребляются в контекстах, способствующих тропеизации, например, с уточняющими атрибутами или сравнительными частицами: *советская Мэрилин Монро; русская Мэрилин Монро; вылитая Мэрилин Монро; Вера Алентова – как Мэрилин Монро* [Харитончик, 2020]. Особенность употребления таких онимов заключается в синкретичности их семантики, которая отражает синкретичность знания о них. Как показывают результаты психолингвистического эксперимента, причиной этого является неустойчивость стереотипа, приводящая к большему разнообразию приписываемых признаков, чем в случае с устоявшимися по значению мифологическими онимами. Так, имя собственное Эйнштейн оказалось для участников эксперимента (студентов Минского университета) репрезентантом довольно значительного набора мотивирующих признаков: гениальность, высокий интеллектуальный уровень; творческий характер; значимость научных достижений; незаурядность; известность; непредсказуемость и оригинальность. Заимствованные интервьюерами из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) иллюстрации и реакции на них опрашиваемых свидетельствуют о разбросе признаков и отсутствии сложившегося стереотипа как однозначного коллективного представления. Для имен *Иуда* – только 'предатель' – и *леди Макбет* – только 'женщина, готовая на преступление ради достижения амбициозной цели' – выработаны однозначные стереотипы, но оним Эйнштейн до настоящего времени синкретичен, ср. выражения: *В любви я Эйнштейн!; Каждый будет лелеять надежду, что в нем проснется Пикассо или Эйнштейн; Путин как Эйнштейн сегодня; любой Эйнштейн с первого курса*. В то же время нельзя не отметить движение к становлению стереотипа: чаще всего в интерпретациях высказываний фиксируются концепты 'гениальность' и 'математический талант' носителя онима [там же].

Таким образом, наличие антропонима в структуре фразеологизма создает условия для семантической прозрачности, однако далеко не всегда и не сразу антропоним, в том числе относящийся к группе ПИ, оказывается сведенным к стереотипу, жестко мотивированному одним-двумя признаками.

Своими особенностями отличается функционирование имен собственных в новых дискурсивных практиках, таких как неофольклор и сетевое общение. Анализируя закономерности употребления ряда других русскоязычных антропонимов, М.Л. Ковшова [Ковшова, 2019] отмечает, что в сетевой культуре происходит активный процесс: имена собственные обретают обобщенные признаки и становятся именами типов или игровых персонажей. Это происходит на основе приписывания индивиду – носителю какого-либо имени путем внесения в него (имя) субъективных оценочных импликаций. Данный процесс является процессом семантического переноса, поэтому его можно рассматривать как разновидность метафоры. Интересно, что в новых формах культуры, таких как сетевое общение и виды неофольклора, подобным образом происходит переосмысление и приписывание культурных коннотаций тем именам, которые в традиционных видах культуры, в том числе в фольклоре, культурной интерпретации практически не получали. К этой группе относится, например, мужское имя Валера, которое стало кодовым именем грубого, сильного, агрессивного, уверенного в себе персонажа-мужчины. Такой образ присутствует, например, в жанре «пирожков» и «порошков» (в которых принято написание без знаков пунктуации и заглавных букв):

не бей не бей меня валера
в углу василий причитал
но вдруг из темноты раздалось
эй ты на ринге или где
[там же, с. 229].

Подобные переосмысления имеют в русской культуре предшественников: рифмованные двустишия или четверостишия на актуальные темы, детские дразнилки и «саdistские» стишки, частушки, анекдоты, литературные пародии на графоманов (как «Поэма о Гавриле» из «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова). Они также имеют аналоги в других групповых и молодежных культурных практиках, например в интернациональной игре в призывы с определенными именами, популярной на рок-фестивалях. Так, на немецком фестивале Rock Am Ring все ищут Хельгу, на украинском – Артура, на русских – *Лёху и Валеру*; имя *Валера* часто присутствует на татуировках и т.п. В настоящее вре-

мя «“Валеромания” утихла, однако обобщение наблюдений, соби-
рание типа людей под собственным именем *Валера* в сетевом нео-
фольклоре продолжается» [Ковшова, 2019, с. 228].

Разработка принципов лексикографирования культурной информации языковых единиц, в том числе относящихся к преце-
дентным феноменам, стала важным направлением в лингвокуль-
турологии. Лингвокультурологический словарь, описывающий
русские прецедентные имена и зоонимы [Гудков, 2020], следует
выработанным ранее принципам, но содержит в себе и определен-
ные нововедения¹. Закономерностью является общий подход к
описываемым единицам: прецедентные имена представлены как
элементы русского культурного кода. В данном издании присут-
ствуют ПИ, отсутствовавшие в более ранних культурологических
словарях. Данные ПИ имеют разные источники: они берут начало
в мировой и русской литературе, в том числе в детской, в мифоло-
гии, в истории – *Гагарин, Орфей, Дон Кихот, Маугли* и др. Соответ-
ственно, расширена иллюстративная зона: каждое употребление ПИ
иллюстрируется не менее чем тремя примерами, заимствованными
у разных авторов и принадлежащими к разным дискурсам – к со-
временной литературе (главным образом массовой), публицисти-
ке, жанрам интернет-коммуникации. Выбор таких примеров обос-
новывается интенцией автора отразить современное массовой
употребление ПИ [там же].

Прецедентное имя (ПИ) определяется как имя собственное,
связанное с широко известным текстом и / или фиксированным
комплексом определенных качеств. В его содержании и функциони-
ровании выделяются следующие признаки: регулярное употребление
в коммуникации носителей языка; интенциональная (коннотативная)
нагруженность и функционирование в роли характеризующего
предиката; известность этого имени и его смысла большинству

¹ В более ранних теоретических и лексикографических публикациях раз-
работаны и реализованы методологические принципы репрезентации единиц
языка как составляющих культурного пространства. См.: Большой фразеологиче-
ский словарь русского языка : значение. Употребление. Фразеологический ко-
ментарий / отв. ред. Телия В.Н. – М., 2006. – 784 с.; Гудков Д.Б. Межкультурная
коммуникация : проблемы обучения. – М., 2003. – 118 с.; Русское культурное
пространство : лингвокультурологический словарь / под ред. Захаренко И.В.,
Красных В.В., Гудкова Д.Б. – М., 2004. – Вып. 1. – 318 с.

социализированных представителей лингвокультурного сообщества. Последний из перечисленных признаков дает основания считать ПИ частью когнитивной базы лингвокультурного сообщества – структурированной и находящейся в динамике совокупности знаний и представлений. Результатом ее резкого изменения становится межпоколенческий разрыв на уровне лингвокультурной компетенции [Гудков, 2020]. Выбор единиц для данного словаря и иллюстрирующих их примеров обусловлен нацеленностью автора на анализ актуального для сегодняшнего дня состояния когнитивной базы носителей русского языка.

ПИ, как и другие прецедентные феномены, конструируют ценностную шкалу лингвокультурного сообщества и тем самым являются частью его национальной мифологии. Поэтому Д.Б. Гудков характеризует значение ПИ как мифологическое, понимая под этим термином существование у подобных знаков не только общеязыкового значения, но также закрепленного значения, принадлежащего к вторичной семиотической системе культуры. О правомерности такого подхода свидетельствует то, что с аналогичных позиций могут быть системно описаны зоонимы, элементы зооморфного кода культуры, которые регулярно используются носителями языка для характеристики человека / группы лиц, явления, предмета, социального института.

Подчеркивается, что ПИ и зоонимы существуют в языке и культуре в виде носителей стереотипизированных представлений, т.е. как результат выбора языковым коллективом редуцированного набора устойчивых признаков из множества признаков, относящихся к обозначаемому предмету. Например, для русского культурного сознания Обломов воплощает признак 'лентяй', а *Эйнштейн* – признак 'великий ученый', притом что обозначаемые «предметы» обладают многими другими свойствами, а в индивидуальном когнитивном пространстве каждого представителя общества может существовать еще и свое, особое представление о них [там же; ср.: Харитончик, 2020]. Кроме того, ПИ являются национально маркированными, поскольку языки не только по-разному расчленяют мир, но также различаются по характеристике и оценкам его проявлений.

Толкование в словарной статье состоит из тех пунктов: (1) краткая энциклопедическая информация о предмете и его отраже-

нии в мифологии; (2) существующее в русском лингвокультурном сообществе инвариантное стереотипное восприятие имени; (3) различные варианты мифологического представления о культурном значении описываемой единицы с соответствующими иллюстрациями. Например, ПИ *Малюта* после энциклопедической справки об историческом персонаже Григории Лукьяновиче Скуратове-Бельском (с прозвищем Малюта) описывается следующим образом: 2) палач и изувер, лишенный каких-либо нравственных устоев; 3) современные русские могут назвать Малютой или обращаться к образу М. для характеристики: чрезвычайно жестокого человека, не останавливающегося ни перед чем; сотрудника органов госбезопасности, беспощадного, лишённого жалости к своим жертвам, могущего вести себя по-зверски по отношению к ним [Гудков, 2020, с. 71–72].

Таким образом, в современной лингвистике продолжается исследование семантических особенностей имен собственных, которое осуществляется в разных направлениях.

Список литературы

- Васильева Н.В., Тритенко Е.В. Синдром Диогена : имя в культуре и в медицинском термине // Знаки языка и смыслы культуры : сборник науч. трудов, посвященный памятному юбилею Вероники Николаевны Телия. – М. ; Тамбов, 2020. – С. 95–101. – (Когнитивные исследования языка).
- Вознесенская М.М. Сказка о Золушке : метафорический потенциал прецедентного имени // Знаки языка и смыслы культуры : сборник науч. трудов, посвященный памятному юбилею Вероники Николаевны Телия. – М. ; Тамбов, 2020. – С. 484–491. – (Когнитивные исследования языка).
- Глинская Н.П. Терминологическая эпонимия в социокультурном контексте: (На материале англоязычных терминов психологии) // Знаки языка и смыслы культуры : сборник науч. трудов, посвященный памятному юбилею Вероники Николаевны Телия. – М. ; Тамбов, 2020. – С. 101–105. – (Когнитивные исследования языка).
- Гудков Д.Б. Люди и звери : русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе : Лингвокультурологический словарь. – М. : Ленанд, 2020. – 200 с.
- Ковшова М.Л. Несколько современных штрихов к имени собственному *Валера* // Когнитивные исследования языка : сборник науч. тр. в честь юбилея В.З. Демьянкова. – М. ; Тамбов : Издат. дом «Державинский», 2019. – Вып. 36 : Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование. – С. 222–230.

- Рыжскина Е.В.* Модели вариативности английских идиом библейского происхождения с компонентом-антропонимом : лингвокультурологический аспект // Знаки языка и смыслы культуры : сборник науч. трудов, посвященный памятного юбилею Вероники Николаевны Телия. – М. ; Тамбов, 2020. – С. 514–520. – (Когнитивные исследования языка).
- Харитончик З.А.* Семантическая неопределенность имен собственных, или что значит «Ты – настоящий Эйнштейн!» // Знаки языка и смыслы культуры : сборник науч. трудов, посвященный памятного юбилею Вероники Николаевны Телия. – М. ; Тамбов, 2020. – С. 140–147. – (Когнитивные исследования языка).
- Черняк А.З.* Семантика референции и значения собственных имен. – М. : Ленанд, 2020. – 400 с.

Борисова Е.Б.*

**СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ПЕРСОНАЖА
В МОНО- И ПОЛИКОДОВОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗКИ РОАЛЬДА ДАЛЯ
«МАТИЛЬДА» И ЕЕ ЭКРАНИЗАЦИИ)
(Обзор)**

*Самарский государственный социально-педагогический
университет*

Аннотация. В обзоре представлена методика исследования средств создания образа персонажа в художественном тексте и его экранизации. Последняя рассматривается как поликодовый текст, к которому применяется метод общепилологического анализа. Изучение проводится на материале сказки Роальда Даля «Матильда» на языке оригинала.

Ключевые слова: персонаж; образ; английский язык; художественный текст; Роальд Даль; литературная сказка; общепилологический анализ; поликодовый текст.

В обзоре представлена методика общепилологического анализа монокодового произведения (текста английской литературной сказки Р. Даля «Матильда») применительно к поликодовым текстовым образованиям, к которым Е.В. Кобзева [Кобзева, 2020] относит художественный фильм (в качестве материалов для исследования были выбраны литературная сказка Р. Даля «Матильда» и ее одноименная экранная версия, режиссером которой выступает Д. ДеВито). При использовании методики общепилологического

* © Борисова Е.Б., 2021.

анализа монокодового произведения привлекается методологический аппарат лингвостилистики, лингвопоэтики, литературоведения, лингвокультурологии и при необходимости других гуманитарных дисциплин (социолингвистики, психолингвистики, истории, философии, социологии), особенно в тех случаях, когда речь идет о комплексном изучении средств и способов создания художественного образа [Борисова, 2018, с. 49–52].

Художественный образ – первоэлемент художественного текста, есть «конкретная и в то же время обобщенная картина бытия, отражающая в той или иной мере мировосприятие художника слова, созданная им при помощи вербальных средств и художественно-композиционных приемов и имеющая эстетическое значение» [Борисова, 2010, с. 39].

В основе методики общепилологического анализа монокодового произведения лежат работы В.В. Виноградова (литературоведческий анализ) [Виноградов, 1954] и Л.В. Щербы (лингвистический метод исследования) [Болотнова, 2007, с. 29]. Важное значение для методики общепилологического анализа монокодового произведения имеет лингвопоэтика, как новаторский для своего времени подход к анализу произведений словесно-художественного творчества [Виноградов, 1963; Винокур, 1990; Задорнова, 1992; Назарова, 1994; Липгарт, 2006]. Необходимость развития комплексного подхода к изучению художественного текста объясняется тем, что на литературоведческий, лингвостилистический и лингвопоэтический анализ, взятые в изоляции, налагаются определенные ограничения ввиду их специфики.

Методологически важной при разработке методики общепилологического анализа монокодового произведения становится точка зрения исследователей, обосновавших целесообразность применения общепилологического метода исследования текста, особенно в тех случаях, когда речь идет о комплексном изучении средств и способов создания художественного образа [Борисова, 2018, с. 49–52, Кандрашкина, 2013].

Образ персонажа изучается с точки зрения наиболее значимых структурно-содержательных аспектов, к которым относятся интродукция, портретная и речевая характеристики, средства описания поступков и формы выражения авторского отношения к персонажу. Кроме того, в анализируемом произведении Роальда

Даля «Матильда» и его одноименной экранизации, созданной режиссером Денни ДеВито, авторская интенция наиболее ярко проявляется через совершаемые персонажами поступки, высвечивающие и их характер.

Рассматривая содержание понятия «литературная сказка», Е.В. Кобзева выделяет жанровые характеристики произведений Р. Даля для детей. Выдвигается гипотеза, согласно которой указанные произведения можно отнести к жанру современных волшебных сказок, созданных в эпоху постмодернизма и отражающих ключевые веяния в обществе в комбинации с волшебством и магией. Приводится классификация включенных в них образов персонажей, которая основывается на противопоставлении мира детей миру взрослых.

Е.В. Кобзева выявляет особенности поликодовых текстов, и в частности – «кинотекстов», являющихся их особым типом, к которым возможно применение методики филологического анализа.

По мнению Е.В. Кобзевой, линейность текстов не является плодотворной, так как мышление человека становится более нелинейным, что находит отражение в новых типах текстов. Отмечается, что рост потока визуальной информации с более высокой информативной нагрузкой приводит к увеличению объема зрительной памяти человека, что трансформирует лингвистику текста в лингвистику семиотически осложненного текста [Большакова, 2008, с. 37].

Основываясь на классификации нелинейного текста, предложенной Л.С. Большаковой, Е.В. Кобзева относит фильм (кинотекст) к поликодовым текстовым образованиям, построенным на «соединении в едином знаковом пространстве семиотически гетерогенных составляющих – вербального текста в устной или письменной форме, изображения, а также знаков иной природы» [Сонин, 2005, с. 117] [Большакова, 2008]. Кинотекст рассматривается в соответствии с определением Г.Г. Слышкина и М.А. Ефремовой как связь лингвистической и нелингвистической систем, где лингвистическая система представляет собой два звена: письменное (титры и надписи) и устное (звучащая речь актеров, закадровый текст, песня и т.д.), а нелингвистическая система включает звуковую составляющую (естественные и технические шумы, музыка) и

видеоряд (образы персонажей, их движения, пейзаж и т.д.) [Слышкин, Ефремова, 2004].

Основываясь на вышесказанном, Е.В. Кобзева относит художественный фильм к особому типу поликодового текста, где иконический (визуальный) компонент выступает облигаторным, вербальная часть ориентирована на изображение, а мелодический компонент помогает усилить заложенный в произведение смысл. Кроме того, типологические особенности кинофильма позволяют утверждать, что в его основу положен художественный образ, созданный посредством знаков нескольких семиотических систем. Однако при его анализе возможно применение филологического метода исследования, привлекающего методологический аппарат лингвостилистики, лингвопоэтики, литературоведения, лингвокультурологии и других смежных гуманитарных дисциплин (например, лингвосемиотики).

Образы персонажей изучаются при помощи методики их анализа в произведениях словесно-художественного творчества, с аналогичными содержательными компонентами. Различие между анализом художественного текста и художественного фильма заключается в знаковых системах: в произведении словесно-художественного творчества анализу подвергаются письменно зафиксированные вербальная составляющая и приемы художественной композиции, а в кинофильме рассматриваются иконическая, мелодическая и устная вербальная составляющие с учетом структурно-содержательных компонентов.

Анализируя средства создания образов персонажей в оригинальном тексте англоязычной литературной сказки Р. Даля «Матильда», Е.В. Кобзева фокусирует внимание на ключевых персонажах – Матильде, мистере и миссис Вормвуд, мисс Ханни и мисс Транчбул на основе предложенной схемы анализа.

Анализ **интродукции** персонажей позволяет говорить о том, что Р. Даль не заостряет внимание читателей на описании внешности Матильды (протагониста произведения, ребенка) и Мисс Ханни (взрослого протагониста), концентрируясь на чертах их характеров, и, напротив, ярко рисует образы родителей Матильды и ее антагониста, используя английские оценочные прилагательные и прилагательные цветообозначения как маркеры своего стиля (ин-

формация о личностных качествах данных персонажей представлена писателем имплицитно).

Е.В. Кобзева показывает, что портретные характеристики персонажей складываются на основе информации об их внешности, эмоциях и одежде, которая представлена, прежде всего, в авторских ремарках, и через восприятие другими персонажами. Здесь Р. Даль уделяет большое внимание описанию внешности родителей протагониста и ее антагониста, вновь прибегая к использованию оценочных прилагательных (*loud, appalling, proud, rackish, daring, stupid, ridiculous*) и прилагательных цветообозначения (*green, purple, yellow, orange-and-green*) [с. 26–41]¹, маркируя тем самым свой идиостиль.

Анализ **речевых партий** персонажей позволяет раскрыть их образы наиболее полно и упрочиться в мысли о принадлежности изучаемой литературной сказки к автологическому типу повествования.

Так, Р. Даль не использует средства фонографического уровня для создания речевых партий Матильды и мисс Ханни и никак не комментирует манеру их речевого произношения в авторских ремарках. Однако отмечается наличие графонов в речи мистера Вормвуда, что свидетельствует о том, что речь указанных персонажей соответствует произносительному стандарту лишь частично.

Показывается, что с точки зрения лексического наполнения речевой портрет мисс Ханни служит одним из средств передачи авторского отношения и изобличает ее отрицательные качества, например трусость и неумение справляться с трудностями, что отражено при помощи нейтральных слов и узуальных словосочетаний, приобретающих в составе данного автологического произведения большую выразительную силу и демонстрируя феномен приращенного смысла (*...but making sure we take things very carefully all the time*' [с. 174]; *'But I'm afraid it's not possible...'* [с. 229]; *'...But it was not my idea. It was Matilda's...'* [с. 231]).

Авторское отношение – сквозная категория, создаваемая при помощи описаний персонажей, их внутренней речи и речевых

¹ Здесь и далее страницы даются по изданию: Dahl R. *Matilda*. – N.Y. : Puffin Books, 1990. – 233 p.

партий, собственно авторских комментариев и, прежде всего, поступков ключевых действующих лиц. Анализ данного аспекта на примере Матильды показывает, что благодаря своей экстраординарности и поступкам девочка вызывает в окружающих противоречивые чувства: ненависть (со стороны мистера и миссис Вормвуд, мисс Транчбул) или обожание и восхищение (со стороны мисс Ханни).

Ключевые поступки Матильды призваны обозначить двоякое отношение к ней Р. Даля (восхищение и порицание). Тем самым Р. Даль показывает, что протагонист не является идеальным ребенком, что лишь делает ее образ более притягательным для юного читателя. Так, например, один из поступков девочки отражает ее злость, жестокость и стратегические навыки, что отображено при помощи синонимичных наречий образа действия *neatly* и *carefully* [с. 26].

Из работы следует, что, однако, в целом Р. Даль относится к данному персонажу с любовью, восхищением и уважением, открыто заявляя об этом посредством использования оценочных прилагательных с положительной ингерентной коннотацией *extraordinary, sensitive u brilliant* [с. 6] и устойчивым выражением *something to make your eyes pop* [там же].

Е.В. Кобзева отмечает, что созданные Р. Далем образы наиболее полно раскрываются в совокупности всех структурно-содержательных аспектов, языковых средств и собственно стилистических приемов разных уровней. На фонографическом уровне выделяются графон, аллитерация и звукоподражание; на лексическом уровне наиболее частотны эпитет, метафора, сравнение, противопоставление, повтор, ирония, оксюморон, гипербола, аллюзия, перифраз, прилагательные цветообозначения и оценочные прилагательные, атрибутивные словосочетания и негативно окрашенная лексика. На синтактико-стилистическом уровне выделяются инверсия, анафора, антитеза, полисиндетон, градация, повторы и предложения восклицательного типа. Главенствующими при этом можно назвать оценочные слова, прилагательные цветообозначения и эпитеты, которые и создают неповторимый идиостиль автора. При этом тем не менее изученное произведение принадлежит скорее к автологическому типу, так как указанные стилистические средства не обладают сложным импликационалом.

Исследуя образы Матильды, мистера и миссис Вормвуд, мисс Ханни и мисс Транчбул в экранизации одноименной литературной сказки Р. Даля (поликодовом / вторичном тексте) в сравнении с прототекстом по названному выше алгоритму, Е.В. Кобзева приходит к следующим выводам.

Интродукция персонажей в экранизации в целом совпадает с указанным параметром в тексте литературной сказки. Однако если в прототексте автор ярко «рисует» портреты родителей Матильды и ее антагониста и не привлекает внимания к внешности девочки и ее учительницы, акцентируя внимание на их характерах, то в кинофильме (в силу его специфики) внешности персонажей отводится главенствующая роль. Именно через данный содержательный аспект, подкрепленный закадровыми комментариями рассказчика, визуальной демонстрацией сопутствующей обстановки и действий героев, раскрывается характер последних. Для создания данного параметра режиссер объединяет визуальную (визуальные противопоставления и визуальные образы), музыкальную и вербальную составляющие (языковые средства, к которым относятся лексические и синтаксические приемы (эпитеты, метафоры, ирония, противопоставления). Одна из более ярких отличительных черт авторского стиля Д. ДеВито – использование видеOVERBальной антитезы.

Портреты персонажей создаются при помощи визуального ряда, подкрепленного в ряде случаев музыкальным и вербальным сопровождением. Автор подчеркивает, что Д. ДеВито отходит от книжного описания родителей Матильды, представляя зрителю визуальный ряд в соответствии со своим собственным видением. Например, мистер Вормвуд предстает перед зрителем низким полным темноволосым мужчиной с усиками, у которого отсутствует чувство стиля: в одежде он сочетает несочетающиеся рисунки (предпочитая полоску и клетку) и яркие кричащие цвета (например, кислотно-желтый и кислотно-зеленый).

Анализ речевых партий персонажей наиболее ярко показал отличия книги от ее экранизации, связанные с индивидуально-авторским видением режиссера ключевых персонажей и спецификой текста, в построении которого задействованы коды нескольких семиотических систем. Это дало возможность Д. ДеВито создавать речевые партии героев не только при помощи вербальной состав-

ляющей (звучащая речь), но и посредством визуального ряда (передача кинетической составляющей – мимики, жестов, походки).

Речь мистера Вормвуда передает его эмоциональную неуравновешенность, отсутствие должного образования и воспитания. В звучащих фразах главы семейства использован комплекс соответствующих просодических средств и разговорных выражений (*d'you, wanna, fed up*). Для передачи индивидуальных особенностей речевой партии мисс Транчбул, наряду с просодическими средствами, задействовано большое количество оценочных существительных с негативной ингерентной коннотацией (*wart, carbuncle, blister, pustule of malignant ooze, thief, criminal, insects, worm, pissworm, liar, cheat, Lilliputian*), выдающих ее низкий интеллектуальный уровень и ненависть к детям, а видеоряд (актриса, исполняющая роль мисс Транчбул, плюется, кричит) усиливает это впечатление.

Как и в исходном тексте, речевая партия мисс Ханни служит средством передачи отношения к ней режиссера, аналогичного отношению к ней и писателя. Наряду с этим речь мисс Ханни показывает, насколько отличным от видения автора исходного текста является видение режиссером самого образа учительницы. Так, при создании речевой партии этого персонажа актриса прибегает к использованию просодических средств (повышение тона), имитации физического недостатка (заикания) в моменты страха и разговорных выражений (*ma'am; darn thing* (в беседе с мистером Вормвудом)), что отсутствует в прототексте.

Анализ средств индикации авторского отношения позволил выявить, что Д. ДеВито, следуя идее прототекста, передает не только свое, но и авторское (Р. Даля) отношение к персонажам. Создается данная категория при помощи аналогичных монокодовому тексту средств.

В целом режиссер прямо выражает свои любовь и уважение к Матильде. Подтверждением этому служит кульминационный эпизод кинофильма, где режиссер эксплицитно дает высокую оценку умственным данным Матильды, ее уникальности, и выражает свое восхищение девочкой, что передается атрибутивными словосочетаниями с положительной ингерентной коннотацией (*a very smart kid, a loving family*).

В результате сопоставительного анализа прототекста и художественного фильма автор приходит к выводу о том, что образы ключевых персонажей, созданные Р. Далем посредством естественного языка в исходном тексте, воссоздаются режиссером поликодового текста при помощи видеовербального ряда и музыкального компонента. Их наиболее полное раскрытие происходит в совокупности всех структурно-содержательных аспектов. Основными языковыми средствами, используемыми режиссером для создания образов персонажей, выступают: лексические стилистические средства английского языка (эпитет, метафора, ирония, сравнение, аллюзия, перифраз, игра слов, вулгаризмы, разговорные лексемы и выражения, лексика со сниженной ингерентной коннотацией, оценочные слова); синтаксические приемы (антитеза, анафора, эллипсис, градация); визуальный ряд (визуальные противопоставления, антитезы и иронии); и музыкальная составляющая. Сквозными средствами, использованными Д. ДеВито в каждом из рассмотренных аспектов, выступают оценочные прилагательные и наречия, вербальные и визуальные противопоставления, которые и создают неповторимый идиостиль режиссера. Отмеченные при анализе прототекста средства и способы создания образов персонажей находят свое отражение в визуальной и музыкальной составляющих кинофильма, позволяя говорить о данном поликодовом тексте как об особом типе повествования, а внесение режиссером коррективов в сюжет текста-оригинала – как об авторском произведении, являющемся интерпретацией одноименной книги.

Таким образом, сопоставляя тексты оригинала и кинофильма, Е.В. Кобзева прослеживает степень полноценности стилизации образов персонажей в прото- и метатексте, являющих собой семиотически гетерогенные тексты, и устанавливает, что смещение как самих образов, так и средств их создания в иную плоскость происходит в силу специфики поликодового текста, осложненного взаимодействием кодов нескольких семиотических систем.

В заключение следует отметить, что общелингвистический метод исследования раздвигает рамки лингвистического, литературоведческого и лингвопоэтического методов и расширяет интерпретационные возможности художественного текста. Результаты исследования позволяют экстраполировать их на работы, по-

**Средства создания персонажа
в моно- и поликодовом художественном тексте**

священные исследованию произведений, созданных посредством не только естественного языка, но и иных знаковых систем.

Список литературы

- Болотнова Н.С.* Филологический анализ текста : учеб. пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 520 с.
- Большакова Л.С.* Типология и функционально-стилистические характеристики метафоры в поликодовом тексте : монография. – Сызрань : СВВАУЛ (ВИ), 2008. – 144 с.
- Борисова Е.Б.* Художественный образ в британской литературе XX века: типология, лингвопоэтика, перевод : дисс. ... докт. филол. наук. – Самара, 2010. – 383 с.
- Борисова Е.Б.* Художественный образ в параллельных текстах: Опыт общепилологического анализа : монография. – Самара : СГСПУ, 2018. – 248 с.
- Виноградов В.В.* Язык художественного произведения // *Вопр. языкознания*. – М. : Издательство академии наук СССР, 1954. – № 5. – С. 3–27.
- Виноградов В.В.* *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*. – М., 1963. – 255 с.
- Винокур Г.О.* Филологические исследования. – М., 1990. – 452 с.
- Задорнова В.Я.* Словесно-художественное произведение на разных языках как предмет лингвопоэтического исследования : дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1992. – 480 с.
- Кандрашкина О.О.* Средства создания пространственно-временного фона в современных англоязычных североирландских романах : дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 2013. – 193 с.
- Кобзева Е.В.* Средства создания образа персонажа в английском художественном тексте и его экранизации (на материале сказки Роальда Даля «Матильда») : дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 2020. – 198 с.
- Липгарт А.А.* Основы лингвопоэтики. – М., 2006. – 186 с.
- Назарова Т.Б.* Филология и семиотика. Современный английский язык. – М., 1994. – 182 с.
- Сонин А.Г.* Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // *Вопросы языкознания*. – М., 2005. – № 6. – С. 115–123.
- Слышкин Г.Г., Ефремова М.А.* Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). – М. : Водолей Publishers, 2004. – 153 с.
- Dahl R.* *Matilda*. – N.Y. : Puffin Books, 1990. – 233 p.
- DeVito D.* *Matilda*. – TriStar : Sony Pictures Entertainment Company, 1996.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Денисова Г.В.

ИНТЕРТЕКСТ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ РОССИИ И ИТАЛИИ. –

Москва : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. – 272 с.

(Реферат)

Ключевые слова: интертекст; перевод; интертекстуальность; межкультурная коммуникация; художественный дискурс; национальное сознание; языковая личность.

Галина Валерьевна Денисова – доктор культурологии, доцент кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, специалист в области теории коммуникации, теории текста и перевода¹.

В исследовании, выполненном на стыке двух семиотических систем – языка и культуры, – интертекст рассматривается как базовая единица национальной культуры.

Книга состоит из предисловия, введения, трех глав и заключения.

В предисловии феномен характеризуется как явление, требующее всестороннего анализа, а также как метод герменевтического анализа лингвокультурного сознания индивидуума.

Во введении дается авторское понимание культуры как динамической системы, которая «представляет собой свободное со-

¹ Автор работ: В мире интертекста : язык, память, перевод. – М. : Азбуковник, 2003. – 297 с.; На изломе веков : русский язык в зеркале современной прозы. – М. : Азбуковник, 2012. – 300 с.; Русская история по-русски. – Pisa : Tipografia Pisana, 2000. – 150 p.

существование различных культурных миров со своими ценностными и жизненными приоритетами» [с. 9], и приводится определение интертекстуальности как «формообразующего и смыслообразующего механизма взаимодействия вербальных и невербальных знаков в языковой картине мира» [с. 11].

Глава первая «Социокультурологическое измерение интертекстуальности» носит обзорный характер и посвящена вопросам становления и развития теории интертекстуальности. Разрабатывая философско-филологическую теорию интертекстуальности, Г.В. Денисова останавливается на трех видах семиотических практик: систематической и монологической семиотической практике, трансформирующей семиотической практике, семиотической практике письма. Автор полагает, что если первая практика направлена на то, чтобы изменить сознание другого, то две другие нацелены на создание диалога между представителями различных лингвокультур. Не менее существенную роль в понимании интертекста играют и культурные коды, являющиеся выработанным обществом корпусом правил. Автор опирается на положения о том, что современная теория интертекстуальности (транстекстуальности) фокусирует внимание на «исторически активных связях текста» [с. 37], в то время как лингвокультурологический аспект практически не учитывается в ней. Данное положение дает возможность автору монографии выявить основное различие между двумя ключевыми понятиями – «интертекст» и «интертекст-мем». Г.В. Денисова определяет интертекст-мем как «прецедентное высказывание, отличающееся автономностью в том смысле, что его восприятие не связано со знанием породившего его источника» [с. 65], в то время как для понятия «интертекст» существенной представляется глубинная связь с историей и культурой. В функции интертекст-мемов обычно используются тексты, которые «утратили в сознании носителей языка актуальную связь с источником, превратились в общеизвестные и общепринятые речевые штампы» [с. 69]. Автор подчеркивает, что интертекст-мемы, «всплывающие в памяти вне авторства и вне времени, естественно вплетаются в речевую ткань и являют собой удобное средство создания языковой игры» [с. 78].

Интертекст-мем наряду с интертекстом нередко используется как «неявное средство выражения оценки» [с. 71]. Они употреб-

ляются в ситуациях, когда мнение участников коммуникации выражается имплицитно, или если это мнение необходимо выразить иносказательно. Употребление интертекст-мемов, которые характеризуются оторванностью от первоначального источника, например «умом Россию не понять» [с. 72] и др., позволяет объективировать имплицитные оценки. Наиболее часто как интертекст, так и интертекст-мем применяются в качестве средства коммуникативного воздействия. При этом отмечается, что этому способствовал массовый переход от идеологического дискурса к дискурсу рекламному, который все чаще регулирует общественную жизнь и мобилизует коллективное сознание. Помимо этого, интертекст и интертекст-мем используются для установления контакта между различными целевыми аудиториями, для формирования отношений между участниками коммуникации, служа способом различения «своих» на фоне других.

Глава вторая «Интертекст в социокультурном коммуникативном пространстве рубежа XX–XXI вв.» раскрывает понятие интертекста с позиций лингвокультурологического знания. Рассматривается взаимосвязь языка и культуры с опорой на «языковое сознание», которое в монографии трактуется как «когнитивно-коммуникативный вариант, обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и форм поведения» [с. 81]. На этом основании Г.В. Денисова предлагает рассматривать деятельность лингвокультурного сознания как «процесс формирования картины мира» [с. 86]. По мнению автора, языковая компетенция проявляется, прежде всего, в выборе участниками общения текстов, которые являются прецедентными и представляют собой «готовые интеллектуально-эмоциональные блоки (стереотипы, образцы и т.д.)» [с. 94]. Г.В. Денисова полагает целесообразным сформировать своего рода «интертекстуальную энциклопедию» [с. 103], в которую могли бы войти интертексты, либо имеющие непреходящую культурно-историческую ценность, либо те, которые являются знаковыми для конкретного периода времени. Данные интертексты условно можно разделить на «сильные» и «слабые». При этом интертексты, получившие «статус значимых в определенный исторический момент вне зависимости от эстетического качества» [там же], могут быть причислены к «устойчивому ядру» [там же] ин-

тертекстуальной энциклопедии, т.е. к разряду «сильных» интертекстов, а интертексты, представляющие собой «моментальные снимки ассоциативно-языкового сознания, актуализация которых ограничена временными рамками и связана с социальными факторами» [с. 103], следует причислить к «динамическому пласту» [там же], т.е. к разряду «слабых». Иными словами, слабыми интертекстами являются те из них, которые маркируют определенный исторический период и не способны выполнять функцию социального сигнала в другом временном отрезке или для другой целевой аудитории. По этой причине большая часть интернет-мемов может быть причислена к «динамическому пласту».

Для подтверждения своей концепции Г.В. Денисова провела эксперимент, в котором приняли участие студенты МГУ им. М.В. Ломоносова и Пизанского университета. В ходе опроса было установлено, что интертексты, составляющие «ядро», входят в так называемый канон школьного образования, т.е. российские и итальянские респонденты показывают высокий процент знаний «сильных» интертекстов. Одновременно наиболее лакунарным для всех респондентов оказался «универсальный энциклопедический код» [с. 109]. Так, участники опроса не смогли узнать интертексты, апеллирующие к знанию мировой литературы, ср.: «Неладно что-то в Датском королевстве», «Весь мир – театр» [там же] и др.

Анализируя художественные произведения российских авторов рубежа XX–XXI вв., автор приходит к выводу о существовании двух основных векторов, характеризующих художественный дискурс. Первый вектор связан с творческим использованием языка, нацеленным на поиск новых художественных средств выражения, в то время как второй вектор ориентирован на отображение языка повседневного общения в данный исторический момент. В философском постмодернистском измерении оба вектора призваны взаимодополнять друг друга.

В книге дается определение поликультурной языковой личности, которая понимается как совокупность способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне как к адекватному взаимодействию с представителями других культур. Исследуя механизм формирования и развития поликультурной языковой личности, Г.В. Денисова опирается на классификацию двуязычия, которая учитывает три основных пути усвоения родно-

го и иностранного языка в зависимости от возраста: 1) «составной билингвизм, подразумевающий автономность языковых кодов, когда на семантическом уровне каждому языку соответствует свой набор понятий» [с. 135], а грамматические особенности обоих языков не смешиваются; 2) координативный билингвизм, при котором каждая языковая реализация связана со своей отдельной системой понятий, т.е. все понятия существуют в параллельных системах; 3) субординативный билингвизм, когда система второго языка выстраивается на системе первого. Применительно к усвоению интертекст-мемов это означает, что когнитивная процедура усвоения новых мемов осуществляется путем замены уже существующих; при этом прежние стираются временно или навсегда путем присоединения к родным, уже имеющимся мемам, с учетом коммуникативной ситуации, или происходит полное отторжение новых мемов. Опрос российских и итальянских респондентов показал, что в условиях естественного билингвизма наиболее высокий уровень сформированности интертекстуальной компетенции показывают те участники эксперимента, которые получают образование в иной лингвокультуре, т.е. неродная лингвокультура может вытеснить родную лингвокультуру. Наиболее высокий уровень владения интертекстуальными кодами демонстрируют переводчики художественной литературы.

Глава третья «Интертекстуальный диалог России и Италии» иллюстрирует место «итальянского текста» в русской культуре и «русского текста» в итальянской культуре. Г.В. Денисова отмечает, что культурный диалог Италии и России начинается приблизительно с XVIII в. благодаря переводам либретто, а также русскому переложению театральных сюжетов. Описывая «итальянский текст в русской культуре», Г.В. Денисова упоминает широкий круг текстов, содержащих сюжетные и иные заимствования, имеющих собственный устойчивый словарь, на основании которого раскрываются коннотативные смыслы, характеризующие итальянскую культуру, в том числе топонимические тексты, например, «венетский текст», «римский текст» и др. Концептуализация подобных текстов наблюдается в творчестве русских авторов, описывающих «вечный город» или «условности римского пространства». В современной русской культуре «итальянский текст» наиболее широко представлен на стыке двух видов дискурса – медийного и ре-

кламного, в которых Италия используется в качестве индикатора качества жизни. По наблюдениям Г.В. Денисовой, итальянизмы занимают в медиапространстве нишу престижности и функционируют в сфере высокой моды в гастрономии и т.п. в виде узнаваемых брендов. Благодаря деятельности переводчиков в «итальянский текст» внедрились русская атмосфера и русские реалии; в итальянской литературе широко представлены русизмы и советизмы, ср.: *sovkhov*, *rachan* и др.

В монографии содержатся рекомендации переводчикам художественной литературы, учитывающие специфику работы с интертекстами, наличие в них универсального энциклопедического и индивидуального энциклопедического кода.

В заключение подчеркивается значимость интертекстов в работе переводчика, призванного обнаружить «смысловую составляющую ключевых понятий, которые ведут к выявлению этнокультурного своеобразия соответствующей лингвокультуры» [с. 230]. Использование интертекстуальной энциклопедии позволяет популяризировать лингвокультуру, распространяя ее вширь путем использования интертекст-мемов и вглубь при помощи интертекстов, сохранивших глубокие культурно-исторические связи.

*И.А. Гусейнова,
Московский государственный
лингвистический университет (МГЛУ)*

Писанова Т.В., Альварес Солер А.А.
ПРОСТРАНСТВА КОММУНИКАЦИИ ИСПАНИИ
И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ:
МНОГОЯЗЫЧИЕ, ЛИТЕРАТУРА, ТРАДИЦИИ ПЕРЕВОДА. –
М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. – 214 с.
(Реферат)

Ключевые слова: коммуникация; билингвизм; художественная литература; массмедиа; перевод; аудиовизуальный перевод.

Татьяна Викторовна Писанова – доктор филологических наук, профессор кафедры испанского языка и перевода переводческого факультета и кафедры теории регионоведения Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, специалист в области романского языкознания, семантики и социолингвистики¹.

Анна Александровна Альварес Солер – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой испанского языка и перевода переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета, специалист по теории и практике перевода.

Монография посвящена актуальным вопросам межкультурной и межъязыковой коммуникации, а также востребованным видам перевода, в том числе переводу аудиовизуальных произведений.

¹ Автор работ: Национально-культурные аспекты оценочной семантики : эстетические и этические оценки. – М.: ИКАР, 1997. – 320 с.; Национально-культурная идентичность граждан и обществ в государствах – участниках СНГ. – М. : ВГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – 240 с.

Книга состоит из введения, пяти разделов и заключения.

Во введении авторы очерчивают круг конкретных лингвистических проблем, актуальных для коммуникативного пространства Испании и Латинской Америки. В качестве наиболее значимых языковедческих проблем выделяются билингвизм, языковая гибридизация, одновременное существование национальных вариантов испанского языка, а также вопросы функционирования массмедиа, художественной литературы и современных видов перевода в испаноязычной культуре.

Т.В. Писанова и А.А. Альварес Солер отмечают, что тематический разброс глав и разнообразие эмпирического материала способствуют визуализации динамического взаимодействия нескольких сторон речевой деятельности (разных аспектов многоязычия, билингвизма и гибридизации языков), что наглядно иллюстрирует механизмы социальной интеграции Испании и стран Латинской Америки в разных коммуникативных пространствах. Также подчеркивается влияние испанского языка (кастильского) на все варианты этого языка, его диалекты и говоры. Художественная литература и аудиовизуальная коммуникация рассматриваются авторами как сложно организованный знаковый механизм, который обеспечивает связь между несколькими автономными пространствами. Пространственная географическая разрозненность регионов преодолевается в коммуникации через использование различных семиотических кодов. При этом культуры Испании и Латинской Америки во имя собственной целостности выстраивают разветвленную систему языковых, метаязыковых, текстовых и метатекстовых образований, которые способствуют формированию и функционированию испанской и латиноамериканской культур в качестве «целостной межконтинентальной культуры» [с. 11].

Раздел первый «Языковая полифония Испании» посвящен ситуации двуязычия или даже многоязычия в Испании, что обусловлено несовпадением политических границ испаноязычных регионов с социолингвистической реальностью. Несмотря на то что языком всеобщего употребления является испанский (кастильский), официальным языковым статусом обладают также каталанский, галисийский и баскский. Для описания ситуации многоязычия в Испании используются такие термины, как «язык» (*lengua*), диалект (*dialecto*), вариант (*variante*), языковая разновидность

(variedad) и говор / наречие (habla). Авторы монографии отмечают, что языки Испании поддерживаются органами власти на институциональном уровне, их статус определен законодательным образом.

Подтверждается использование билингвальной практики в испаноязычных регионах и приводятся статистические данные по этой ситуации: в Каталонии 47,1% населения используют в профессиональной среде кастильский и каталанский языки; в Галисии 37,2% употребляют в бытовой коммуникации галисийский и кастильский языки [с. 22]. Особое внимание авторы уделяют вопросам гибридизации, которая рассматривается как: 1) гипероним, охватывающий «все явления, вызванные контактами, от минимальных мутаций до создания новых языков» [с. 28]; 2) «креативная стратегия» [там же], когда участник коммуникации моделирует социально-языковое пространство при помощи различных семиотических кодов.

Раздел второй «Интеграция и дифференциация полицентрического испанского языка» освещает языковую ситуацию в Испании и за ее пределами. По мнению авторов, полицентричность испанского языка обусловлена тем обстоятельством, что он «базируется на фактическом языковом материале множества вариантов испанского языка, что не препятствует сохранению единой общности (hispanidad) [с. 45] в рамках единого языкового пространства». Таким образом, ключевой проблемой испаноязычного культурно-национального сообщества является «сохранение культурного разнообразия испаноамериканских народов и особенностей национальных вариантов испанского языка, созданных многочисленными латиноамериканскими этносами» [с. 46]. Консолидации способствует, прежде всего, опора на принцип бинарного построения коммуникации. Так, в испанском языке выделяются две коммуникативные подсистемы: первая служит «языковому обеспечению повседневного общения (национальные варианты испанского языка и диалекты), а вторая – «языковому обеспечению высших коммуникативных функций, относящихся к ареалу регулируемого речевого поведения» [с. 47].

Авторы книги отмечают случаи лексико-семантических расхождений между вариантами испанского языка. При полном совпадении лексических единиц в плане выражения присутствуют

расхождения в плане содержания, например: слово *sobija*, имеющее значение «накрытие, защита», в Испании обозначает «коньковую черепицу» и «платок», в Латинской Америке в целом – «одеяло», в Эквадоре «пончо», в Венесуэле и Мексике – «попону, шерстяной плащ, плед». Различия наблюдаются также на фонетическом уровне в области консонантизма и на морфосинтаксическом уровне. Фонетическое разнообразие наблюдается преимущественно в регионах, где представлен билингвизм, например в Гватемале, где присутствуют испанский язык и язык майя. Лексическое многообразие проявляется в регионах, для которых характерно использование слов индейских языков Америки. Так, например, «среди заимствованных индихенизмов выделяется лексика из языка арауко-таино» [с. 67]. Отмечаются многочисленные случаи заимствования из карибских языков. Наибольшая степень вариативности испанского языка наблюдается в разговорной речи.

Вариативной диверсификации испанского языка в Латинской Америке способствуют такие факторы, как социокультурные различия, билингвизм, исторические факторы, в том числе происхождение контингентов переселенцев, колонизировавших американский континент, а также их региональное распределение.

В разделе третьем «Идейно-художественное содержание и традиции перевода латиноамериканской художественной литературы» раскрываются особенности идейно-художественного содержания испаноязычной литературы и объясняется необходимость ее перевода: переводные произведения становятся частью национальной культуры, способствуют ее обогащению и развитию, консолидируя тем самым испано-американские этносы.

В структуре латиноамериканской художественной литературы авторы монографии выделяют три смысловых ядра, «концентрирующие в себе зависимые смыслы» [с. 79]. К ним относится художественный образ, для которого характерны такие ценностные доминанты, как: 1) «инаковость, хаотичность, таинственность, первозданность, девственность» [с. 80]; 2) пространство; 3) время, трактуемое как историческая и мифологическая сущность, для характеристики которой используется описание природных явлений и стихий. Авторы утверждают, что «все образы стремятся к слиянию с пространством и измеряются пространством» [там же].

При переводе латиноамериканских художественных произведений рекомендуется учитывать мифологическую инфраструктуру латиноамериканской литературы, ее многослойность, основу которой формируют мифологемы, общее колониальное прошлое, идеи барочности и карнавальности и др. Авторы книги также подчеркивают, что культурно-цивилизационная идентичность Латинской Америки строится с учетом специфики сознания различных этносов, населяющих американский континент. Эта специфика сформирована под воздействием традиций, мировоззренческих факторов и стереотипов. Ведущую роль играет при этом иберийский компонент, который отличается синтетическим характером испанской культуры, открытостью и терпимостью испанского сознания к 'другому'; доминированием в испанском менталитете мессианской идеи об особой роли Испании [с. 92]. Вышеуказанное иллюстрируется примерами из творчества испаноязычных писателей.

Раздел четвертый «Полисубъектная гетерогенность и полифоничность массмедиа» посвящен описанию языковых особенностей испаноязычного новостного теледискурса. Для телевизионного формата массмедиа характерно изложение событий и новостей в форме клипов, а также «в виде сконструированной картинки, не встроенной в целостное понимание окружающей действительности» [с. 123]. Полисубъектность дискурса формируется за счет распределения дискурсивных ролей между несколькими участниками события. Например, ведущий в студии создает панораму события, репортер – реконструирует событие 'изнутри', свидетель и участник события – передают отношение к происходящему на основе оценок и модальных значений. Полисубъектная гетерогенность, с одной стороны, дает возможность для представления различных точек зрения на событие, формируя тем самым полифоничность массмедиа, а с другой стороны – «создает питательную почву для оценочной зависимости, навязываемой общей эмоциональной тональностью новостного дискурса» [с. 133].

Раздел пятый «Художественный и аудиовизуальный перевод через призму элементов литературного текста и уровней киноязыка» содержит практические рекомендации для переводчиков, работающих с испаноязычными художественными и аудиовизуальными произведениями. Подчеркивается самобытность испано-амери-

канских национальных и региональных культур. По этой причине, «наряжая в новый ‘национальный костюм’ любое художественное или аудиовизуальное произведение, переводчик традиционно должен следовать канве повествования, бережно сохраняя лексические, стилистические и орфоэпические особенности языка оригинала» [с. 136], что, однако, не отрицает обоснованной смелости в принятии переводческих решений. Опираясь на ключевые понятия языкознания и когнитивной лингвистики (концептуальная языковая картина, языковая картина мира, концепт и др.), авторы подчеркивают необходимость постоянного осмысления ценностных ориентаций, заложенных в художественных и аудиовизуальных произведениях. Перевод аудиовизуального произведения представляет собой не только перевод диалогической речи, но и интерпретацию ситуаций с учетом визуальной картинки. Понимание того, что в обществе начинает преобладать культура, основанная на аудиовизуальной продукции, ставит вопрос о способах формирования аудиовизуальной компетентности переводчика с целью преодоления аудиовизуальной безграмотности, которая наблюдается при производстве аудиовизуальных текстов.

Важным этапом в области перевода аудиовизуальных текстов стало признание того, что аудиовизуальный текст состоит из вербальных, невербальных и паралингвистических элементов. Важным для переводческой практики является применение метода контент-анализа аудиовизуальных произведений, который позволяет определить единицу анализа – фильм, комикс, песня, карикатура и т.д., осуществить «декомпозицию кинофильма» [с. 167], т.е. разложить содержание аудиовизуального произведения по кадрам, а затем систематизировать вербальный компонент, который может быть адекватно понят и передан только при адекватной интерпретации внеязыковых составляющих. В результате анализа конкретных языковых примеров авторы книги приходят к выводу о том, что при аудиовизуальном переводе применяются те же тактики, что и при других видах перевода (адаптация, расширение, калька, компенсация и т.п.), которые, однако, «утяжеляются» [с. 199].

Выделяются пять тактик, используемых в переводе аудиовизуальных произведений: 1) перевод вербального элемента с помощью невербального; 2) перевод невербального элемента с помощью вербального; 3) замена визуального элемента звуковым; 4) замена

звукового элемента визуальным; 5) замена невербального элемента невербальным элементом.

В заключение подчеркиваются многомерный характер коммуникативных пространств испаноязычного региона и необходимость их изучения в междисциплинарном русле.

*И.А. Гусейнова,
Московский государственный
лингвистический университет (МГЛУ)*

**ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ.
ПЕРЕВОД, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ**

УДК: 8.80

DOI: 10.31249/ling/2021.02.03

Яковлева Э.Б.

**О СУЩНОСТИ ПОНЯТИЯ
«КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА»
И СПОСОБАХ ЕЕ ПЕРЕДАЧИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(Обзор)**

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Аннотация. Представлен обзор понятия культурно-маркированной лексики, куда включаются разновидности реалии: имена собственные, термины, безэквивалентная лексика, экзотизмы, варваризмы, локализмы, этнографизмы, коннотативные слова, пробелы, бытовые слова. Даются их определения, называются основные способы передачи на русский язык.

Ключевые слова: культурно-маркированная лексика; национально-культурный колорит; реалии; безэквивалентная лексика; экзотизмы; варваризмы; локализмы; этнографизмы; коннотативные слова; бытовые слова.

Национальный колорит является неотъемлемой частью художественного произведения. Чем ярче он представлен, тем глубже читатель, и особенно иностранный, представитель другой культуры, сможет прочувствовать самобытность того или иного народа, его национальные, исторические и культурные особенности. Культурно-маркированная лексика, передающая этот нацио-

нальный колорит, является важным средством перевода художественного текста. Особое место среди разных видов культурно-маркированной лексики занимают реалии, определяемые как слова, обозначающие специфические предметы, явления, связанные с культурой, историей, бытом определенного народа. В данный пласт лексики включаются имена собственные, термины, безэквивалентная лексика, экзотизмы, варваризмы, локализмы, этнографизмы, коннотативные слова, пробелы, бытовые слова.

Существует большое количество определений понятия «реалии».

С. Влахов и С. Флорин определяют реалии как «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и / или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в другом языке, а следовательно, не поддаются переводу на “общем основании”, требуя особого подхода» [Влахов, Флорин, 1986, с. 55].

Согласно А.В. Федорову, реалия – это слово оригинала, которое «обозначает чисто местное явление, которому нет соответствия в быту и понятиях другого народа» [Федоров, 2002, с. 135].

Л.С. Бархударов интерпретирует реалии как слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке [Бархударов, 1975].

Все определения ориентированы на практическую сторону перевода и подчеркивают факт отсутствия в переводящем языке (ПЯ) эквивалентов словам, обозначающим в исходящем языке (ИЯ) реалии.

В работах М.Л. Алексеевой раскрывается происхождение слова «реалия» от латинского прилагательного *realia* – «вещественный», «действительный» [Алексеева, 2007], приводятся определения данного понятия в работах В. Россельс, М.Л. Вайсбурд, Л.И. Сапоговой, Л.И. Соболева, В.Г. Гака, Г.В. Чернова, Я.И. Рецкер, И.И. Ревзина, В.Ю. Розенцвейга, Р.С. Гиляровского, Б.А. Старостина и др. [Алексеева, 2007, 2009].

М.Л. Алексеева указывает на два основных подхода в определении данного понятия: переводческий и страноведческий [Алексеева, 2007].

Важнейшей проблемой рассмотрения реалий в русле переводоведения, по мнению автора, является проблема определения объема понятия и ограничения уникальных национально-специфических лексических единиц от других слоев национально-маркированной лексики. В рамках данной научной дисциплины существует широкое толкование термина, так как под реалиями понимают и собственно слова-реалии, и ономастическую лексику, и пословицы, поговорки, фразеологизмы, и прецедентные феномены; а также узкое его понимание, ограничивающее реалии от других, сходных с ними явлений.

М.Л. Алексеева [там же] рассматривает различия и сходства между упомянутыми выше понятиями и реалиями для уточнения содержания термина «реалия». Так, указывается, что термин «варваризм» по-разному определяется в литературе. Варваризмами называются иноязычные слова, используемые для колористического описания чуждых реалий и обычаев. Варваризм считается словом, образованным неправильно, чуждым языку по своей структуре, не полностью или совсем не освоенным заимствующим языком из-за особенностей его звучания и (или) написания, и словом, употребляемым для создания местного колорита [там же, с. 341].

Термин «экзотизм» является наиболее серьезным конкурентом термина «реалия». Экзотизмы – это слова и выражения, заимствованные из малоизвестных языков, обычно неиндоевропейских, и употребляемые для придания речи особого местного колорита. Автор замечает, что в значении термина «экзотизм» часто употребляют термин «варваризм». Варваризмы не включены в словари, а экзотизмы – это слова, уже вошедшие в лексику соответствующего языка. Реалии же, в отличие от экзотизмов, могут употребляться окказионально. В этом случае реалии не фиксируются в словарях [там же].

Отмечается, что в русском языке термин *экзотизм* не может служить синонимом для обозначения реалий. Это следует из семантики самого термина: в русском языке слово «экзотический» воспринимается чаще не в его прямом значении (иноземный, ино-

странный), а в переносном – причудливый, диковинный, странный. Поэтому объем понятия «реалия» шире объема понятий «экзотизм» и «варваризм» [Алексеева, 2007, с. 341].

Отмечается, что при употреблении в качестве синонимов термина «реалия» терминов «локализм» и «этнографизм» возникает возможность сместить лексическое значение реалии и приблизить его к обозначению стилистической характеристики. Локализм – это слово или выражение, употребление которого ограничено такой-то областью, таким-то городом и которое неизвестно в литературном образце данного языка [там же]. Из определения локализмов следует, что отождествление их с реалиями сузило бы содержание понятия, поскольку в этом случае понятие реалии относилось бы лишь к очень незначительной группе объектов, обозначающих местные предметы.

Понятие «пробел» (или «лакуна») употребляется по отношению к ситуации, обычной для культуры одного народа и отсутствующей в другой культуре. То есть под пробелом понимают отсутствие эквивалента в другом языке.

Термин «неологизм», как отмечает автор, употребляют в том же смысле, что и «реалия», но в лексикографическом плане. Иногда неологизмы используют в значении соответствий, подыскиваемых переводчиком для передачи безэквивалентной лексики. Но, с точки зрения исследователя, в этом смысле понятия «пробел» и «неологизм» кажутся избыточными. В теории перевода они имеют другое значение и не могут быть ни синонимами, ни признаками реалий.

Насколько реалии могут быть отождествлены с безэквивалентной лексикой?

Некоторые исследователи, в частности С. Влахов, определяют безэквивалентную лексику как лексические единицы, которые не имеют переводческих эквивалентов в языке перевода [Влахов, 1986]. Однако, по мнению М.Л. Алексеевой [Алексеева, 2007], статус реалии и безэквивалентной лексики различен, так как понятие безэквивалентной лексики более широкое, чем понятие реалии. Понятие «реалия» входит в рамки безэквивалентной лексики. «Кроме того, если какое-либо слово является реалией, то оно будет реалией независимо от языка, а безэквивалентность устанавливается в рамках данной пары языков. Это доказывается тем фактом,

что разные пары языков имеют для каждого языка разные словари безэквивалентной лексики» [Алексеева, 2007, с. 342].

Автор отмечает, что, на первый взгляд, понятия «реалия» и «термин» тоже очень похожи. Термины обозначают строго определенные понятия, предметы, явления, в основном это однозначные, лишённые синонимов слова и словосочетания, часто они бывают иноязычного происхождения (в основном греч. или лат. – *Прим. Э. Я.*). Среди терминов есть и исторически ограниченные понятия. Все это можно сказать и о реалиях. Границы реалий не определены строго. Есть немало таких лексических единиц, которые можно отнести одновременно и к терминам, и к реалиям. Однако, как считает исследователь, смешивать эти понятия нельзя, термины в основном принадлежат к тем немногим языковым единицам, которые имеют точные эквиваленты в языке перевода, реалии же входят в класс безэквивалентной лексики. Термины в основном лишены национального своеобразия, так как они – элементы специальных языков науки. Реалия чаще всего связана с художественной литературой и газетной публицистикой. Изредка реалии играют роль терминов в случае их употребления в научном тексте. Реалия принадлежит народу, в языке которого она была образована, а термин является достоянием всего человечества. Реалия, в отличие от термина, проникает в другие языки независимо от степени знакомства данного народа с обозначаемым ею явлением или предметом, чаще из художественной литературы или по каналам средств массовой информации [там же].

Иногда реалии определяют также как ксенизмы. Термин «ксенизм» восходит к греческому «*xenos*» (гость, чужой, посторонний).

Кроме этих терминов М.Л. Алексеева приводит также и культуронимы – единицы языка, закрепленные за элементами культуры. В зависимости от принадлежности культуронима к той или иной культуре различаются «идионимы», «ксенонимы» и «полионимы». Идионим – это языковая единица, закрепленная за специфическим элементом культуры народа – носителя данного языка, а ксеноним – языковая единица, закрепленная за специфическим элементом внешней (иноязычной) культуры. Однако ксенонимы включают не только реалии, но и фразеологизмы, крылатые слова, пословицы и поговорки. Это, по мнению автора, существенно

расширяет объем понятия реалии и неприемлемо в теории перевода, которая отдельно рассматривает перевод каждого лексического явления.

При сравнении близких категорий слов иногда отождествляются реалии и имена собственные. Автор отмечает, что границы между некоторыми именами собственными и реалиями оказываются «весьма зыбкими» [Алексеева, 2007, с. 345]. Имена собственные отличаются от реалий и других слоев лексики своей природой. При передаче таких лексических единиц на другой язык в основном сохраняется их первоначальный звуковой облик. Это обусловливается специфичной семантической структурой имени собственного.

В заключение, резюмируя опыт отечественных и зарубежных лингвистов, подвергающих рассмотрению реалии, М.Л. Алексеева подчеркивает основные особенности этого слоя лексики.

1. Реалии представляют собой лексические единицы, называющие уникальные предметы и явления, характерные для жизни, быта, культуры, социального и исторического развития одного народа и чуждые другому народу.

2. Они пересекаются с безэквивалентной лексикой: неосвоенные реалии являются частью этого слоя лексики, а освоенные словарные реалии не входят в него.

3. Реалии не имеют точных соответствий в другом языке и требуют особого подхода при переводе.

4. Эта группа лексики характеризуется гибкостью: не теряя своего статуса, она может одновременно относиться к нескольким лексическим категориям, т.е. одна и та же реалия может быть и термином, и ксенизмом, оставаясь при этом реалией [там же, с. 345].

В работе М.Л. Алексеевой [Алексеева, 2009] представлены результаты исследования перевода русских реалий на материале 20 параллельных переводов романов Ф.М. Достоевского, выполненных в период с 1906 по 2003 г. Варианты перевода реалий из романов писателя «Игрок», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание» подвергаются сопоставительному анализу с целью выявления факторов, влияющих на выбор переводческих приемов. Автор выявляет зависимость применения этих приемов от соответствующего вида реалии. Отмеченные в ходе исследования особенности передачи различных видов рус-

ских реалий позволили М.Л. Алексеевой не только сделать вывод об изменении подходов переводчиков к проблеме передачи данного слоя национально-специфичной лексики на иностранный язык, но и выявить динамику этих изменений. Указанные романы Ф. Достоевского неоднократно переводились на немецкий язык. Каждый из них имеет повторные разновременные переводы. Для исследования были отобраны переводы таких известных переводчиков, как Э.К. Разин, Х. Рель, А. Лютер, М. Кегель, Х. Руофф, Р. Хоффман, В. Кройтцигер, Х. Хербот, М. Бройер, Э. Маркштайн, С. Гайер. Корпус параллельных немецких переводов представлен исследователем в сводной таблице [Алексеева, 2009, с. 187], которая позволяет познакомиться с этапами освоения творчества Ф. Достоевского в Германии.

Сопоставительный анализ переводческих эквивалентов русских реалий в 20 разновременных переводах романов Ф.М. Достоевского на немецкий язык позволил автору выявить и зависимость выбора переводческого приема не только от времени создания перевода, но и от соответствующего вида реалии. В таблице [там же, с. 188] представлены выявленные изменения в принципах перевода реалий.

Статья А.Т. Баяновой [Баянова, 2016] посвящена анализу безэквивалентной лексики в сказках, записанных и переведенных на немецкий язык финским ученым Г.Й. Рамстедтом. А.Т. Баянова дает ее классификацию, разделенную на 16 групп. Ею рассмотрены способы перевода безэквивалентной лексики (БЭЛ), определено ее абсолютное количество, а также количество БЭЛ с учетом слов-синонимов и частотность их употребления. Все численные показатели рассматриваются в разрезе отдельных групп БЭЛ. Также осуществлен анализ БЭЛ по видам перевода в различных группах, выявлены наиболее часто используемые способы перевода: калькирование, приближенный и описательный перевод, которые в общей сложности составляют 85% перевода БЭЛ.

В статье Серебрянской Н.А. [Серебрянская, 2020] рассматриваются национально-культурные реалии в романе С. Кинселла «The Secret Dreamworld of a Shopaholic». Под реалиями автор понимает материальные предметы или явления, связанные с историей, культурой, особенностями быта и менталитета какого-либо народа. Указывается, что это уникальное для национальной куль-

туры явление, оно требует особых пояснений для человека из другой культуры. Перевод национальных реалий представляет трудности для переводчика, так как иноязычный читатель испытывает затруднения в понимании лексем, называющих реалии. В связи с этим исследование способов перевода реалий и разработка оптимальных способов их перевода являются важными задачами переводоведения. Научная новизна исследования определяется его предметом: до настоящего времени национально-культурные реалии указанного романа и способы их перевода на русский язык не являлись предметом специального научного анализа. Материалом данной статьи послужили тексты указанного романа в оригинале и переводе на русский язык. Текст романа содержит многочисленные упоминания реалий. Установлено, что при переводе наиболее часто использованы приемы транскрипции и транслитерации. Весьма эффективно использованы комбинированные способы перевода реалий. В статье делается вывод, что перевод романа с английского языка на русский, выполненный А. Корчагиной, в значительной степени сохраняет национальный колорит романа. Это достигается благодаря высокопрофессиональному переводу романа с использованием разнообразных способов передачи наименований реалий.

В статье Д.Д. Мурувватиен [Мурувватиен, 2020] рассматриваются способы перевода слов-реалий с русского языка на таджикский. Материалом для исследования выбран перевод романа «Дон Кихот» М. Сервантеса, осуществленный Сотимом Улугзода в 1974 г. В статье дается обзор теоретических работ русских и зарубежных исследователей переводоведческой науки С. Влахова и С. Флорина, Л.Н. Соболева, А.В. Федорова, В.М. Россельса, Р.К. Миньяр-Белоручева, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. Автор отмечает, что, несмотря на богатый материал, собранный переводоведческой наукой, сущность реалий до сих пор остается не до конца изученной. Автор констатирует недостаточное количество исследований перевода реалий на таджикский язык. Лишь в работах таджикских профессиональных переводчиков, таких как Э. Муллокандов, Х. Ахрори, Шокир Мухтор и др., наблюдается косвенное освещение теоретических вопросов, касающихся безэквивалентной лексики. Отмечается, что не лучше обстоит дело и в таджикском языкознании: сопоставительным изучением языков

*О сущности понятия «культурно-маркированная лексика»
и способах ее передачи в русском языке*

занимались И.Б. Мошеев, М.Б. Шахобова, М.Н. Абдуллоева, М.Т. Джабборова, П. Джамшедов, Х. Маджидов, Б. Камалиддинов и др. Указывается, что проблемы перевода русской безэквивалентной лексики рассматривались Л.В. Ашмариной, Н.Х. Маджидовой, Ф.М. Турсуновым и др. Исследователь проводит сравнительный анализ текста перевода с оригиналом, выявляет реалии, классифицирует их по тематике. Анализ способов перевода произведения М. Сервантеса показал, что реалии переводятся с русского языка на таджикский различными способами, в число которых входят транскрипция, транслитерация, приближенный перевод, прием опущения, калькирование, дополнительные пояснения (комментарии, описательный перевод) и др.

Микрополе «праздничная пища» привлекает особое внимание во фразеологии русского и китайского языков, так как традиционные национальные блюда связаны с различными обрядами и праздниками, а кулинарная лексика наполнена сакральным смыслом и несет обрядовое значение. Фразеологические единицы обладают ярко выраженной национально-культурной спецификой и подчеркивают особенности национального мировоззрения, служат ярким примером образного отражения действительности в языке.

Целью исследования Ма Лун являются сопоставление и анализ фразеологических единиц микрополя «праздничная пища» двух неродственных языков – русского и китайского – для выявления универсального и уникального в семантике данных единиц.

В качестве рабочего материала были использованы данные фразеологических и толковых словарей русского и китайского языков. Материалом исследования послужили 986 русских и 624 китайские фразеологические единицы семантического поля «пища». Основным методом исследования фразеологических единиц русского и китайского языков явился сравнительно-семантический анализ.

Фразеологические единицы микрополя «праздничная пища» в своем лексическом составе содержат указание на сферу материальной культуры, что обуславливает безэквивалентность или неполную межязыковую эквивалентность слов и устойчивых оборотов, входящих в состав семантического поля.

Среди фразеологических единиц семантического микрополя «праздничная пища» значительную группу составляет безэквива-

лентная лексика. В русском языке национально-культурной спецификой значения обладают названия изделий из теста: хлеб, калач, кулич, каравай, кисель, крендель, пряник, бублик, сайка, оладья; названия первых блюд: тюря, щи, уха; напитков: мед, пиво.

К безэквивалентным фразеологическим единицам микрополя «праздничная пища» в китайском языке относятся: бабаофань – сладкий рис с цукатами; няньгао – новогодний пирог; маньтоу – паровые пампушки; юэбин – лунная лепешка; лянфэнь – холодная закуска из желатинообразной вермишели из бобового крахмала; фэньсы – вермишель из крахмала зеленого горошка; баоцзы – паровой пирожок; хуньтунь – ушки в бульоне; таньюань – клецки (из рисовой муки со сладкой или мясной начинкой).

Таким образом, реалии являются очень своеобразной и вместе с тем довольно сложной и неоднозначной категорией лексической системы любого языка, требующей особого переводческого подхода для наиболее адекватной передачи в другом языке.

Список литературы

- Алексеева М.Л.* О влиянии вида реалий на выбор переводческих приемов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – М. : РГПУ, 2009. – № 89. – С. 184–191.
- Алексеева М.Л.* Реалии как вербальное выражение специфических черт национальных культур // Антиномии : Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2007. – Вып. 7. – С. 338–345.
- Бархударов Л.С.* Язык и перевод. – М. : Международные отношения, 1975. – 270 с.
- Баянова А.Т.* Особенности перевода безэквивалентной лексики на немецкий язык (на примере текстов калмыцких сказок, записанных Г.Й. Рамстедтом) // Научный журнал «Oriental Studies». Вестник КИГИ РАН. – Элиста : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Калмыцкий научный центр РАН. – 2016. – № 4. – С. 103–111.
- Влахос С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. – М. : Высшая школа, 1986. – 416 с.
- Ма Лун* Фразеологизмы семантического микрополя «праздничная пища» в русском и китайском языках // Иностранные языки в вузе и школе : сб. статей. – Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова, 2017. – С. 162–167.
- Муруватиев Д.Д.* Способы перевода реалий с русского языка на таджикский (на примере романа «Дон Кихот» М. Сервантеса) // Ученые записки Хунджанского госуниверситета им. Б. Гафурова. – Худжанд : ХГУ им. Б. Гафурова, 2020. – С. 97–103.

***О сущности понятия «культурно-маркированная лексика»
и способах ее передачи в русском языке***

Серебрянская Н.А. Национально-культурные реалии в романе Софи Кинселлы «The Secret Dreamworld of a Shopaholic» и специфика их перевода на русский язык // Известия ВГПУ. Гуманитарные науки. – Воронеж : ВГПУ, 2020. – № 1 (286). – С. 149–153.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода : учеб. пособие. – 5-е изд. – СПб. : Филологический ф-т СПбГУ ; М. : Филология три, 2002. – 416 с.

Аль Масри Х., Абу-Айаш Э.А.С.
ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА
С ПОЗИЦИИ СИРИЙСКИХ БЕЖЕНЦЕВ:
ПРОБЛЕМЫ И ИХ РЕШЕНИЯ
(Реферат)

Al Masri H., Abu-Ayyash E.A.S. Second language acquisition from Syrian refugees' perspectives: difficulties and solutions // Open Linguistics. – 2020. – Т. 6. №. 1. – С. 372–385.

Ключевые слова: овладение вторым языком; изучение иностранного языка; мигранты; беженцы.

Всемирная глобализация и развитие технологий вызвали необходимость изучения как минимум одного иностранного языка для успешной интеграции в современное общество. Тем не менее существует множество факторов, которые выступают преградой для изучения и совершенствования иностранного языка. Некоторые из этих факторов, например языковая интерференция, грамматические особенности родного и изучаемого языков, когнитивные и личностные особенности студентов, имеют прямое отношение к сфере вопросов овладения вторым языком (second language acquisition – SLA). Другие факторы могут показаться менее очевидными, хотя их влияние на процесс изучения иностранного языка так же велико: войны, катастрофы, политические и экономические кризисы.

Один из крупнейших гуманитарных кризисов последнего десятилетия – гражданская война в Сирии – вынудил значительную часть населения страны покинуть свою родину и эмигрировать. Миллионы сирийцев оказались вынуждены заново обустроить жизнь в различных регионах по всему миру, почти перед

всеми из них встала задача в кратчайшие сроки изучить язык принимающей их страны. Однако процесс овладения иностранным языком в таких экстремальных условиях отягчается множеством различных факторов. Авторы исследования Х. Аль Масри и Э.А.С. Абу-Айаш проанализировали проблемы, с которыми столкнулись сирийские беженцы при изучении иностранных языков, и предложили список их возможных решений.

В исследовании принимали участие 45 сирийских беженцев, уехавших в одну из следующих стран: Германия, Турция, Швеция, Норвегия, Дания, Австрия, Франция, Малайзия, Румыния. Ни в одной из этих стран не распространен арабский язык, из-за чего изучение национального языка принимающей страны становится необходимым для получения помощи от государства и обустройства быта на новом месте.

Перед началом исследования авторы статьи сформулировали два вопроса.

1. С какими трудностями столкнулись беженцы при изучении иностранного языка в стране, где они получили убежище?
2. Какие решения могли бы упростить изучение языка с точки зрения беженцев?

В своей работе авторы во многом опирались на теорию Дж. Кумминса, согласно которой после освоения одного языка у обучающихся возникают необходимые навыки и метаязыковые знания, облегчающие в дальнейшем изучение других языков. Другой опорой данного исследования стала теория о необходимости социального взаимодействия для успешного овладения иностранным языком, которой придерживались Дж. Брунер и М. Фаррар. Авторы данного исследования считают, что и социальный контекст, и когнитивные способности обучающихся одинаково важны для освоения иностранного языка.

Процесс эмиграции травматичным образом сказался на сирийцах и повлек за собой социальную изолированность, смену культурных и семейных ролей, необходимость интегрироваться в другое этническое сообщество. Кроме того, многие беженцы, пострадавшие от военных действий на родине, оказались под влиянием посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) – тяжелого психического состояния, являющегося реакцией организма на сильный стресс. Согласно авторам статьи, исследований про-

блем изучения иностранного языка в подобных условиях практически не проводилось.

Исследование Х. Аль Масри и Э.А.С. Абу-Айаш проводилось в два этапа. На первом этапе участники исследования заполнили опросник, состоявший из восьми открытых вопросов (иногда групп вопросов). На втором этапе с каждым из участников эксперимента было проведено интервью. Вопросы интервьюера во многом повторяли вопросы из опросника, однако формат личного общения помог уточнить и расширить ответы участников. Полученные ответы были распределены по категориям и темам.

Первые два вопроса были направлены на получение базовой информации о самих беженцах и причинах их эмиграции (*Где и по какой причине вы просили убежище? Почему вы выбрали именно эту страну?*). Среди ответов упоминались традиции и культурные особенности выбранных стран, государственная политика по отношению к беженцам, экономическая ситуация в стране, возможности для развития и карьерного роста. Из 10 сирийцев, уехавших в Турцию, несколько отметили схожесть турецкой и арабской лексики.

Следующая группа вопросов касалась языка страны-убежища: *Являлся ли официальный язык страны одной из причин для ее выбора? Каков официальный язык этой страны? Изучали ли вы ранее этот язык?* Согласно ответам, 39 из 45 мигрантов не были знакомы с языком страны, в которой они оказались. 41 участник указал, что язык не являлся причиной для выбора той или иной страны для поиска убежища.

Дальнейшие вопросы были направлены на выявление сложностей, с которыми столкнулись сирийцы при изучении иностранного языка (*С какими сложностями вы столкнулись при изучении языка? Что, по вашему мнению, помогло бы справиться с этими сложностями?*). Ответы на первый из этих вопросов были распределены на шесть тематических групп: экономические, личные, социальные, лингвистические, временные и психологические сложности. Около половины озвученных проблем оказались в группе лингвистических сложностей треть относилась к социальным факторам. Среди прочих языковых сложностей беженцы жаловались на проблемы с произношением, словообразованием, грамматикой, длиной слов и различиями между стандартным вариантом языка и

диалектами. Участники из Германии описывали сложности при построении предложений и произнесении длинных слов и фраз. Турецкий язык вызывал сложности со словообразованием и семантикой, кроме того, именно участники, эмигрировавшие в Турцию, жаловались на языковой барьер. Участники из Дании испытывали сложности с произношением, а участники из Малайзии – с грамматикой и лексикой. В шведском трудности вызывали различия между тем вариантом языка, который мигранты изучали на языковых курсах, и тем разговорным вариантом, с которым им приходилось сталкиваться в каждодневной практике. Единственный участник из Норвегии сообщил, что не испытывал трудности при изучении норвежского языка.

Не менее важной оказалась группа социальных сложностей, с которыми столкнулись беженцы при изучении языка. Так, среди проблем описывалось нежелание коренного населения Германии, Франции и Турции войти в положение мигрантов и изучать язык национальных меньшинств. Кроме того, мигранты часто находились на территории особых лагерей-поселений, где преобладало арабговорящее население, и у беженцев не было нужды изучать другой язык. Схожая ситуация возникла в Швеции и Дании, где граждане свободно говорят на английском, в связи с чем сирийцы, понимающие английский, не были мотивированы на то, чтобы изучать национальный язык страны. Кроме того, участники из Турции говорили о недостатке времени на изучение языка, так как миграционная политика государства предполагала слишком быструю интеграцию беженцев в экономическую жизнь страны.

Еще одним обстоятельством на пути изучения языка стало посттравматическое стрессовое расстройство, в результате которого некоторые участники испытывали страх при нахождении в незнакомых условиях и плохо воспринимали новую информацию при обучении.

Предложенные участниками инициативы по решению вышеприведенных проблем были разделены на три группы: личные рекомендации, рекомендации для общин беженцев и правительственные инициативы. Так, самим беженцам предлагается больше практиковаться в использовании языка в ежедневной практике, отдавать предпочтение интенсивным курсам и стараться чаще взаимодействовать с носителями языка. Некоторые участники сове-

товали слушать музыку и смотреть фильмы на изучаемом языке. Наиболее общая рекомендация касалась поддержания уверенности в себе и толерантности к собственным ошибкам. Участники эксперимента из Турции говорили о том, что ежемесячное денежное пособие в течение полугода помогло бы им больше сфокусироваться на изучении языка, а не на поиске работы на первом этапе пребывания в стране, а участники из Германии просили бы правительство помочь наладить коммуникацию между мигрантами и коренным населением. Сирийцы из Швеции посчитали необходимым попросить об улучшении преподавательского состава языковых курсов. Большинство мигрантов сошлись во мнении, что помимо самих занятий языком мигрантам необходимы групповые и индивидуальные психотерапевтические сессии для избавления от стресса и быстрой адаптации к новой стране.

Последняя группа вопросов в опроснике была направлена на сравнение опыта изучения иностранного языка в привычных условиях и в процессе эмиграции (*Вы когда-нибудь изучали иностранный язык до эмиграции? В чем отличие изучения языка в обычных условиях от изучения языка при поиске убежища?*). Все участники исследования подтвердили опыт изучения иностранного языка в прошлом, в большинстве случаев был заявлен английский язык, также упоминались французский, испанский и немецкий языки. 90% опрошенных отметили разницу в процессе изучения языков в разных условиях. Согласно мнению испытуемых, изучение языка в обычных условиях не ограничено временем и изучающие могут выбирать как сам язык, так и методы, средства и темп его изучения. Необходимость изучения какого-либо определенного языка в короткий срок, по мнению испытуемых, вызывает стресс, и им требуется дополнительная поддержка, чтобы быстрее влиться в общество.

Таким образом, проведенное исследование помогло увидеть проблему изучения иностранных языков с точки зрения беженцев, перед которыми возникла необходимость интегрироваться в общество в кратчайший срок. Предложенные ими варианты решения возникающих проблем также помогли полнее раскрыть позицию людей, изучающих иностранный язык в экстремальных и стрессовых условиях. Авторы статьи надеются на продолжение исследования и ставят дальнейшую задачу изучения влияния возраста и

*Изучение иностранного языка с позиции сирийских беженцев :
проблемы и их решения*

гендера эмигрантов, роли учителя в усвоении языка, а также надеются расширить выборку участников и опросить тех сирийцев, которые не имели опыта изучения иностранных языков ранее.

*Е.В. Майорова,
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Линдвалл-Остлинг М., Дойчманн М., Штайнвалл А.

**ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕНДЕРНО-ЯЗЫКОВЫХ
СТЕРЕОТИПОВ И ИХ ВЛИЯНИЯ НА ВОСПРИЯТИЕ
СИТУАЦИИ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ**

(Реферат)

Lindvall-Östling M., Deutschmann M., Steinvall A. An Exploratory Study on Linguistic Gender Stereotypes and their Effects on Perception // Open Linguistics. – 2020. – Т. 6, №. 1. – С. 567–583.

Ключевые слова: стереотипы; гендерные предубеждения; восприятие; гендер.

Стереотипы принято рассматривать как избирательные фильтры, направляющие и часто искажающие восприятие человеком окружающего мира. Феномен стереотипизации подразумевает, что человек скорее воспринимает информацию, отражающую его собственную модель мира, в то время как все детали, которые не соответствуют его ожиданиям, будут игнорироваться. Гендер, являясь основной чертой восприятия человека и исторически рассматриваемый как бинарная категория, стал объектом стереотипной категоризации. Содержание гендерного стереотипа представляет собой некую схематичную структуру, заполненную различными атрибутами, которые традиционно приписываются представителям каждого гендера: поведение, особенности и черты характера, физические способности. Подобные атрибуты также предписываются идеологией и в таком случае даже рассматриваются как нормативные и навязывающие определенную модель поведения.

Ряд исследований, проведенных в 1980–1990-е годы, выявили, что женщины в разговоре более склонны проявлять внимание, сочувствие и ориентированы на личностное общение, в то время

как мужчины имеют склонность к соперничеству, конфронтации, агрессии и демонстрации силы. В более поздних исследованиях высказываются предположения о том, что подобные выводы излишне сфокусированы на различиях между гендерами и лишь подкрепляют существующие в обществе стереотипы.

Несмотря на то что в реальности изначальные различия между речью мужчин и женщин не имеют такой серьезной значимости, укоренившиеся в обществе и сознании людей гендерные стереотипы заставляют говорящих подстраивать свою речь под существующие гендерно-стереотипные модели. Кроме того, не менее распространено и обратное явление, когда одинаковые коммуникационные стратегии воспринимаются по-разному в зависимости от пола говорящего. Так, и мужчины, и женщины-руководители, применявшие «нормативно-женский стиль управления» (использование модальных глаголов, вопросов в речи, не прямые указания), воспринимались сотрудниками по-разному: слова женщин-руководителей чаще оспаривали и подвергали сомнению, в то время как подобный стиль руководителей-мужчин описывался как «демократичный». В другом исследовании испытуемых мужчин и женщин просили составить описание фотографий. Было выявлено, что стиль описания в большей степени зависел не от гендера автора описания, а от того, кому «предназначалось» описание: мужчине или женщине.

Таким образом, подобные исследования помогли установить, что и речевое поведение человека, и восприятие его речи окружающими в значительной степени зависят от гендерных стереотипов. Авторы данной статьи ставят перед собой задачу исследовать влияние стереотипизации на восприятие речи. В своей работе они опираются на теорию Э. Мулака о так называемом «гендерно-обусловленном языковом эффекте (*gender-linked language effect*)» [с. 570], согласно которой слушающий воспринимает речь сразу в контексте гендера говорящего, что активизирует хранящиеся в его сознании стереотипы. Так, если говорящий-мужчина в разговоре перебьет собеседника, это скорее будет восприниматься как проявление агрессивности, нежели если собеседника перебьет говорящий-женщина.

Чтобы исследовать данную проблему, авторы статьи провели эксперимент, применив метод подобранного облика (*matched-*

guise method). Суть этого метода состоит в том, что один и тот же текст записывается одним или несколькими дикторами в разных вариантах, которые при прослушивании вызывают различные реакции у респондентов относительно личности говорящего, его социального статуса и характера. Подобные эксперименты в социалингвистике проводились с 1960-х годов, однако их основным недостатком являлась невозможность контролировать нежелательные вспомогательные переменные, такие как скорость, интонация и тембр речи, даже когда на аудио записывали одного и того же актера. Поэтому зачастую исследования проводились на материалах записи коротких монологов и даже отдельных фраз ('Hello!'). В данном исследовании авторы прибегли к программе изменения голоса, что позволило использовать только одну исходную аудиозапись, тем самым минимизировав влияние вспомогательных переменных. Наличие возможности манипулирования характеристиками одной записи позволило также провести исследование не монологической, а диалогической речи.

Целью исследования было выяснить, влияют ли стереотипные гендерные предубеждения относительно разговорных стилей на восприятие речевого события, т.е. будут ли слушатели по-разному воспринимать ситуацию общения, если будут убеждены, что говорящий является мужчиной или женщиной. Данная цель была переформулирована в трех исследовательских вопросах.

1. Какими выраженными гендерными предубеждениями относительно манеры речи говорящего обладают участники исследования?

2. Отличается ли восприятие ситуации общения слушающими в зависимости от того, к какому гендеру, по их мнению, принадлежит говорящий?

3. Существует ли зависимость между выраженными гендерными предубеждениями участников и их восприятием ситуации общения?

Для записи аудио предварительно был написан сценарий диалога. Согласно идее авторов, это была аудиозапись Skype-конференции двух социалингвистов, обсуждающих язык и гендерные роли персонажей мультфильмов студии «Дисней». Авторы старались написать сценарий таким образом, чтобы ни один из говорящих не занимал доминирующую или агрессивную позицию, а,

наоборот, оба в равной степени вносили свой вклад в обсуждение. Время говорения было поровну распределено между обоими говорящими. Актеры озвучивания подбирались таким образом, чтобы их голоса при обработке программой звучали наиболее естественным образом. Запись диалога велась с двух разных микрофонов, чтобы авторы эксперимента имели возможность изменить в записи голос только одного актера. В оригинальной записи говорящими были мужчина и женщина. На оригинальную запись были наложены фильтры, понижающие качество записи, с целью имитировать плохое качество звука интернет-звонка. Вторая копия аудиозаписи была обработана в программе Praat, которая позволила изменить характеристики голоса актрисы таким образом, что голос слышался как мужской. На полученную запись также были наложены фильтры, чтобы помимо прочего скрыть факт проведенных манипуляций.

В исследовании принимали участие 112 человек. Так как исследование проводилось в шведском университете, большинство участников были шведами, однако их уровень знания английского языка был близок к уровню носителя. Авторы эксперимента предприняли все меры, для того чтобы участники не имели представления о цели и содержании исследования.

Исследование проходило на протяжении двух дней. В первый день участники прошли анкетирование, где указали основную информацию о себе, и прослушали один из вариантов аудиозаписи. Идея гендерной принадлежности говорящих была поддержана изображением, выводимым на экран во время аудиозаписи: в одном случае на рисунке были изображены силуэты мужчины и женщины, в другом – силуэты двоих мужчин. Сразу после прослушивания участники заполнили вторую анкету, в которой они оценили три следующих утверждения по шкале от одного («полностью несогласен») до семи («полностью согласен»):

- Говорящий А часто перебивает собеседника;
- Говорящий А демонстрирует интерес к словам собеседника;
- Говорящий А говорит больше собеседника.

Обозначение «Говорящий А» в обеих записях соотносится с голосом женщины-актрисы (измененным или не измененным в зависимости от записи). После этого участникам были раскрыты цели и ход эксперимента. Во второй день участники заполнили еще

одну анкету, где их попросили оценить следующие высказывания по пятибалльной шкале как «типично мужские характеристики» или «типично женские характеристики»:

- говорят больше собеседника;
- перебивают собеседника при разговоре;
- демонстрируют интерес к словам собеседника.

Результаты эксперимента в целом подтвердили ожидания исследователей. Участники исследования, если рассматривать их как группу, имели гендерные предубеждения относительно поведения людей разных полов в ситуации речевого общения. 60 участников прослушали запись с женским голосом, 52 – с мужским. По мнению участников эксперимента, Говорящий А (мужчина) перебивал и говорил больше собеседника, а Говорящий А (женщина) демонстрировал интерес к словам собеседника. Учитывая, что все участники слушали запись голоса одного и того же человека (в измененном и неизменном виде), удалось доказать влияние стереотипов слушающего на восприятие речи говорящего.

Е.В. Майорова,

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Масиас Л.П., Рамос М.М.С., Рико К.

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛЬЗЫ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА
В МИГРАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ:
АНАЛИЗ ВОСПРИЯТИЯ ПЕРЕВОДЧИКОВ
(Реферат)**

Macías L.P., Ramos M.M.S., Rico C. Study on the usefulness of machine translation in the migratory context: analysis of translators' perceptions // Open Linguistics. – 2020. – Т. 6. № 1. – С. 68–76.

Ключевые слова: машинный перевод; перевод; миграция.

К настоящему времени технологии машинного перевода уже глубоко вошли в переводческую индустрию. По оценке аналитиков, доля машинного перевода на рынке достигла 638 млн долл. в 2020 г. Разработки в области нейронных технологий и искусственного интеллекта превзошли разработки в областях других конкурирующих технологий (системы перевода на основе правил и статистические системы). Уже нет смысла спорить о конкуренции между живым переводчиком и компьютерной программой: профессиональные переводчики и компании по всему миру активно используют машинный перевод, что помогает повысить продуктивность и ускорить бизнес-процессы. Тем не менее интересно исследовать мнение переводчиков о работе с системами машинного перевода.

Исследования в данной области начались совсем недавно, так как исторически в период развития технологий машинного перевода профессиональным переводчикам отводилась лишь роль наблюдателей. Только когда на рынке стало появляться множество переводов, сделанных машиной, к голосам переводчиков, обесп-

коенных качеством подобных текстов, прислушались как разработчики программ, так и исследователи. Проведенные опросы среди владельцев бизнесов, регулярно пользующихся услугами перевода, показали, что качество и точность полученного текста имеют больший приоритет по сравнению со скоростью его создания. В результате опроса группы из 70 профессиональных переводчиков в 2017 г. было выявлено, что, несмотря на то что применение специализированных программ облегчает и ускоряет процесс работы над самим переводом, много времени уходит на дальнейшие правки и корректуру полученного текста, что требует дополнительных усилий и в некоторых случаях сводит на нет положительный эффект от применения систем машинного перевода. Среди недостатков машинных переводов часто называют ошибки в терминологии в специализированных текстах и общую несвязность получаемых текстов. В то же время часть опрошенных переводчиков выразили мысль о «дополнительном вдохновении», которое давало им использование систем машинного перевода.

Уже существует некоторое количество исследований о применении машинного перевода в институциональной, академической и коммерческой сферах, однако авторы статьи отмечают отсутствие подобных работ в области миграции. В данной статье они предпринимают попытку исследовать популярность машинного перевода и оценить его пользу в данной сфере.

На первом этапе группе переводчиков было отправлено приглашение поучаствовать в исследовании. Все выразившие интерес к участию заполнили анкеты, в которых указали личные данные и опыт работы с системами машинного перевода. На основании данных анкет были отобраны 10 переводчиков, которые составили фокус-группу исследования. Авторы работы посчитали такое количество участников достаточным для обеспечения валидности полученных данных. Ключевыми факторами при отборе участников являлись их рабочие языки, опыт переводческой деятельности, академическая квалификация, область специализации и опыт работы с миграционным дискурсом. Все десять участников работали в Испании, семеро из них имели опыт взаимодействия с программами машинного перевода.

Второй этап исследования был поделен на три части. Каждому участнику предлагалось ознакомиться с тремя текстами на

испанском языке (Текст 1, Текст 2, Текст 3), переведенными программой, а затем для каждого текста ответить на следующие вопросы.

1. Что вы думаете о качестве данного перевода английского текста на испанский язык? (Данный вопрос предлагал три варианта ответа: «Текст не нуждается в редактировании», «Текст нуждается в редактировании», «Текст необходимо переписать».)

2. Считаете ли вы необходимым ознакомиться с англоязычным оригиналом, чтобы оценить качество машинного перевода?

3. Согласились бы вы редактировать данный текст? При каких условиях?

В конце участников попросили указать текст, перевод которого показался им наиболее точным и качественным. Предложенные участникам отрывки текстов по объему не превышали 100 слов. Все тексты были переведены на испанский язык при помощи программы The EU Council Presidency Translator, работающей на основе нейронных технологий. Участники отвечали на вопросы в рамках одной личной встречи. Их ответы были записаны на аудио, после чего транскрибированы и подвергнуты тематическому анализу.

Отвечая на первый вопрос, большинство участников указали, что хотя результат машинного перевода был приемлемым, конечный текст нуждался в дополнительном редактировании. При ответе на второй вопрос все участники заявили, что исходный текст необходим для корректного редактирования перевода, ссылаясь на то, что это поможет выявить пропуски, неверную терминологию, грамматические и синтаксические ошибки. Все участники согласились отредактировать полученные тексты при условии наличия оригинала и четких инструкций и требований к редакции.

Все участники заметили в текстах несоответствие терминологии, искажение смысла и общую несвязность текстов. Была отмечена необходимость введения в тексты анафоры, с целью избежать излишних повторов. Некоторые из участников высказались о необходимости проверки полученных текстов специалистами в данной предметной области для исключения ошибок и неточностей.

Участники исследования сошлись во мнении, что перевод Текста 1 в значительной степени превосходил по качеству два дру-

гих и содержал минимальное количество ошибок. Переводам текстов 2 и 3 требовались значительные доработки на этапе редактирования. После анализа характеристик трех исходных текстов было сделано предположение, что системы машинного перевода лучше работают с текстами, состоящими из коротких предложений.

Авторы исследования принимают во внимание ограниченность корпуса проведенного исследования. Тем не менее они считают такой объем достаточным для столь узкой предметной области. Выявленные результаты показывают, что, несмотря на неидеальное качество машинного перевода, переводчики, работающие с миграционным дискурсом, готовы использовать его в качестве вспомогательного инструмента и осведомлены о возможных трудностях, с которыми им предстоит столкнуться на этапе редактирования.

*Е.В. Майорова,
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Хасан М.К., Рахман М.М.

**АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СРАВНЕНИИ
С СИНТАГМАТИЧЕСКИМИ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИМИ
ОТНОШЕНИЯМИ ГЛУБИННЫХ ЗНАНИЙ ЛЕКСИКИ:
ИХ КОРРЕЛЯЦИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СТЕПЕНИ
ПОНИМАНИЯ ПРОЧИТАННОГО ТЕКСТА У
ИЗУЧАЮЩИХ АНГЛИЙСКИЙ КАК ИНОСТРАННЫЙ
(Реферат)**

Hasan M.K., Rahman M.M. Analytic relations versus syntagmatic and paradigmatic relations of vocabulary depth knowledge: their correlation and prediction to academic reading comprehension of EFL learners // Open Linguistics. – 2020. – Т. 6. № 1. – С. 357–371.

Ключевые слова: глубина словарного запаса; понимание прочитанного текста; синтагматические и парадигматические связи; аналитические связи; английский как иностранный.

Лексический аспект изучения и преподавания языка, как и проблема измерения словарного запаса у студентов, изучающих иностранные языки, уже были достаточно широко исследованы с разных позиций: обучения языку, овладения языком и оценки владения языком. Знание лексики играет важную роль и в изучении, и в преподавании иностранного языка, что было доказано десятками исследований. Кроме того, было выявлено, что обширный словарный запас является необходимым условием для свободного понимания прочитанного. Исследователи отмечают, что знание лексики включает в себя как минимум два аспекта: широту и глубину словарного запаса. Под широтой словарного запаса подразумевается количество слов, знакомых изучающему язык, глубина же

словарного запаса характеризует то, насколько хорошо или *глубоко* то или иное слово известно обучающемуся.

Исследователи и преподаватели языков до настоящего времени так и не сошлись во мнении об определении понятия «знание лексики» (vocabulary knowledge). Следовательно, определение понятия глубины знания лексики (vocabulary depth knowledge) также остается затруднительным с теоретической точки зрения. Несмотря на это само явление активно изучается с разных сторон.

Было выявлено, что глубокое знание слова включает в себя такие аспекты, как правильное произношение и написание слова, понимание его значения, частотности, регистра, знание его морфологических и синтаксических признаков. Тем не менее исследователи в области изучения лексики уделяют особое внимание не этим аспектам, а трем основным типам отношений, которые возникают между целевым словом и его ассоциациями: парадигматические ассоциации (синонимы и слова высшего порядка), синтагматические ассоциации (коллокации) и аналитические связи (слова, которые являются неотъемлемой частью значения целевого слова, например: *команда – вместе, электрон – крошечный*).

И широта, и глубина словарного запаса в равной степени влияют на понимание прочитанных текстов. На основании этого многие исследователи занимаются созданием различных систем измерения широты и глубины словарного запаса. При этом в подобных работах существует некоторое преувеличение важности только одного из типов отношений, в частности синтагматических или парадигматических ассоциаций. Лишь малая часть исследователей обращают внимание на то, что все три типа отношений, а также знания о морфологических признаках слова одинаково важны для понимания прочитанного.

С целью исследования многоаспектности глубины знания лексики авторами статьи был разработан эксперимент, в котором приняли участие 155 студентов престижного частного университета в Бангладеше. Родным языком всех участников эксперимента был бенгальский язык, однако обучение в университете велось на английском языке. Каждый из участников эксперимента изучал английский язык не менее 12 лет. Среди участников эксперимента 54,2% составляли юноши, 45,8% – девушки. Средний возраст участников – 20,5 лет. Участники эксперимента обучались по раз-

ным образовательным программам, среди которых были представлены экономика, юриспруденция, финансовый учет, информационные технологии и др.

Эксперимент проводился в два этапа, в ходе которых участники выполнили четыре различных задания, связанных со знанием лексики английского языка. На первом этапе были проведены тест на оценку степени понимания прочитанного текста и тест на определение связи «часть – целое». Тест на понимание прочитанного представлял собой научный текст и 20 вопросов с выбором правильного ответа. Тест на определение связи «часть – целое» состоял из 30 заданий с пропуском слова (*Голова – это часть ... [тела]*). В ходе второго этапа участники выполнили тест на сочетаемость слов и тест на знание морфологии. Результаты проведенных тестов были подвергнуты количественному анализу.

Одной из задач эксперимента было выяснить, насколько связаны между собой результаты тестов на понимание синтагматических и парадигматических связей, аналитических связей и основных морфологических форм слов. Наибольшая степень зависимости была выявлена между результатами теста на аналитические связи и теста на знание морфологии слов, наименьшая связь просматривалась между тестом на понимание сочетаемости слов и тестом на понимание аналитических связей. Понимание связи «часть – целое» более всего коррелировало с результатами теста на понимание прочитанного научного текста. Кроме того, была выявлена зависимость результатов теста на понимание прочитанного от результатов тестов на глубину словарного запаса участников. Так, по результатам проведенного эксперимента можно сделать вывод о том, что на понимание прочитанного текста в большей степени влияет именно понимание аналитических связей слов в тексте.

Таким образом, представление об аналитических (в частности, меронимических) связях между словами и знание морфологии в большей степени обеспечили участникам эксперимента успешное понимание научных текстов. Значительная связь между знанием морфологии и пониманием текста, выявленная в данном эксперименте, противоречит результатам исследований других авторов, в которых большая роль отводилась изучению синтагматических и парадигматических связей. Авторы статьи оправдывают полученные результаты большим объемом выборки (в подобном исследо-

вании 1998 г. участвовали всего 74 человека, что вдвое меньше, чем в данном эксперименте) и измененным форматом теста.

Результаты работы М.К. Хасана и М.М. Рахмана будут интересны всем, кто занимается исследованиями в области словарного запаса изучающих иностранные языки и проблем понимания текстов, преподавателям и разработчикам учебных программ.

*Е.В. Майорова,
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

КОММУНИКАЦИЯ. ДИСКУРС. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

УДК: 81

DOI: 10.31249/ling/2021.02.04

Раренко М.Б.

ЖЕСТОВЫЕ ЯЗЫКИ КАК ПОЛНОЦЕННОЕ СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Москва, Россия*

Аннотация. В статье жестовые языки рассматриваются как полноценная коммуникативная языковая система, которой пользуются при общении между собой глухие люди. В отличие от звучащих языков, план выражения которых строится на акустической основе, жестовые языки в своей основе имеют кинетический (жестикулярно-мимический) принцип. Подобно звучащим языкам, жестовые языки представляют собой самодостаточные коммуникативные системы.

Ключевые слова: жестовые языки; жест; языковая система; кинетический (жестикулярно-мимический) принцип; жестуно.

Rarenko M.B.

SIGN LANGUAGES AS A FULL-FLEDGED MEANS OF COMMUNICATION

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of
the Russian Academy of Sciences (INION RAN)
Moscow, Russia*

Abstract. The article considers sign languages as a full-fledged communicative language system used by deaf people in

communication with each other. Unlike sounding languages, whose expression plan is based on an acoustic basis, sign languages are based on a kinetic (gestural-mimic) principle. Like sounding languages, sign languages are self-sufficient communication systems.

Keywords: sign languages; gesture; language system; kinetic (gestural-mimic) principle; Gestuno.

По данным Всемирной федерации глухих (ВФГ), число незлышающих людей в мире составляет около 70 млн, или 0,1% населения, а лиц со сниженным слухом, например по возрасту, значительно больше – до 10% [Центр образования глухих и жестового языка имени Г.Л. Зайцевой (Электронный источник)].

Под «жестовыми языками» в современном научном дискурсе следует понимать полноценные языковые системы, используемые глухими для общения: «коммуникативные системы, план выражения которых строится не на акустической, как в звуковых языках, а на кинетической (жестикулярно-мимической) основе» [Беликов, 1990, с. 153]. Помимо жестикулярного компонента, жестовые языки включают немануальный компонент – использование взгляда, выражения лица, движений головы и тела. Жестовые языки служат основным и нередко единственным средством общения глухих и являются структурно независимыми от соответствующих национальных звуковых языков, т.е. представляют собой самодостаточные коммуникативные системы. В большинстве стран мира жестовые языки признаны языками меньшинств соответствующих стран, а во многих случаях жестовые языки имеют официальный статус.

История жестовых языков корнями уходит в древность, но интенсивное развитие и распространение жестовых языков на территории многих государств относятся только к концу XVIII в. (прежде всего во Франции, а затем и в других странах, в том числе и России), когда стали образовываться учебно-воспитательные центры для детей с нарушениями слуха; институционализация же указанной деятельности происходит только во второй половине XX в., когда в обществе возникает осознание потребности включить данную категорию граждан в социальный контекст, обусловленное в том числе и гуманистическими процессами, происходя-

шими в тот период в мировом сообществе. Важным шагом в признании жестового языка одной из форм социальной коммуникации стало решение, принятое в 1951 г., о создании Всемирной федерации глухих (ВФГ, World Federation of the Deaf), одной из первых и важных задач которой стало стандартизирование языка жестов как основного языка коммуникации на международных мероприятиях. Необходимость стандартизировать жестовый язык была вызвана прежде всего тем, что в работе конгрессов, конференций, симпозиумов по проблемам глухоты вместе с ларингологами, аудиологами, психологами, педагогами, инженерами и другими специалистами принимают участие социальные работники и общественные деятели из числа неслышающих, а национальные варианты жестовых языков настолько различны, что в противном случае требовались «переводчики» с одного национального языка жестов на другой. На VII Всемирном конгрессе по проблемам глухоты в Вашингтоне в 1975 г. была принята и утверждена (наряду с английским и французским, официальными языками Всемирной федерации глухих) Международная жестовая речь (англ. International Sign, IS) – международная жестовая система, используемая глухими для облегчения коммуникации с глухими других стран, а также на международных мероприятиях, мероприятиях Всемирной федерации глухих, Дефлимпийских и Паралимпийских играх.

Несмотря на относительно небольшое количество научных работ (их число в последнее время стремительно увеличивается), посвященных проблемам жестовых языков, что можно, вероятно, объяснить как сложностью изучения данных языков, так и относительно невысоким социальным статусом их носителей, следует признать, что с лингвистической точки зрения жестовые языки являются настолько же богатыми и непростыми, как и любой звуковой язык, т.е. обладают всеми характеристиками полноценных языков. Некоторые исследователи (например, В.И. Беликов) отмечают, что жестовые языки «потенциально не уступают по коммуникативным возможностям звуковым языкам, но фактически их лексика беднее лексикой развитых литературных языков, что является следствием низкого социолингвистического статуса» [Беликов, 1990, с. 153].

Начало научного интереса к лингвистическому исследованию жестового языка приходится на 1960-е годы, когда в США

один из первых его исследователей профессор Уильям Стоуки опубликовал работу «Структура жестового языка» (Stokoe W. Sign language structure. An outline of the visual communication systems of the American deaf, 1960). Данное исследование не только заложило лингвистические основы для изучения жестовых языков как одного из способов коммуникации в современном обществе и стимулировало исследователей из разных стран (помимо США, в настоящее время структура жестовых языков активно изучается во многих научных центрах Западной Европы и остального мира, в том числе в России) объединить свои усилия по описанию национальных вариантов жестовых языков, но и обратило внимание широкой общественности на необходимость интегрировать значительную часть населения земного шара в социальный континуум. После публикации работы У. Стоуки у исследователей стал проявляться теоретический и практический интерес к жестовым языкам глухих, особенно усилившийся в последнее десятилетие в связи с распространением идей «политкорректности» и широкомасштабными усилиями по максимально полной интеграции в общество людей с физическими недостатками.

В жестовых языках используются так называемые дактильные алфавиты, в основе которых лежат такие конфигурации пальцев и руки (рук), чтобы дактилемы напоминали буквы. В работах как зарубежных (в первую очередь У. Стоуки [Стоуки, 2006; Stokoe, 2005]), так и отечественных (И.Ф. Гейльман [Гейльман, 1957; Гейльман, 1975; Гейльман, 1977; Гейльман, 1978; Гейльман, 1979], Г.Л. Зайцева [Зайцева, 2015], В.И. Беликов [Беликов, 1990], Прозорова [Прозорова, 2007] и др.) авторов отмечается, что жесты в целом носят условно-схематичный характер, иногда придумываются на лету, не обязательно имеют визуальную связь с обозначаемым словом (т.е., так же как и обычные языки, неонмотопеичны). Они не являются визуальной интерпретацией обычных языков; они обладают своей грамматикой, могут быть использованы для обсуждения самых различных тем: от простых и конкретных до возвышенных или абстрактных. Слова жестовых языков, как и слова обычных языков, состоят из элементарных, не обладающих смыслом компонентов – хирем (аналогия в обычных языках – фонемы).

Первым структуру жеста описал У. Стоуки, выделивший три главных компонента, из которых состоит каждый жест: конфигурацию, пространственное положение и движение. Он описал характеристики каждого компонента, т.е. все возможные в американском жестовом языке конфигурации, местоположения и движения жестикулирующей руки или рук. После Стоуки была описана структура жеста в других национальных жестовых языках: английском, немецком, шведском, финском и др.

Большинству жестовых языков свойственны частое использование классификаторов, высокая степень словоизменения, а также синтаксис, подчеркивающий актуальное членение предложения. Уникальные свойства жестовых языков проистекают из возможности жестов обретать разные смыслы в зависимости от многих параметров, передаваемых одновременно, в отличие от обычных языков, где все это происходит почти всегда последовательно.

Слышащими и глухими учеными-лингвистами разных стран была доказана состоятельность жестового языка как лингвистической системы со своими, отличными от звуковых языков, морфологическими и синтаксическими признаками.

У. Стоуки отмечает, что всякий знак (жест) жестового языка (функционально близкий к морфеме – минимальной значимой единице звуковых языков) складывается из хирем (от греч. *Χείρ* – рука), делящихся на три класса – *табы* указывают на место исполнения жеста, *дезы* – на конфигурации руки, а *сига* – на характер движения. Хиремы функционально эквивалентны фонемам, но в отличие от фонем, выстраивающихся в морфеме в линейную последовательность, жест-морфема одновременно включает хирему каждого из трех классов. Общее количество хирем сопоставимо с числом фонем в звуковых языках: так, в американском жестовом языке (American Sign Language, ASL) имеется 12 табов, 19 дезов и 24 сига, в шведском жестовом языке, соответственно, 18, 22 и 24, в языке глухих южной Франции – 16, 17 и 20 и т.д. Стоуки разработал для ASL систему записи жестов как последовательности таба, деза и сига – TDs. Возможны более сложные жесты: TDDs (два деза, задействованы две руки), TDss (два сига, выполняются два движения) и т.п. Подобные исследования были проведены отечественными исследователями для русского жестового языка.

В XX в. жестовые языки глухих впервые получают собственные названия: родной язык глухих США именуется «амслен» (сокращение от AMERICAN Sign LANguage, «американский жестовый язык»), а жестовая форма нормативного английского обычно именуется «сиглиш» (от SIGned EngLISH или Manually Coded English «прожестикированный английский»). Таким образом, жестовые языки оказываются никак не связанными с национальными языками, используемыми на одной и той же территории. Так, У. Стоуки отмечает, что амслен оказался «языком экзотическим и в некотором отношении столь же далеким от носителей американского английского, как и прапапуасский» [цит. по: Соломоник, 2017]. Однако, в соответствии со сложившейся традицией, названия национальных жестовых языков сопряжены с названиями государств, в которых они используются: британский жестовый язык, американский жестовый язык, австралийский жестовый язык, русский жестовый язык и пр. В настоящее время официально зафиксирован 121 жестовый язык глухих.

Помимо национальных вариантов жестовых языков существует «международный жестовый язык» – искусственная система международных знаков (International Sign, IS), составленная из жестов разных национальных жестовых языков, в основе которой лежит система американского жестового языка, который используется в качестве языка международного общения глухими людьми из разных стран мира. Г.Л. Зайцева пишет, что международный язык жестов (жестуно) – «своего рода жестовый эсперанто» [Зайцева, 2015, с. 13]. Для облегчения общения между представителями разных стран «Международным комитетом, состоящим из представителей нескольких стран, был отобран и опубликован словарь, включающий около 1500 жестов, сгруппированных по темам: люди, межличностные отношения, юстиция, природа и т.д. Жесты, вошедшие в международный лексический фонд, в основном отобраны из национальных жестов, частично – вновь сконструированы членами комиссии» [Зайцева, 2015, с. 13]. Как существенный недостаток жестуно исследователь называет отсутствие в нем грамматики: «Глухие выстраивают жесты или по законам национального языка, или следуя грамматике английского языка. И в том и в другом случае коммуникация между глухими из разных стран затруднена» [Зайцева, 2015, с. 13]. Также исследователь

отмечает, то грамматика жестуно «основана на морфологических и синтаксических универсалиях, общих для многих национальных жестовых языков» [Зайцева, 2015, с. 13].

В руководстве «Язык русский жестовый: услуги по переводу для инвалидов по слуху. Основные положения», подготовленном Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии в 2017 г., жестовый язык определяется как «самостоятельная и существенно отличающаяся от словесных языков система, обладающая своеобразной по структуре лексикой и грамматикой, разнообразными способами выражения смыслов и отношений между смыслами» [ГОСТ Р 57636–2017 – URL].

Подчеркивается, что жестовые языки являются «полноценными естественными языками» и «с точки зрения своих функциональных и выразительных возможностей, а также принципов языкового устройства они принципиально не отличаются от звучащих языков, которыми пользуется большинство человечества» [ГОСТ, 2017, с. IV].

Таким образом, не остается никаких сомнений считать жестовый язык одной из форм реализации социальной коммуникации, в настоящее время приобретающей все большую социальную значимость, что подтверждается, например, тем, что на сайте Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Москва) в начале ноября 2020 г. была анонсирована «премьера авторской экскурсии на жестовом языке “Искусство итальянского Возрождения”», которая должна была состояться 13 ноября 2020 г. в 19.00, экскурсию проводит «глухой экскурсовод Светлана Бобкова в рамках фестиваля “Пятницы в Пушкинском”» [Выставки и мероприятия. – Электронный источник].

Итак, жестовая коммуникация, включающая две разновидности – разговорную и калькирующую, – имеет своим главным свойством способ передачи и восприятия информации глухими. Существующие национальные жестовые системы глухих отличаются своеобразием лексики и грамматического строя, однако благодаря международному жестовому языку – жестуно – происходит общение глухих из разных стран на мероприятиях (съезды, симпозиумы, конференции, состязания незлышащих спортсменов и пр.), организуемых Всемирной федерацией глухих.

Структура жестовых языков имеет сложную иерархию, в которой жест, или кинетический акт, в котором обязательно участвуют руки говорящего, выступает в качестве основной смысловой единицы, аналогичной по своей функции слову в звуковых языках. Двигательная природа жеста и его визуальное восприятие обуславливают такие особенности жестового языка, как возможность определенным образом расположить жест в пространстве и выполнить одновременно два жеста двумя руками.

Если относительно недавно многие исследователи воспринимали жестовый язык глухих как разновидность примитивного языка в силу отсутствия в нем грамматических категорий, присущих звуковым языкам, то сегодня существенно изменились критерии его оценивания. Постоянное пополнение лексики жестовых языков, в том числе и по принципу ассоциации (так, лексическая единица «Пятигорск» в русском жестовом языке передается жестом, описывающим два направленных навстречу друг другу пистолета), свидетельствует о том, что, подобно звучащим языкам, жестовые языки находятся в постоянном развитии. В настоящее время наблюдается повышенный интерес со стороны исследователей к изучению жестовых языков, в частности русского жестового языка, потому что, во-первых, в современном обществе произошло осознание необходимости интегрировать его членов, использующих жестовую коммуникацию как основной вид коммуникации, а во-вторых, исследования жестовых языков свидетельствуют о том, что жестовые языки в плане коммуникации не уступают звучащим языкам, а в некоторых случаях даже имеют перед ними преимущество.

Список литературы

- Беликов В.И.* Жестов языки // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 153.
- Выставки и мероприятия [Электронный источник]. – URL: <https://www.pushkinmuseum.art/> (дата обращения: 06.12.2020).
- Гейльман И.Ф.* Ручная азбука и речевые жесты глухонемых. – Л. : КОИЗ, 1957. – 596 с.
- Гейльман И.Ф.* Специфические средства общения глухих. Дактилология и мимика : в 4 ч. – Л. : ЛВЦ ВОГ, 1975. – Ч. 1. – 164 с.
- Гейльман И.Ф.* Специфические средства общения глухих. Дактилология и мимика : в 4 ч. – Л. : ЛВЦ ВОГ, 1977. – Ч. 2. – 177 с.

Жестовые языки как полноценное средство коммуникации

- Гейльман И.Ф.* Специфические средства общения глухих. Дактилология и мимика : в 4 ч. – Л. : ЛВЦ ВОГ, 1978. – Ч. 3. – 225 с.
- Гейльман И.Ф.* Специфические средства общения глухих. Дактилология и мимика : в 4 ч. – Л. : ЛВЦ ВОГ. : 1979. – Ч. 4. – 215 с.
- Зайцева Г.Л.* Жестовая речь. Дактилология : учебник для студентов высших учебных заведений. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2015. – 192 с.
- Прозорова Е.В.* Российский жестовый язык как предмет лингвистического исследования // Вопросы языкознания. – М., 2007. – № 1. – С. 44–61.
- Соломоник А.Б.* О языке и языках. – М. : Спутник+, 2017. – 393 с.
- Стоуки У.* Структура жестового языка // Современные аспекты жестового языка : сб. статей / сост.: А.А. Комарова, В.А. Паленный. – М., 2006. – С. 55–84.
- Центр образования глухих и жестового языка имени Г.Л. Зайцевой. – URL: <http://deafsign.ulcraft.com/> (дата обращения: 06.12.2020).
- ГОСТ Р 57636–2017 Язык русский жестовый. Услуги по переводу для инвалидов по слуху. Основные положения. – М. : ЦНИИ Русского жестового языка, 2017. – URL: <https://cnii-jest.ru/ru/doc/10-gost-r-57636-2017> (дата обращения: 06.12.2020).
- Stokoe W.* Sign language structure: An outline of the visual communication systems of the American deaf // Journal of Deaf Studies and Deaf Education. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – Vol. 10, N 1. – URL: <https://www.linguisticnetwork.com/wp-content/uploads/J.-Deaf-Stud.-Deaf-Educ.-2005-Stokoe-3-37.compressed.pdf> (дата обращения: 06.12.2020).

Комалова Л.Р.
ЯЗЫК ВРАЖДЫ В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ
ИНТЕРНЕТА¹

УДК: 82'42

DOI: 10.31249/ling/2021.02.05

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, komalova@inion.ru*

Аннотация. В статье представлен обзор зарубежных исследований реализации языка вражды в публичном дискурсе институциональных и неинституциональных СМИ и социальных медиа на материале индоевропейской, фино-угорской и сино-тибетской языковых семей. Анализируется содержание понятия «язык вражды» в его широком смысле. В ходе анализа выявляются тематические, дискурсивные и когнитивные особенности реализации языка вражды, поведенческие характеристики хейтеров, а также группы лиц, в отношении которых чаще всего направлены высказывания на языке вражды.

Ключевые слова: язык вражды; ксенофобия; экстремизм; расовая ненависть; скрытая дискриминация; свобода выражения; свобода слова; социальные медиа; институциональные СМИ; дискурс-анализ; текст; сообщение; комментарий; твит; социальная интернет-сеть; интернет-среда; юридический дискурс; политический дискурс; публичный дискурс; религия; этнос; контекст; цифровые социальные

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания по теме «Лингвокультурные аспекты цивилизационных противоречий»: <http://inion.ru/ru/science/temy-nir/lingvokulturnye-aspekty-tsivilizatsionnykh-protivorechii/>

науки; испанский язык; сербский язык; шведский язык; чешский язык; румынский язык; венгерский язык; бирманский (мьянманский) язык; миноритарные сообщества; малозащищенные группы населения; блог; интернет-форум; сайт ненависти; хейтер; дискурсивные практики; Facebook; Twitter.

Komalova L.R.

HATE SPEECH IN THE INTERNET PUBLIC DISCOURSE

*Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia, komalova@inion.ru*

Abstract. The paper provides an overview of foreign studies on the implementation of hate speech in the public discourse of institutional and non-institutional media and social media based on the material of Indo-European, Fino-Ugric and Sino-Tibetan language families. The content of the concept «hate speech» is analyzed in the broad sense of this word. The findings reveal thematic, discursive, and cognitive features of hate speech realization, the behavioral characteristics of haters, as well as the groups of people towards whom hate speech is most often targeted.

Keywords: hate speech; xenophobia; extremism; racial hatred; hidden discrimination; freedom of expression; freedom of speech; social media; institutional media; discourse analysis; text; message; comment; tweet; social internet network; internet environment; legal discourse; political discourse; public discourse; religion; ethnos; context; digital social sciences; Spanish language; Serbian language; Swedish language; Czech language; Romanian language; Hungarian language; Burmese (Myanmar) language; minority communities; vulnerable groups of the population; blog; internet forum; hate site; hater; discursive practices; Facebook; Twitter.

Постановка проблемы

В настоящее время доступно достаточно исследований, посвященных деструктивным формам речевого поведения и дискурсам, разжигающим рознь, пропагандирующим насилие, провоцирующим негативные эмоциональные состояния реципиентов. Во многом это связано с доступностью языкового и речевого материала: размещенных в открытом доступе текстов институциональных (сетевых аналогов печатных СМИ, радио- и телепередач) и неинституциональных (сайтов организаций, персональных сайтов и блогов, социальных интернет-сетей, интернет-форумов) СМИ и комментариев к сообщениям.

В научном обороте можно встретить различные номинации данного явления: язык вражды, агрессивное речевое поведение, кибербуллинг, кибертроллинг и т.д. Иногда эти понятия располагают в синонимичном ряду, при этом у каждого из них есть своя специфика.

В настоящей обзорной статье собраны результаты исследовательских проектов (на материале индоевропейской, финно-угорской и сино-тибетской языковых семей), объектом которых является язык вражды (*hate speech*).

Рассуждая о содержании понятия «язык вражды», А. Браун обращает внимание на тот факт, что, несмотря на существование правовых актов, пресекающих использование языка вражды, по сути, этот концепт является в большей мере обыденным, чем правовым, так как используется в широком смысле слова людьми, которые не являются профессиональными юристами, в социальной, культурной, политической и экономической областях жизни социума [Brown, 2017, p. 422].

Содержание понятия «язык вражды» зафиксировано в Приложении № R (97) 20 к Рекомендациям Комитета министров в области медиа и информационного общества Совета Европы от 30 октября 1997 г. В трактовке данного документа язык вражды следует понимать как все формы выражения, которые распространяют, разжигают, поощряют или оправдывают расовую ненависть, ксенофобию, антисемитизм или другие формы ненависти, основанной на нетерпимости, включая нетерпимость, выражаемую в виде агрессивного национализма и этноцентризма, дискриминации

и враждебного отношения к меньшинствам, мигрантам и людям иммигрантского происхождения [Recommendations...].

В памятке¹ о языке вражды в социальных медиа говорится, что язык вражды дискриминирует человека или группу людей по признаку расы, религии, пола или сексуальной ориентации и не является реализацией свободы слова. При этом изучение и мониторинг данного явления позволяют предотвратить реальное насилие, так как 1) язык вражды может рассматриваться как ключевой индикатор для раннего предупреждения массового насилия; 2) ограничение использования языка вражды является способом ограничить реальное насилие; 3) введение в правовой оборот понятия «язык вражды» дает возможность привлекать к ответственности за высказывания, составляющие преступление [Introduction...].

Подтверждением того, что язык вражды является предвестником реальных действий деструктивной направленности, служит статистика по категориям пострадавших в реальных преступлениях на почве ненависти, которую в ежегодном отчете представило Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека в рамках деятельности ОБСЕ, направленной на борьбу с преступлениями на почве ненависти (рис. 1).

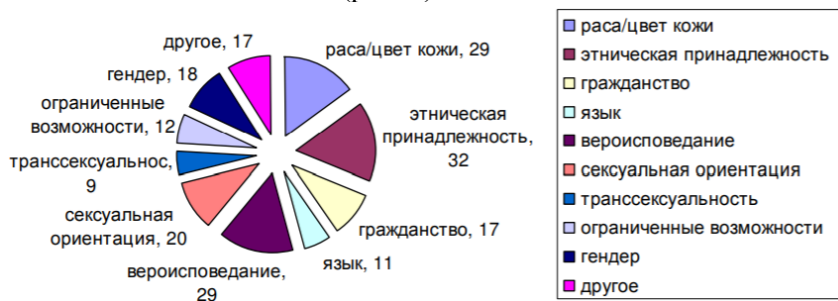

Рис. 1. Категории пострадавших в статистических данных о преступлениях на почве ненависти [Hate crimes..., 2010, p. 23]

¹ Памятку разработала Организация по расширению прав и возможностей для прогресса сообщества (Community Empowerment for Progress Organisation – CEPO).

Наряду с «правозащитными» настроениями в среде исследователей встречаются мнения об оборотной стороне движения против языка вражды, особенно в цифровой и в интернет-среде. По-прежнему существует трудность разграничения между «случайным разовым лозунгом, опубликованным в “Твиттере”» и «реальной угрозой, которая является частью систематической кампании ненавистника» [Rowbottom, 2012; цит. по: Countering..., 2015, p. 13]. При этом в интернет-среде есть разница между постом, которому мало или вообще не уделяется внимания, и постом, который становится вирусным. Кроме того, существуют сложности, с которыми могут столкнуться правительства и суды, например, при попытке применить закон против социальной интернет-сети, штаб-квартира которой находится в другой стране. Таким образом, хотя высказывания на языке вражды в Интернете, по сути, не отличаются от аналогичных высказываний в реальной жизни, существуют специфические проблемы, присущие только онлайн-контенту и его регулированию [Countering..., 2015, p. 13].

В интернет-пространстве язык вражды активно развивается на так называемых сайтах (hate sites)¹, в блогах (hate blogs) и на форумах ненависти, а также в коммуникации в социальных интернет-сетях, в персональных сообщениях по электронной почте и в рамках коммуникации внутри компьютерных игр, созданных в целях разжигания ненависти и розни. Сайты ненависти посвящены пропаганде или разжиганию ненависти в отношении определенной группы или групп. Самыми «эффективными» сайтами ненависти можно считать те, которые используют все доступные методы электронного общения. Они образуют очаги ненависти с целью построения сообществ, распространения определенной идеологии, вербовки новичков и иногда поощрения преступлений на почве ненависти [Young people..., 2012, p. 20]. В личном блоге ненависти держатель блога обнаруживает свое отношение к определенной группе лиц или конкретному лицу, а также оставляет ненавистнические комментарии на сайтах, в других блогах, в том числе в блогах жертв [там же, p. 21]. Группы ненависти создают свои

¹ В Российской Федерации к таким сайтам относят интернет-страницы, на которых размещаются экстремистские материалы (см.: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/>).

собственные антисемитские и расистские онлайн-игры, чтобы подстрекать к насилию и геноциду [Young people..., 2012, p. 22].

Современная интернет-среда является благоприятной не только для развития традиционных СМИ, но и для функционирования альтернативных неинституциональных массмедиа в рамках движения «гражданская (citizen journalism) / партисипативная (participatory journalism) / партизанская (guerrilla journalism) / уличная (street journalism) журналистика»¹. Далее приводится обзор исследований, в которых рассматриваются особенности реализации языка вражды и речевых практик на основе как сетевых площадок традиционных СМИ, так и социальных медиа (блогов, форумов, социальных интернет-сайтов) в телекоммуникационной сети Интернет.

Язык вражды в дискурсивных практиках

В работе [Hate speech..., 2015] проводится анализ языка вражды в социальных медиа (социальные интернет-сети), печатных СМИ, песенных и кинопроизведениях в сопоставлении по параметрам тематики «политика», «этнос», «религия». Анализируемый материал (с января по ноябрь 2015 г.) составил 153 страницы Facebook, 1613 газет и журналов, 269 песен, размещенных на каналах YouTube, и 304 кинофильма.

В ходе анализа было выявлено, что в *социальных медиа* артефакты языка вражды в коммуникации по поводу политических событий были направлены против 1) оппозиционных партий, 2) протестных движений, способствующих разжиганию политической ненависти, 3) геополитических событий, 4) политических лидеров внутри страны, 5) правящей партии, 6) политических акти-

¹ «Оба смысла, которые несет в себе понятие “гражданская журналистика”, пришли в мировую журналистику из американской, где закрепились в разных лексических единицах. Одна – civic journalism, другая – citizen journalism. Civic journalism появилась в доинтернетовскую эпоху и означает профессиональную журналистику, направленную на развитие гражданской активности читателей и вовлечение их в публичную жизнь; одновременно это связано с участием читателей в реализации редакционных проектов. Citizen journalism подразумевает деятельность не профессиональных авторов, осуществляемую в Интернете – в блогах, социальных сетях, посредством микроблогинга, а также на сервисах традиционных СМИ» [Хлебникова, 2011].

вистов, 7) армии, 8) военных организаций, 9) предвыборной кампании. Язык вражды встречался в 1) сообщениях о прошлых событиях, связанных с религией, 2) комментариях к сообщениям про попытки противодействовать религиозной вражде через визуальные средства (одежда), 3) комментариях к неуместным фотографиям с символами веры, 4) сообщениях против Будды и буддистских монахов, 5) сообщениях против исламской религии, 6) сообщениях против межконфессиональных браков. При обсуждении этнических вопросов язык вражды был направлен против этнических групп 1) коканд (Kokhant ethnic), 2) бамар (Bamar ethnic), 3) ракхайн (Rakhine ethnic), 4) мон (Mon ethnic).

В сообщениях *печатных СМИ* по политической тематике артефакты языка вражды были направлены против 1) политических партий, 2) властей, 3) выборов и кандидатов, 4) предпринимателей, 5) политических активистов и вооруженных организаций. Вражда высказывалась в резкой, умеренной и мягкой формах. В рамках религиозной тематики язык вражды 1) был направлен против религий, отличных от буддизма, и 2) предупреждал об опасности, исходящей от других религий. При обсуждении этнических вопросов язык вражды 1) был направлен против этнических групп коканд (Kokhant ethnic), 2) способствовал ксенофобии.

В *песенном нарративе* в рамках одной песни могли пересекаться артефакты языка вражды по тематике «политика», «религия» и «этнос». В религиозной тематике язык вражды был направлен на 1) защиту религии, 2) идентификацию врага, 3) предупреждение об атеистах, 4) обозначение монахов в качестве религиозного зла. В этнической тематике сообщения 1) защищали этническую принадлежность, 2) способствовали ксенофобии, 3) использовали звуки, имитирующие животных, особенно собак, 4) обвиняли людей, вступивших в брак с не-мьянманцами, в разрушении этнической принадлежности. В сообщениях на политическую тематику 1) использовались звуки, имитирующие животных, особенно собак, 2) язык вражды использовался против политических лидеров.

В *кинопроизведениях* язык вражды по тематике «политика» 1) был направлен на формирование образа группы животных или подобия людей, 2) использовался при формировании образа врага, 3) использовался в сообщениях протестующих повстанцев и террористов, 4) использовался как подстрекательство к насилию.

Язык вражды, основанный на этническом вопросе, 1) воспроизводился в речи персонажей, защищающих нацию, 2) использовался для создания подobia с животным, особенно с собакой и змеей, 3) использовался для создания негативного образа людей с разной этнической идентичностью.

Обобщая результаты проведенного исследования, можно отметить, что политическая тематика представляется наиболее «острой» в отношении языка вражды для различных коммуникационных сред (см. табл. 1 и рис. 2–5).

Таблица 1

Обобщение результатов исследования
(К. Л. на основе данных из: [Hate speech..., 2015, p. 10–75])

Тип среды	Тематика сообщений с элементами языка вражды		
	Политика	Этнос	Религия
Социальные медиа	преобладают	в меньшей мере	умеренно
Печатные СМИ	преобладают	умеренно	в меньшей мере
Песни	преобладают	преобладают	умеренно
Кинофильмы	преобладают	в меньшей мере	минимально

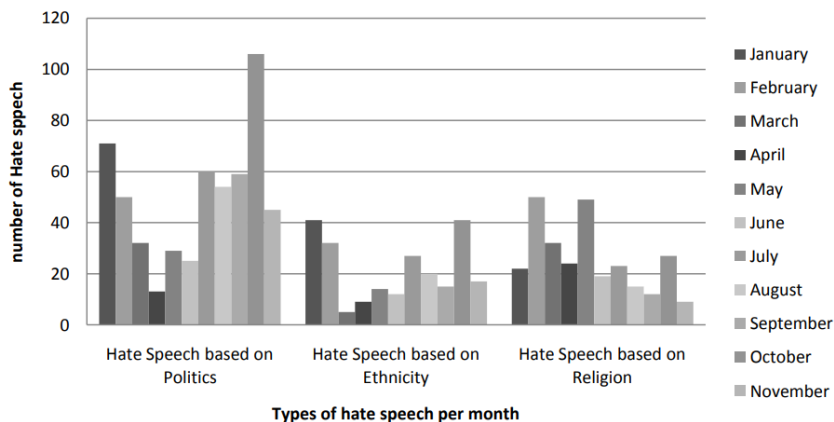

Рис. 2. Артефакты языка вражды, обнаруженные в социальных медиа [там же, p. 10]

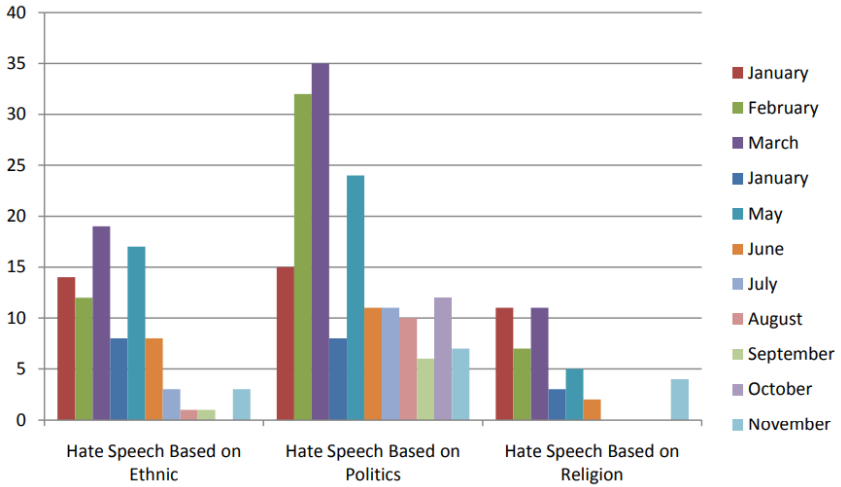

Рис. 3. Артефакты языка вражды, обнаруженные в сообщениях печатных СМИ [там же, с. 43]

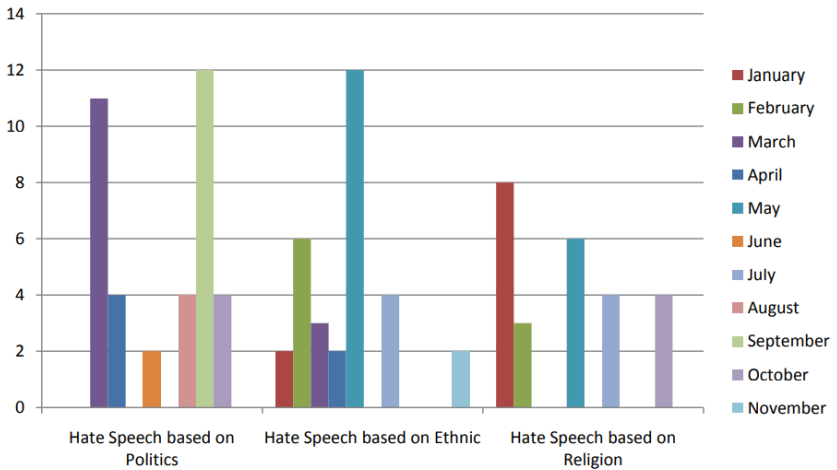

Рис. 4. Артефакты языка вражды, обнаруженные в песнях [там же, с. 70]

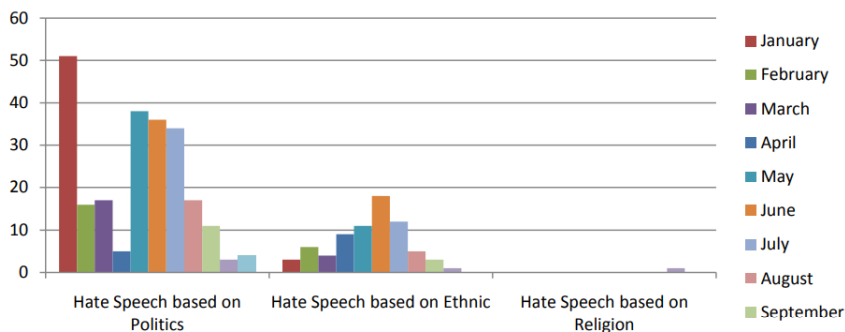

Рис. 5. Артефакты языка вражды, обнаруженные в кинопроизведениях [там же, с. 75]

В рамках дискурс-анализа Ж.П. Доржевич исследует комментарии пользователей к новостным сообщениям на официальном сайте высокотиражной сербской газеты *Politika* применительно к сообщениям о трансформации вооруженных сил Косово в регулярную армию [Đorđević, 2020]. С помощью инструментария теории социокогнитивного исследования дискурса (theory of Sociocognitive Discourse Studies – SCDS) автор пытается определить, каким образом язык вражды, репрезентируемый в комментариях, влияет на социокогнитивный интерфейс между социумом и дискурсом [там же, р. 2], т.е. каким образом язык вражды «корректирует» образ, создаваемый дискурсом традиционных СМИ. Автор предполагает, что появление языка вражды в комментариях пользователей свидетельствует о том, что сообщения в СМИ негативным образом влияют на их верования, знания и понимание информации о том или ином событии.

Предполагается, что сообщения в СМИ влияют на общество не напрямую, а посредством создаваемого ими интерфейса. Этот интерфейс, помимо самих сообщений и связей между ними, включает комментарии пользователей, в которых высказываются индивидуальные мнения, установки, опасения, нормы, ценности, отношение реципиентов (читателей), социальных акторов (действующих лиц в рамках конкретного события), а также представителей СМИ. В рамках данного интерфейса формируются ментальные модели определенного события.

По мнению автора, к дискурсивным маркерам, в которых может обнаруживаться язык вражды, относятся логическое ударение, интонация, порядок слов в предложении, значения слов, последовательность предложений, слова, передающие мнения и эмоциональные состояния говорящего, тема сообщения, дейктические структуры, выбор определенных речевых жанров, эвиденциальных, конвенциональных, схематических, канонических структур, метафор и средств поляризации смысла высказывания [Ђорђевић, 2020, р. 4]. Базой для определения данных структур в письменном дискурсе являются лексические единицы.

В качестве экспериментального материала рассматривается корпус из 939 комментариев к 77 новостным сообщениям, опубликованным на сайте газеты Politika (politika.rs) 14 декабря 2018 г. Наибольший объем комментирования пришелся на сообщения в рубриках «политика», «международные новости», «общество», «новости региона»¹. Было выявлено 182 случая проявления (артефакта) языка вражды.

Содержательный анализ комментариев позволяет зафиксировать, что негативная реакция читателей на новостные сообщения свидетельствует о том, что появление регулярной армии в Косово воспринимается как угроза суверенитету Сербии. Кроме того, читатели были разочарованы действиями руководства Европейского союза по данному вопросу и усматривали в них политическое намерение воздействовать на сербские власти. Количественный анализ данных показал три наиболее обсуждаемые темы: 1) формирование регулярной армии Косово противоречит существующим международным договоренностям (254 комментария); 2) очевидная невозможность или нежелание иностранных властей предотвратить появление регулярной армии в Косово (538 комментариев); 3) отсутствие у сербского правительства полномочий в данном вопросе (597 комментариев) [там же, р. 8].

В ходе исследования было выявлено, что читатели новостных сообщений открыто высказывают свое критическое мнение, в том числе нападая на других пользователей. Довольно часто чита-

¹ Эти выводы подтверждаются ранними исследованиями, в которых зафиксировано, что актуализация языка вражды в комментариях к новостным сообщениям происходит в ответ на социально значимые события [Countering..., 2015, р. 33–45].

тели используют язык вражды для установления контакта с другими пользователями, проявляя таким образом общие ценности, принципы и нормы. Некоторые ценности (ценность превосходства, влияния, популярности и др.), которые транслируются в новостных сообщениях, могут мотивировать читателей на то, чтобы не только комментировать сообщения, но и высказываться в оскорбительном тоне [Ђорђевић, 2020, p. 8].

Т. Энерссон и С. Линдгре в рамках критического исследования дискурса (Critical Discourse Studies – CDS), целью которого является анализ того, как использование языка связано с символическим построением институтов, идеологий, властных отношений и идентичностей [Enarsson, Lindgre, 2019], изучают корпус из 19 474 твитов на шведском языке (за 8–15 сентября 2017 г.), посвященных обсуждению вопросов, касающихся национального меньшинства цыган (the Roma minority / population), проживающего на территории Швеции. В современной Швеции цыгане по-прежнему являются группой, подвергающейся дискриминации, например на рынке труда [там же, p. 2].

В процессе анализа при помощи скрытого распределения Дирихле (Latent Dirichlet Allocation) в корпусе было выделено 20 наиболее связанных тем (топиков). На рис. 6 представлена модель распределения твитов по темам. Темы были представлены поодиночке (например, обсуждение правоцентристского экстремизма в отношении мигрантов – *debate about right-wing extremism in relation to migrants*) или объединены в кластеры (например, дискурс против цыган и против попрошайничества – *anti-Roma, anti-begging discourse*). В данном кластере было выявлено больше всего агрессивных высказываний (в виде критики политической ситуации, того, как политические партии решают вопрос о попрошайничестве) в отношении цыган, которых сравнивают с паразитами, неизлечимой болезнью [там же, p. 9].

Интерпретация содержания дискурса проводилась применительно к корреляциям между ненавистническими или агрессивными высказываниями в рамках тем, где такие высказывания встречались чаще всего, и текстами судебных решений и постановлений Европейского суда по правам человека для шведского законодательства в области свободы выражения (*freedom of expression*), которая является частью свободы слова. Авторы отмечают, что пра-

вовое регулирование (ограничение, запрет или санкционирование) свободы выражения на материале анализируемого корпуса сильно зависит от широкого дискурсивного контекста, в который вписано конкретное речевое действие (кто является субъектом высказывания, какое положение субъект действия занимает по отношению к социальным институтам, чьи интересы представляет, кто является целью речевого действия, в какой ситуации оно продуцируется, имеет ли предысторию и т.п.).

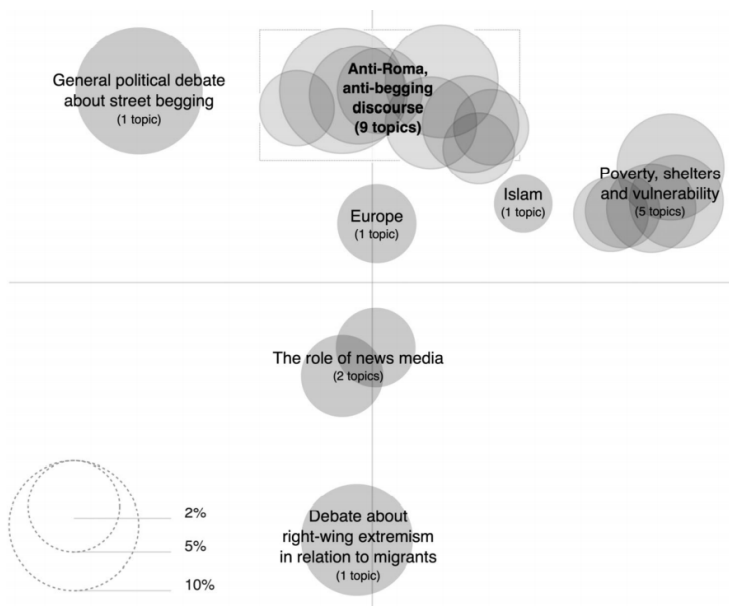

Рис. 6. Модель распределения твитов по темам [Einarsson, Lindgre, 2019, p. 8]

В силу того что рассматриваемые твиты не направлены на конкретного субъекта, правовое регламентирование языка вражды возможно в рамках законодательства об агитации против национальной или этнической группы (Уголовный кодекс Швеции (SFS 1962: 700), гл. 16, разд. 8). Притом что размещение сообщения на платформе Twitter можно рассматривать как публичное заявление, необходимо доказать, что такие заявления несут угрозу или выражают неуважение к этнической группе людей [там же, p. 14–16].

Применение языка вражды в отношении малозащищенных групп населения в сообщениях социальных интернет-сетей М. Хрдина рассматривает как форму политического участия, гражданской активности [Hrdina, 2016]. В работе представлены результаты исследования сообщений на платформе Facebook в Чешской Республике за июнь – сентябрь 2015 г., когда на этом ресурсе наблюдалась волна публикаций, квалифицируемых как разжигание ненависти в отношении иностранцев и мигрантов, в некоторой степени связанная с продолжающимся притоком беженцев и мигрантов в Европу.

В ходе исследования автор оперирует широким определением понятия «язык вражды» и рассматривает его как «любое сообщение, которое публично угрожает группе или унижает группу людей, объединенных по признаку расы, этнической принадлежности или религии, призывает к преследованию или насильственным действиям против таких групп людей или распространяет ненависть или презрение к ним» [там же, р. 40]. Анализ данных проводился по группам наиболее активных пользователей и случайной выборке. Все сообщения были распределены по тематическим категориям «ислам» (n = 49 000), «миграция» (n = 88 000), «Африка», «украинцы» и «вьетнамцы» (последние три категории были исключены из анализа, так как в сообщениях не прослеживалось различие между этническими группами, национальностями и религиями мигрантов и беженцев из Африки и Ближнего Востока).

М. Хрдина описывает образ типичного хейтера (пользователя, опубликовавшего не менее 10 сообщений или комментариев в Facebook, содержащих ключевые слова для выбранной категории), опираясь на результаты анализа демографических данных из открытых профилей (см. табл. 2).

Таблица 2

Профиль хейтера (К. Л. на основе данных из: [там же, р. 41–42])

<i>Категория</i>	<i>Артефакты</i>	<i>Гендер</i>
Ислам	83% язык вражды, 12% нейтральные или позитивные сообщения, 5% нерелевантные сообщения	64% мужчин, 36% женщин
Миграция	63% язык вражды, 32% нейтральные и нерелевантные сообщения, 5% позитивные сообщения	67% мужчин, 33% женщин

Из 97 профилей хейтеров в категории «ислам» 44 пользователя были отнесены к возрастной когорте 35–45-летних и 31 пользователь – к когорте 45–60-летних. Таким образом, среднестатистического хейтера можно описать как мужчину среднего возраста (от 35 до 50 лет), который имеет законченное среднее образование. Результаты проведенного анализа опровергли предположение о том, что по сравнению со среднестатистическим пользователем хейтеры имеют больше виртуальных друзей: среднее количество друзей среди всех проанализированных выборок (как хейтеров, так и случайных выборок пользователей) составляло около 120–160.

Результаты исследования помогают приблизиться к ответу на вопрос «Где и как создаются сообщения, содержащие язык вражды?», демонстрируя, что большая часть подобного контента создается и распространяется в виде небольших, на первый взгляд, частных (по крайней мере, в восприятии пользователей, а не в соответствии с настройками Facebook) сообщений под публикациями, размещенными в индивидуальных профилях пользователей [Hrdina, 2016, p. 43]. Вклад экстремистских организаций, лидеров мнений, политиков-популистов заметен, однако большая часть усилий по распространению языка вражды осуществляется неорганизованными индивидуальными пользователями, мотивированными своими собственными мнениями и убеждениями [там же]. При этом лишь незначительная часть контента, отнесенного к артефактам языка вражды, представлена прямыми оскорблениями и яростными словесными атаками, которые обнаруживаются и устраняются при помощи автоматизированных алгоритмов [там же, p. 45].

Р.М. Межа, Х.-О. Винцзе и А. Могиш проводят сопоставительный анализ репрезентации вражды на материале румынского и венгерского языков [Meza, Vincze, Mogiş, 2018]. Объектом исследования в данной работе являются сообщения, обращенные к представителям таких миноритарных сообществ, как цыгане, евреи, венгры (на территории Румынии), сексуальные меньшинства, которые рассматриваются как уязвимые группы населения. Целью исследования является выявление уязвимых групп, которые наиболее часто упоминаются в комментариях в социальной интернет-сети Facebook к сообщениям на публичных страницах, при-

надлежащих политикам, политическим группам и СМИ в двух странах: Румынии и Венгрии [Meza, Vincze, Mogiș, 2018, p. 33].

В исследуемую выборку источников вошли 55 румынских и 51 венгерская страниц на Facebook, включая все страницы парламентских партий и их лидеров, СМИ с наибольшей аудиторией в Facebook, крупнейшие онлайн-сообщества, ориентированные на развлечения, а также страницы альтернативных СМИ и сообществ политических активистов. Общий объем выгруженных данных составил 1 880 750 комментариев к 144 396 публичным сообщениям (1 031 866 комментариев на румынском и 848 884 комментария на венгерском языках) за три года (с 01 января 2015 по 31 декабря 2017 г.) [там же, p. 33-34]. Все комментарии были отфильтрованы с помощью двух тематических словарей (*niche dictionaries*), которые содержали несколько форм терминов, используемых для обозначения объектов языка вражды, определяемых как уязвимые группы (цыгане; венгры на территории Румынии; румыны на территории Венгрии; трансильванцы; секлеры (*Szeklers*); евреи; мусульмане; верующие; атеисты; представители ЛГБТ-сообщества; беженцы / мигранты; неимущие / получатели пособий; пенсионеры; венгры, проживающие за границей территории Венгрии). В результате было получено два подкорпуса сообщений, в которых упоминались целевые группы: 25 912 (2,51%) от общего числа комментариев на румынском языке, 26 026 (3,06%) от общего числа комментариев на венгерском языке [там же, p. 35].

Для подкорпуса на румынском языке наиболее упоминаемой категорией является «получатели социальных пособий», за которой следуют категории «цыгане» и «венгры». Наибольшее количество упоминаний зафиксировано в комментариях, размещенных на страницах политических лидеров и СМИ. Для подкорпуса на венгерском языке упоминания беженцев и мигрантов являются наиболее частыми, за ними следуют упоминания группы цыган (наибольшее количество упоминаний зафиксировано в комментариях, размещенных на страницах политических лидеров и политических партий). Соотношение комментариев на румынском и венгерском языках, в которых имеются отсылки к целевым группам, представлено в табл. 3–4.

Таблица 3

Комментарии на румынском языке, в которых имеются отсылки к целевым группам (по: [Meza, Vincze, Mogiș, 2018, p. 36])

<i>Категории целей (подкорпус на румынском языке)</i>	<i>СМИ</i>	<i>Онлайн-сообщества</i>	<i>Политические партии</i>	<i>Политики</i>	<i>Сатира</i>
Никакой	98,03%	98,58%	98,15%	95,93%	97,56%
Получатели социальных пособий	0,50%	0,26%	0,53%	0,85%	0,36%
Цыгане	0,50%	0,16%	0,14%	0,38%	0,50%
Венгры, проживающие на территории Румынии	0,19%	0,18%	0,30%	0,64%	0,46%
Мусульмане	0,24%	0,18%	0,14%	0,50%	0,17%
Беженцы / мигранты	0,15%	0,07%	0,16%	0,48%	0,09%
Представители ЛГБТ	0,11%	0,10%	0,09%	0,43%	0,21%
Пенсионеры	0,13%	0,03%	0,35%	0,38%	0,30%
Верующие	0,05%	0,20%	0,02%	0,12%	0,07%
Евреи	0,05%	0,12%	0,04%	0,13%	0,05%
Трансильванцы	0,02%	0,05%	0,05%	0,06%	0,13%
Атеисты	0,01%	0,05%	0,01%	0,07%	0,03%
Секлеры	0,02%	0,01%	0,02%	0,04%	0,06%

Таблица 4

Комментарии на венгерском языке, в которых имеются отсылки к целевым группам [там же, p. 37]

<i>Категории целей (подкорпус на венгерском языке)</i>	<i>СМИ</i>	<i>Онлайн-сообщества</i>	<i>Политические партии</i>	<i>Политики</i>
Никакой	97,39%	99,23%	95,48%	95,74%
Беженцы / мигранты	1,29%	0,19%	2,58%	2,05%
Цыгане	0,34%	0,11%	0,44%	0,61%
Мусульмане	0,33%	0,05%	0,42%	0,46%
Пенсионеры	0,13%	0,04%	0,43%	0,39%
Евреи	0,17%	0,06%	0,24%	0,26%
Представители ЛГБТ	0,19%	0,20%	0,12%	0,17%
Получатели социальных пособий	0,08%	0,03%	0,17%	0,15%
Секлеры	0,05%	0,06%	0,05%	0,07%
Трансильванцы	0,03%	0,02%	0,06%	0,07%
Атеисты	0,01%	0,01%	0,01%	0,02%
Румыны, проживающие на территории Венгрии	0,00%	0,00%	0,01%	0,01%
Верующие	0,00%	0,00%	0,00%	0,00%
Венгры, проживающие за пределами Венгрии	0,00%	0,00%	0,00%	0,00%

Для подкорпуса комментариев на румынском языке пики активности в комментировании приходятся на периоды проведения предвыборных кампаний, пик европейского миграционного кризиса, которые активно освещались в СМИ и на Facebook-страницах политических лидеров. Для подкорпуса на венгерском языке пики активности приходятся на два пика европейского миграционного кризиса. Распределение на временном континууме комментариев на румынском и венгерском языках, в которых имеются отсылки к целевым группам, представлено на рис. 6–7.

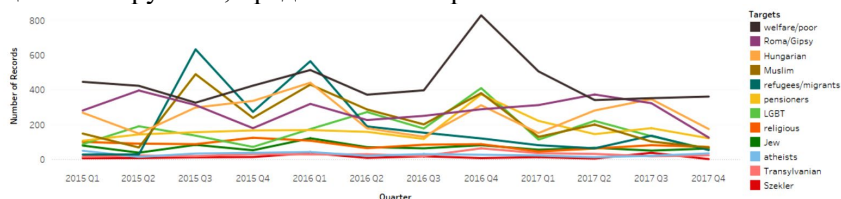

Рис. 6. Распределение на временном континууме комментариев на румынском языке, в которых имеются отсылки к целевым группам [Meza, Vincze, Mogiș, 2018, p. 38]

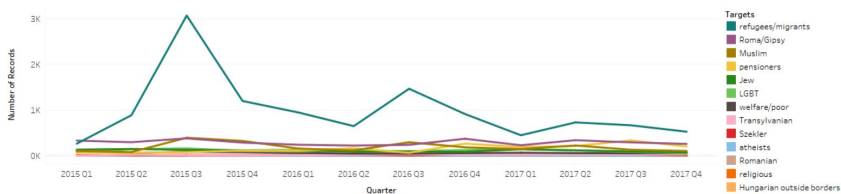

Рис. 7. Распределение на временном континууме комментариев на венгерском языке, в которых имеются отсылки к целевым группам [там же]

Для того чтобы проследить связь между упоминаниями в комментариях объектов языка вражды и другими концептами, был проведен анализ совместной встречаемости (co-occurrences) при помощи полуавтоматического кодирования в KN Coder. Было выявлено, что для комментариев на румынском языке (рис. 8) три наиболее часто упоминаемые целевые группы, на которые направлен язык вражды, связаны с политическими темами в контексте выборов, расходования государственного бюджета, коррупции и воровства. Венгры чаще всего упоминаются в контексте Демокра-

тического союза венгров в рамках участия Румынии в правительстве или коалиции правящей партии. Упоминания ЛГБТ-меньшинств связаны с концептом сексуальности, тогда как беженцы упоминаются в основном в контексте Европейского союза. Упоминания религиозных меньшинств связаны с религиозной тематикой.

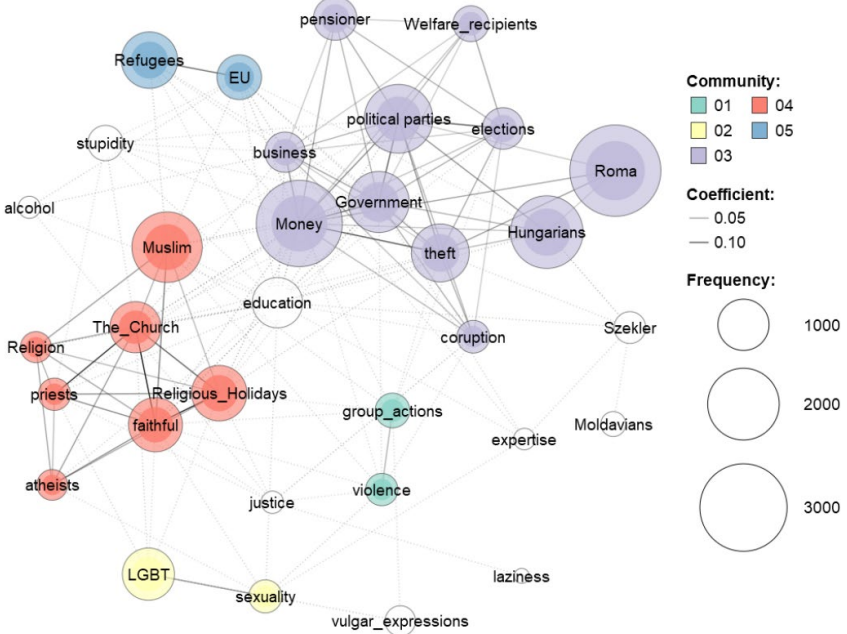

Рис. 8. Визуализация совместной встречаемости для подкорпуса комментариев на румынском языке (использовано 60% данных из общего корпуса) [Meza, Vincze, Mogiș, 2018, p. 39]

Для комментариев на венгерском языке (рис. 9) выявлена связь между упоминанием целевых групп беженцев и мигрантов и Европейского союза, правительства или политической партии Венгрии. Обнаружилась связь между отсылками к представителям религиозных меньшинств и тематикой насилия. Целевая группа цыган часто упоминается в темах, связанных с выражением сексуальности и с концептом «воровство», отражая негативный стереотип в отношении данной целевой группы.

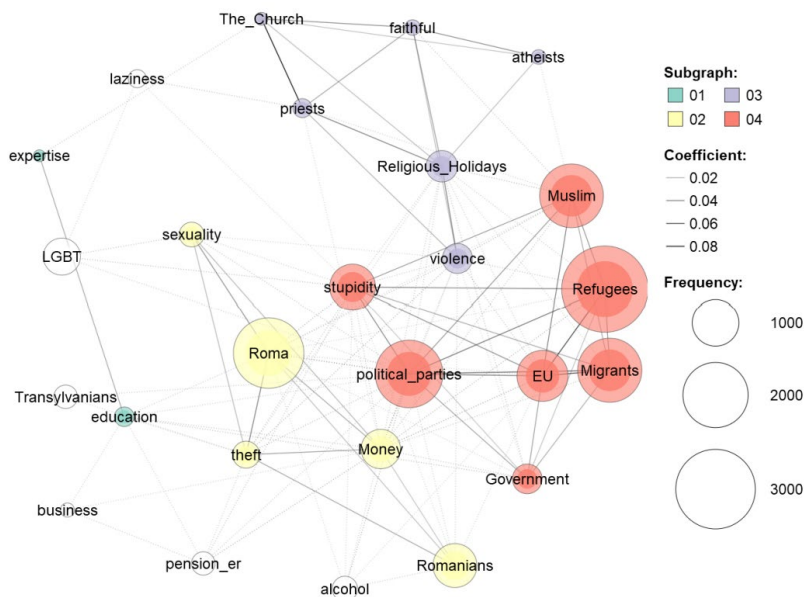

Рис. 9. Визуализация совместной встречаемости для подкорпуса комментариев на венгерском языке (использовано 48% данных из общего корпуса) [Meza, Vincze, Mogiș, 2018, p. 40]

В заключение авторы отмечают, что в публичном дискурсе социальной интернет-сети Facebook исследуемые целевые группы объектов языка вражды на материале румынского и венгерского языков имеют разную значимость, что во многом определяется новостной повесткой, которую формируют СМИ и представители политической элиты. Проблематика, в которой основными субъектами выступают беженцы и мигранты, для двух подкорпусов связана с деятельностью Европейского союза: для венгерского подкорпуса она является центральной, для румынского подкорпуса – второстепенной [там же, p. 41].

Применяя смешанный метод исследования (анализ социальных связей, мультимодального контента, контент-анализ текста и ссылок), А. Бен-Давид и А. Матаморос-Фернандес пытаются выявить механизмы и форматы распространения в косвенной форме

языка вражды на материале дискурсивных практик испанских политических партий [Ben-David, Matamoros-Fernández, 2016]. Авторы доказывают, что исследуемые политические партии не используют прямые формы вербализации ненависти и вражды, поэтому традиционные методы контент-анализа представляются недостаточными для целей проводимого исследования.

В состав исследуемого корпуса вошли текстовые (инициальные сообщения и комментарии к ним) материалы на испанском языке и изображения за 2009–2013 гг., размещенные в официальных Facebook-аккаунтах семи испанских ультраправых политических партий (Alternativa Española – AES, Nudo Patriota Catalunya – NPe, Plataforma per Catalunya – PxC, Movimiento Social Republicano – MSR, FE-La Falange, Democracia Nacional – DN, España 2000) и правящей партии (Partido Popular – PP) (см. табл. 5).

Таблица 5

Характеристики исследуемых аккаунтов политических партий [там же, р. 1174]

<i>Политическая партия</i>	<i>Дата открытия Facebook-аккаунта</i>	<i>Количество проанализированных постов за 2009–2013 гг.</i>	<i>Количество лайков (данные за апрель 2014 г.)</i>
Alternativa Española (AES)	21 апреля 2011	4 079	1 778
Nudo Patriota Catalunya (NPe)	22 января 2010	1 185	1 868
Plataforma per Catalunya (PxC)	27 апреля 2011	3 362	2 434
Movimiento Social Republicano (MSR)	18 октября 2011	1 692	2 364
FE-La Falange	25 июня 2009	1 529	2 948
Democracia Nacional (DN)	16 февраля 2011	1 794	4 241
España 2000	13 марта 2009	1 997	8 605
Partido Popular (PP)	06 марта 2009	32 343	61 446

В результате анализа совместной встречаемости слов и содержательного анализа сообщений и комментариев к ним применительно к языку вражды все единицы корпуса были сгруппированы в тематические кластеры (рис. 10).

Cluster	Words included
Spain	[españa, españoles, español, española, españolas]
Immigration	[inmigración, inmigració, immigracio, immigrants, immigrant, inmigracion, imigracion, extranjeros, extranjero, estranjeros, extranjero, extrangeros, extranhero, estrangers, estranger, extrangers, inmigrantes, inmigrante, inmigrante, inmigrantes]
Independence movement	[independentismo, independentistes, independentisme, independència, independentisme, independentistas, independència, separatismo, separatistas]
Insults	[mierda, merda, putos, puto, asqueroso, asquerosos, hijoputa, hijoputas, apestosos, apestoso, parásitos, salvajes, parásito, parasitos, parasito, gentuza, rojos, cerdo, cerdos, chusma, marxista, marxistas]
Islam	[islam, islamistas, islámica, islamica, islamistes, islamització, islamización]
Moroccan	[magrebis, magrebies, magrebí, magrebins, magrebí, moro, moros, marroquí, marroquíes, marroquins, marroquina, marroquines]
Black people	[negros, negres, negro, subsaharianos, africano, africans, negre, africanos, africà, subsahariano, subsaharià, negratas, negrata]
Romanians	[rumanos, rumano, romanesos, romanès, Rumanía]
South Americans	[panchitos, panchito, sudacas, sudaques, sudaca, sudamericano, sudamericanos]

Рис. 10. Кластеризация слов, используемых для анализа сообщений и комментариев [Ben-David, Matamoros-Fernández, 2016, p. 1175]

Изображения размечались при помощи следующих категорий: против иммиграции (anti-immigration), против истеблишмента (antiestablishment), против политической партии ETA (anti-ETA), против коммунистов (anti-left), против сепаратизма (anti-separatism), общая информация о политической партии (party general information), религиозный символизм / католические ценности (religious symbolism / Catholic values), испанский национализм (Spanish nationalism), фашистская символика / ностальгия по правлению Франко (Fascist symbolism / Francoist nostalgia). URL-ссылки на внешние источники были классифицированы по следующим категориям: ведущие международные и национальные СМИ; альтернативные СМИ; веб-сайты политических партий; другие веб-сайты и блоги; социальные интернет-сети.

В ходе анализа данных было обнаружено, что ультраправые партии в основном размещали ссылки (59%) и фотографии (20%), в меньшей мере – текстовые сообщения (17%) и видеоматериалы (4%). Правящая партия, напротив, в основном размещала тексто-

вые сообщения (75%), реже – ссылки (19%), изредка фотографии (4%) и видео (2%). В отличие от дискурса правящей партии, дискурс крайне правых актуализировал темы, связанные с иммиграцией, которая регулярно ассоциировалась с преступностью, нелегальными иммигрантами, исламистами, угрозами, проблемами, опасностью, сезонной работой [Ben-David, Matamoros-Fernández, 2016, p. 1180].

Количество оскорблений также увеличилось (рис. 11). Они были направлены в основном на иммигрантов (марокканцев, выходцев из Южной Америки), а также каталонцев и размещались только в комментариях к инициальным сообщениям.

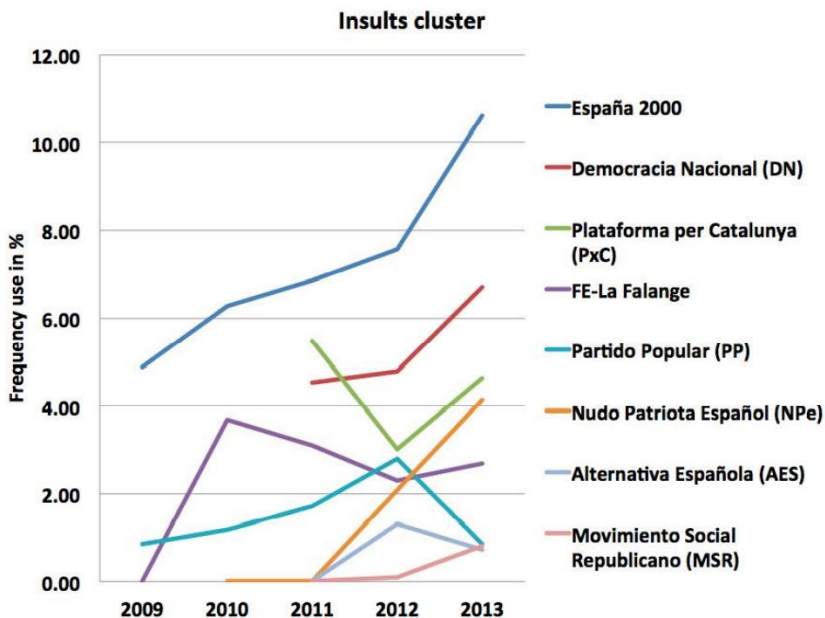

Рис. 11. Сопоставление распределения частотности сообщений и комментариев по кластеру «оскорбления» [там же, p. 1181]

Анализ наиболее популярных изображений (набрали больше всего комментариев, лайков и перепостов) показал, что на страницах ультраправых партий чаще размещаются сообщения из категории «против иммиграции». Сторонники правящей партии в ос-

новном поддерживали изображения, несущие информацию о партии (табл. 6).

Таблица 6

**Категоризация наиболее популярных изображений (в %)
[Ben-David, Matamoros-Fernández, 2016, p. 1182]**

<i>Категория</i>	<i>Политическая партия</i>							
	<i>PxC</i>	<i>DN</i>	<i>FE-La Falange</i>	<i>AES</i>	<i>MSR</i>	<i>España 2000</i>	<i>NPe</i>	<i>PP</i>
Против иммиграции	75	11	4	3	7	31	0	0
Против истеблишмента	4	13	10	7	37	17	12	0
Против коммунистов	0	7	4	7	0	0	16	16
Против политической партии ETA	0	3	4	10	0	3	4	2
Испанский националист	0	30	37	13	10	29	24	0
Общая информация о политической партии	21	20	10	17	23	17	8	80
Религиозный символизм / католические ценности	0	0	0	33	0	0	0	0
Фашистская символика / ностальгия по правлению Франко	0	3	31	3	13	0	20	0

Среди наиболее популярных URL-ссылок, которыми делились ультраправые партии, 25% относились к категории «против иммиграции», в аккаунте правящей партии таких ссылок не обнаружилось. В целом ультраправые партии чаще делились ссылками на свои веб-сайты (41%), веб-сайты и блоги других националистических партий (25%), сайты ведущих СМИ (12%), сайты альтернативных СМИ (11%) и социальные медиа (11%). Правящая партия в основном ссылалась на свой веб-сайт (91%), иногда на ведущие испанские СМИ (7%), изредка на социальные медиа (2%).

Основной вывод А. Бен-Давид и А. Матаморес-Фернандес состоит в том, что правовое регулирование языка вражды на уровне социальных медиа (в частности Facebook) ведется на уровне контента, в то время как в фокусе внимания должны быть речевые практики пользователей (держателей аккаунтов) и технологические возможности социальных медиа, за счет которых, как

выяснилось в ходе исследования, на имплицитном уровне происходит распространение ненависти и вражды.

Прогнозы в отношении развития языка вражды в интернет-среде описаны в экспертном опросе, проведенном Pew Research Center¹ [Rainie, Anderson, Albright, 2017]. Коллективный отчет по реализации проекта C.O.N.T.A.C.T. (Creating an On-line Network, monitoring Team and phone App to Counter hate crime Tactics)² на территории Европейского союза представлен в работе [Online hate..., 2017]. Оба документа описывают как негативные, так и позитивные стороны развития коммуникации, опосредованной Интернетом, подчеркивая значимость сохранения баланса между разумной и обоснованной реализацией свободы слова и правами каждого пользователя на неприкосновенность личности и психологическое здоровье.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что краеугольным камнем для исследователей языка вражды в интернет-среде представляется принципиальное позиционирование в отношении оснований для оценки речевой продукции: результаты исследования зависят от того, опирается ли исследователь на (а) законодательные акты, (б) правила и нормы определенного сообщества или (в) субъективированное понимание языка вражды в самом широком смысле слова. Как отмечалось в большинстве проанализированных исследований, наиболее явно язык вражды актуализируется в рамках политической тематики вокруг социально незащищенных групп населения и миноритарных сообществ. Дискурсивные практики с использованием языка вражды в интернет-среде вербализуются в комментариях к инициальным текстам и к комментариям других пользователей. Среди прочих условий для актуализации языка

¹ Pew Research Center – это независимый информационный центр, который информирует общественность о проблемах, взглядах и тенденциях, формирующих мир посредством проведения опросов общественного мнения, демографических исследований, контент-анализа и других социологических исследований на основе данных. (Подробнее см.: <https://www.pewresearch.org/about/>)

² Подробнее о проекте см.: <http://reportinghate.eu/ru/>

вражды выделяются технические возможности, которые имеются в алгоритмах социальных медиа.

Список литературы

- Хлебникова Н.В.* Гражданская журналистика: К истории становления термина // Медиаскоп. – 2011. – № 3. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/896#1>
- Ben-David A., Matamoros-Fernández A.* Hate speech and covert discrimination on social media: Monitoring the Facebook pages of extreme-right political parties in Spain // International Journal of Communication. – 2016. – N 10. – P. 1167–1193. – URL: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/3697/1585>
- Brown A.* What is a hate speech? Part 1: Myth of hate // Law and Philosophy. – 2017. – N 36. – P. 419–468. – DOI: 10.1007/s10982–017–9297–1.
- Countering online hate speech / *Gagliardone I., Gal D., Alves Th., Martinez G.* – Paris : United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2015. – 73 p.
- Dorđević J.P.* The sociocognitive dimension of hate speech in readers' comments on Serbian websites // Discourse, Context & Media. – 2020. – N 33. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2019.100366>. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2211695819301412>
- Enarsson Th., Lindgren S.* Free speech or hate speech? A legal analysis of the discourse about Roma on Twitter // Information? Communications Technology Law. – 2019. – N 28 (1). – P. 1–18. – DOI: 10.1080/13600834.2018.1494415. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13600834.2018.1494415>
- Hate crimes in the OSCE region – Incidents and responses: Annual Report for 2009. [Преступления на почве ненависти в регионе ОБСЕ: инциденты и меры реагирования. Годовой отчет за 2009 год]. – Warsaw : Organization for Security and Co-operation in Europe, 2010. – 185 с. – URL: <https://www.osce.org/odihr/73636>
- Hate speech: A study of print, movies, songs and social media in Myanmar. – PEN Myanmar, 2015. – 79 p.
- Hrdina M.* Identity, Activism and Hatred: Hate Speech against Migrants on Facebook in the Czech Republic in 2015 // NAŠE SPOLEČNOST. – 2016. – N 1. – P. 38–47.
- Introduction to hate speech on social media // Community Empowerment for Progress Organisation (CEPO), Juba & r0 g_agency for open culture and critical transformation. – Berlin, 2020. – URL: <https://openculture.agency/?s=INTRODUCTION+TO+HATE+SPEECH+ON+SOCIAL+MEDIA>
- Meza R.M., Vincze H.-O., Mogiş A.* Targets of online hate speech in context. A comparative digital social science analysis of comments on public Facebook pages from Romania and Hungary // Intersections. East Europe Journal of Society and Politics. – 2018. – N 4 (4). – P. 26–50. – URL: <https://intersections.tk.mta.hu/index.php/intersections/issue/view/18>

- Online hate speech in the European Union : a discourse-analytic perspective. – Cham : Springer, 2017. – 90 p. – DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-72604-5>. – URL: <https://link.springer.com/book/10.1007%2F978-3-319-72604-5>
- Rainie L., Anderson J., Albright J.* The Future of Free Speech, Trolls, Anonymity and Fake News Online // Pew Research Center. Internet & Technology. – 2017. – URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2017/03/29/the-future-of-free-speech-trolls-anonymity-and-fake-news-online/>
- Recommendations and declarations of the Committee of Ministers of the Council of Europe in the field of media and information society. – URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680645b44>
- Rowbottom J.* To rant, vent and converse: Protecting low level digital speech // The Cambridge Law Journal. – 2012. – Vol 71 (2). – P. 355–383.
- Young people combating hate speech on-line. Making on-line public space safer by mobilizing young people for human rights, launching a media youth campaign against hate speech in cyberspace and elaborating policy guidelines : mapping study on projects against hate speech online. – Strasbourg : Council of Europe, 2012. – 57 p.

Горшунова Е.Ю., Горшунов Ю.В.
**МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ,
ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ И ЯРЛЫКИ
АНГЛОГОВОРЯЩЕГО СООБЩЕСТВА :**
Учебное пособие. – Москва : Проспект, 2020. – 112 с.
(Реферат)

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; этнические стереотипы; ярлыки; англоговорящее сообщество.

Книга состоит из введения, трех глав и заключения.

Во введении отмечается, что изучение стереотипов и связанных с ними этнических ярлыков позволяет лучше узнать психологические и ментальные особенности этноса, индивидуальные и социальные аспекты его культуры и т.д. В какой-то мере стереотипы являются ценным, пусть и не всегда достоверным источником познания культуры этноса и его национального характера.

Цель работы – дать адекватную картину многообразных этнических стереотипов и ярлыков, бытующих в массовом сознании представителей англоязычного мира (с акцентом на стереотипы и ярлыки американского социума), представить многообразие их форм и контексты использования в процессе коммуникации. Материалом для исследования послужили ненормативные (сленговые и жаргонные) названия этносов и представителей этнических групп, отобранные методом сплошной выборки из ряда словарей сленга и ненормативной лексики.

В главе 1 «Дифференциация современного общества и проблемы ассимиляции и интеграции иммигрантских этнических групп» представлены различные демографические концепции (например, американская концепция «плавильного котла», кон-

цепция «мозаики», концепция культурного многообразия, французская социальная модель «полной интеграции»).

В главе 2 «Социальные, национальные, расовые и этнические стереотипы в массовом сознании» представлена в кратком изложении история изучения стереотипов в зарубежной и отечественной науке, типология стереотипов с акцентом на авто- и гетеростереотипы, описаны функции стереотипов, выделяемые психологами и этнопсихологами.

В главе 3 «Языковая материализация этнических стереотипов» представлен анализ этнических ярлыков и стереотипов, которые возникли на таких основаниях, как внешность человека, цвет кожи, природно-ландшафтные, климатические и иные природные признаки, типичная трудовая или хозяйственная деятельность этноса, гастрономические символы наций и народов и т.д. На примере единиц рифмованного сленга (РС) рассмотрены некоторые неявные формы расистского и этнического оскорбления по отношению к евреям, чернокожим и азиатам. Они могут не восприниматься как оскорбительные носителями доминирующей англоговорящей культуры, поскольку форма ярлыков, созданных в рамках рифмованного сленга, обманчива: за внешне безобидным обликом скрывается, как правило, небезобидное содержание. Глава также содержит информацию о роли стереотипов в межкультурной коммуникации, условиях и контекстах употребления этнических стереотипов и ярлыков, о роли СМИ в распространении стереотипов и ярлыков.

В заключение отмечается, что языковые следы этнических стереотипов можно обнаружить прежде всего в существующих этнических прозвищах и ярлыках, ставших предметом исследования. Знакомство с мифами, легендами, сказками, преданиями и другими формами фольклорного творчества этносов также дают богатый стереотипный материал, так как в них внимательный читатель / слушатель обнаружит характеристику представителей разных этносов. Стереотипы можно изучать по международным этническим анекдотам. Черты национального характера находят отражение в художественной литературе. Нередко даваемая характеристика дискредитирует и дегуманизирует противников или иностранцев, представителей иного этноса и возвышает, сублимирует представителей своего этноса.

Анализ этнических ярлыков на основе стереотипов, бытующих в массовом сознании американцев, выявил наиболее многочисленные ярлыки для чернокожего населения. Причем здесь были обнаружены и ярлыки, автостереотипичные по своей природе.

Авторы констатируют, что в арсенале каждой расово-этнической группы есть немало обидных ярлыков. Этот арсенал не остается неизменным, а постоянно изменяется и обогащается. Только за последние десятилетие XX в. в США в сленге афроамериканцев появились такие новые ярлыки для белых, содержащие скрытую или явную оценку по признаку цвета, как *cave*, *caveman*, *soda cracker*, *French vanilla*, а десятилетием ранее в ходу были выражения *Blanco* (о белом человеке) и *brown gal* (иронично о привлекательной светлокожей негритянке).

Перспективным представляется исследование единиц рифмованного сленга, являющихся этническими ярлыками.

Е.А. Казак,

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Куликова О.В.

**ДИСКУРС КОРПОРАТИВНОЙ ЭТИКИ
В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ
ПАРАДИГМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. –
Москва : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. – 166 с.
(Реферат)**

Ключевые слова: этика; дискурс корпоративной этики; корпоративная культура; корпоративная этика; корпоративная социальная ответственность; корпоративное лидерство; межкультурная коммуникация; корпоративная языковая политика; корпоративная коммуникация; коммуникативно-речевые практики.

В монографии рассматриваются основные характеристики дискурса корпоративной этики, а также взаимодействие дискурса корпоративной этики с другими видами дискурса.

Монография состоит из четырех глав.

В предисловии подчеркивается, что данная работа представляет собой междисциплинарное исследование, выполненное в рамках коммуникативно-прагматического подхода. Отмечается, что дискурс корпоративной этики является частью корпоративного дискурса, сложного явления, сочетающего в себе признаки институционального и профессионального дискурса. Этика корпоративной коммуникации имеет тесную связь с прагматикой, поскольку учет этических установок корпорации обеспечивает достижение запланированного результата.

Во введении уточняются основные понятия, используемые в данной монографии (*институциональная коммуникация, профессиональная коммуникация, коммуникационное пространство,*

профессиональное сообщество, общее знание, корпоративная коммуникация, корпоративная этика и т.д.).

В главе первой «Дискурс корпоративной этики» [с. 15] отмечается значение этики для ведения бизнеса в современных условиях как важной составляющей корпоративного имиджа в глазах широкой общественности. Корпоративная этика опирается на систему ценностей, регулирующую этические отношения в определенной организации, в ее состав входят такие компоненты, как формальная, неформальная этика и этика руководства.

Принципы формальной этики фиксируются в дискурсе в виде текстов. В качестве примера такого текста в данной главе рассматривается кодекс корпоративной этики – свод правил, описывающих принятые в компании стандарты этического поведения. Вслед за Д.А. Бондарь¹ автор выделяет имиджевую (касающуюся «внешней» стороны деятельности корпорации) и управленческую (относящуюся к «внутренней» сфере деятельности) функции кодекса корпоративной этики. При составлении текста кодекса корпоративной этики к нему предъявляются следующие требования: емкость, четкость структуры, наличие наглядных примеров решения этических вопросов в сложных ситуациях, четкие определения, хорошее оформление.

К вопросам неформальной корпоративной этики относят особенности межличностных отношений и поведения в корпорации. Одним из инструментов, формирующих этические ориентиры в корпоративном поведении, является *storytelling*. *Storytelling* – это компонент внутренних коммуникаций, выполняющих адаптирующую, пропагандистскую (мотивирующую), объединяющую, коммуникативную и утилитарную функции. В каждой корпоративной легенде, как правило, происходит взаимодействие нескольких функций. *Storytelling* играет особую роль в дискурсе корпоративной этики, обеспечивая преемственность моральных норм и принципов корпоративной культуры.

Этика корпоративного руководства также важна для формирования корпоративной этики в целом. Для создания положитель-

¹ Бондарь Д.А. Корпоративный этический кодекс: основные требования и ошибки (проблемы) формирования. – URL : http://www.intelros.ru/pdf/Diskusi_etiki/2012_1/bondar.pdf

ного имиджа лидера высоким коммуникативно-прагматическим потенциалом обладает жанр *интервью* в СМИ. Дополнение образа корпоративного лидера и создание ролевой модели, достойной (или недостойной) подражания, обеспечивается за счет других жанров, например *биографии*.

Глава вторая «Дискурсивное пространство корпоративной этики» [с. 49] посвящена рассмотрению контекстов реализации корпоративной этики, которыми представлено ее дискурсивное пространство.

Первым контекстом является корпоративная социальная ответственность, которая затрагивает все сферы деятельности компании и подразумевает ответственное и справедливое отношение корпорации к участникам корпоративной коммуникации. Баланс интересов общества и акционеров компании достигается благодаря ведению экологически ориентированной политики. Информирование широкой общественности об экологически ориентированной позиции корпорации происходит посредством распространения сообщений PR-дискурса.

Корпоративное лидерство – еще один контекст, в рамках которого осуществляется развертывание дискурса корпоративной этики. Корпоративные лидеры часто сталкиваются с ситуациями, требующими от них решения этических вопросов. Вопросы этики в сфере корпоративного лидерства затрагиваются в массмедийных материалах (блогах, интервью, репортажах т.д.).

Управление человеческими ресурсами в корпорации также подразумевает соблюдение принципов этики делового общения. В монографии данный аспект анализируется на примере работы с талантливыми сотрудниками, обеспечивающей выявление лидерского потенциала, обучение талантливых сотрудников, помощь в решении сложных производственных и этических задач, подготовку к дальнейшей руководящей работе. В управлении талантом реализуется одно из ключевых понятий корпоративной этики – ответственность корпоративного лидера перед корпорацией. Программы управления талантом способствуют созданию благоприятного рабочего и этического климата, а также обеспечивают преимущество в корпорации, что благоприятно сказывается на ее деятельности и личностном развитии сотрудников. При этом автором отмечается, что особое значение имеет этический вопрос

ответственности корпорации не только перед выдающимися, но и перед рядовыми сотрудниками, носителями корпоративной культуры. Решение данного вопроса достигается за счет предоставления всем сотрудникам возможности непрерывного образования в целях повышения квалификации и карьерного роста.

В данной главе О.В. Куликова обращается к рассмотрению такого явления, как интернационализация бизнеса, которое сегодня является неотъемлемой составляющей процесса функционирования корпораций. Успешная деятельность компании на международном уровне невозможна без соблюдения этических норм, что подразумевает понимание и принятие национально-культурных ценностей представителей других стран. В транснациональных корпорациях (ТНК), где развертывание внутреннего корпоративного дискурса происходит в условиях мультилингвальной среды, остро стоит проблема выбора языка корпоративного общения. Автор приводит результаты исследования корпоративной языковой политики, представленного в коллективной монографии «Лингвистический менеджмент...»¹. Полученные данные показывают, что выбор языка корпоративного общения в значительной степени обусловлен национальными особенностями страны происхождения ТНК.

Глава третья «Этика корпоративной коммуникации» [с. 79] посвящена изучению особенностей структуры корпоративной коммуникации, являющейся ключевым элементом корпоративного дискурса. В зависимости от того, на какие группы общественности ориентирована корпоративная коммуникация, она делится на внутреннюю и внешнюю. Этическая коммуникация составляет основу построения отношений компании со всеми участниками коммуникации.

В монографии выделяются две наиболее эффективные стратегии дискурса корпоративной этики: прямая коммуникативная стратегия и косвенная коммуникативная стратегия. *Прямая коммуникативная стратегия* подразумевает непосредственное общение с контрагентом и строится на умении слушать своего собеседника и сопереживать. Автором анализируется разработанная

¹ Лингвистический менеджмент и экономическая эффективность / Халева И.И. [и др.] : монография. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Триумф, 2014. – 310 с.

специалистами классификация типов клиентов, которая позволяет в процессе коммуникации выбрать корректную коммуникативно-речевую тактику общения для соблюдения норм этической коммуникации и избегания коммуникативных срывов. *Опосредованная коммуникативная стратегия* используется при коммуникации с инвесторами, конкурентами, потенциальными потребителями и реализуется через СМИ, корпоративную отчетность, средства рекламы и PR.

Автор рассматривает основные понятия, представляющие важность для дискурса корпоративной этики. *Корпоративная цель* сконцентрирована на отношениях с клиентами, при ее достижении компаниям необходимо соблюдать этические принципы как в отношении клиентов, так и в отношении сотрудников. *Корпоративная миссия и концепция*, в отличие от корпоративной цели, сосредоточены на самой компании и ее сотрудниках. В работе приводятся и анализируются примеры дискурсивной актуализации корпоративной цели, миссии и концепции.

Как правило, корпоративный дискурс разворачивается в условиях неопределенности, что обусловлено влиянием внешних факторов. Это может приводить к возникновению кризисных ситуаций. Разрешение данных ситуаций происходит в процессе кризисной коммуникации, являющейся частью корпоративной коммуникации. Кризисная коммуникация подразумевает применение особых коммуникативных стратегий и соблюдение этических принципов.

Глава четвертая [с. 112] посвящена рассмотрению коммуникативно-речевых практик дискурса корпоративной этики. Подчеркивается важность фактора адресата для эффективного осуществления этической корпоративной онлайн- и офлайн-коммуникации.

Сегодня на фоне развития современных технологий коммуникация корпорации реализуется в реальной и виртуальной среде. Присутствие компании как в реальной, так и в виртуальной среде обеспечивает многомерность коммуникационного поля и способствует упрочению ее положения в коммуникативном пространстве. В данной главе исследуются коммуникативно-прагматические особенности самопрезентации компании в виртуальной среде в целях создания имиджа этической компании, ориентированной, прежде всего, на удовлетворение интересов и по-

требностей потребителей, инвесторов, деловых партнеров. Исследование проводится на примере крупных международных компаний. Подчеркивается значение виртуальной составляющей коммуникации для достижения указанных целей.

Отмечается особая роль поликодового способа презентации информации в процессе онлайн-взаимодействия с целевой аудиторией. При этом для формирования корпоративного имиджа используются средства различных семиотических систем, однако отправной точкой создания корпоративного имиджа является печатный рекламный и PR-текст.

В заключении работы автор обобщает результаты проведенного исследования. Подчеркивается, что его концептуальным ядром стало понятие этики, при этом особое внимание было уделено этике корпоративного общения и языковым средствам ее дискурсивной манифестации. Актуальность выбора темы работы обусловлена тем значением, которое этика имеет в сфере современных корпоративных отношений. Намечаются перспективы дальнейших научных изысканий в данной сфере.

*А.Ю. Хахалева,
Московский государственный
лингвистический университет (МГЛУ)*

Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.
ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ЛЕКСИКОН. –
Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. – 184 с.
(Реферат)

Ключевые слова: либеральный дискурс; язык политики; лексикон; фразеология.

В предисловии к монографии («Предупреждение») авторы определяют цель своего исследования как анализ важнейших понятий либерального лексикона и соответствующих им слов и выражений. Среди объектов изучения – такие понятия и языковые средства их обозначения, как *свобода, права человека, толерантность* и др. И.Б. Левонтина и А.Д. Шмелев описывают значение этих единиц, их словообразовательный потенциал, сочетаемость, употребление в дискурсах различной идеологической направленности. Важная часть анализа – историческая эволюция слов и соответствующих им понятий, а также отношения носителей языка к этим понятиям. По контекстам употребления прослеживаются данные явления и анализируется накопленный ими ассоциативный потенциал, проявляющийся в современном языке¹. Политический

¹ Книга также содержит предисловие, написанное Александром Архангельским и озаглавленное «Язык перемен и перемены в языке». А. Архангельский отмечает, что применяемый авторами «метод безоценочного замера ситуации, развернутой в глубь языковой истории» [с. 9], позволяет с помощью адекватных научных методов проследить, как именно складывался и менялся в ходе исторического развития исследуемый фрагмент русской языковой картины мира. Такой подход позволяет избежать двух крайностей в оценке русского языкового сознания: во-первых, тотального языкового детерминизма, согласно которому русский менталитет несовместим с кругом либеральных представлений, потому что в языке они якобы отсутствуют; во-вторых – тотального языкового конструктивизма, согласно которому живой язык является легко управляемой системой и может

лексикон, в том числе либеральный, рассматривается авторами как часть языковой картины мира русскоязычного социума.

Во введении подчеркивается, что в современной ситуации насущным стал вопрос об используемом разными социальными и политическими группами лексиконе. Успешное диалогическое общение и взаимопонимание невозможны без прояснения понятий, стоящих за языковыми выражениями, при этом необходимым условием является использование слов, опирающихся на «представления, которые более или менее разделяются всеми носителями языка» [с. 12]. «В частности, эффективность либерального дискурса возможна только в том случае, если будут правильно выбраны ключевые понятия и выражающие их языковые единицы» [там же].

Монография состоит из нескольких разделов, в которых рассматриваются важные для либерального дискурса системы представлений: «Либеральные ценности: права человека и свобода»; «Толерантность и плюрализм»; «Частная собственность и приватизация»; «Демократия»; «Справедливость»; «Гражданин». Каждый раздел состоит из глав, в которых прослеживается конкретная история слов и выражений, относящихся в русском языке к данной системе представлений. Так, в разделе, посвященном либеральным ценностям, анализируются понятия и выражения: *право, человек, права человека, свобода, воля*. В разделе о толерантности исследуются понятия, связанные с единицами: *терпеть, широта взглядов, широта души, примирение* и др. Например, при анализе выражения *права человека* авторы отмечают его сложную историю, осложняющую его употребление в современном общественно-политическом дискурсе. Укорененность и естественность данного выражения для русского языка авторы видят в том, что слово *право* тесно связано своим происхождением со словом и понятием *правда*, очень важным для русского менталитета.

Значительный объем употреблений слова *право* и его сочетаемость в литературном русском языке XIX–XX вв. свидетельствуют о том, что чаще всего так обозначается «то, в чем человека нельзя ограничивать, что человеку “можно”... просто на том осно-

быть произвольно подвергнут перекодировке в желаемом направлении – в сторону быстрого прогресса или, наоборот, в духе «языковой контрреволюции», консервирующей языковое сознание [с. 6–7].

вании, что он человек» [с. 21]. С этим общим смыслом связана трактовка *прав человека* и сходных словосочетаний в философских и общественно-политических контекстах: *права человека на родной язык; элементарные права человека; право на свободу; уважать права человека* [с. 21–22]. Эти выражения исходят из того, что существуют *неотъемлемые права человека* и функция государства состоит в том, чтобы не нарушать их. В 70–80-х годах XX в. словосочетание *права человека* в русском языке было практически монополизировано диссидентским дискурсом, а в официальном советском «стало функционировать как цитата из языка врага» [с. 46]. В современной ситуации словосочетание *права человека* по-прежнему используется в правозащитном дискурсе с позитивной оценкой, его стремятся присвоить властные органы (в России появились такие институты, как *комиссии и уполномоченные по правам человека*), но предстает как чуждая ценность в коммунистическом, «патриотическом» и охранительном дискурсах. При этом, в отличие от советского времени, сейчас в антилиберальном дискурсе идея *прав человека* подвергается критике не с классовых позиций, как ложная буржуазная ценность, но с метафизических, включая негативное отношение к этой идее со стороны религиозных иерархов как к проявлению индивидуалистического мировоззрения [с. 43]. Все эти сложности необходимо учитывать при встраивании выражения *права человека* в либеральный дискурс.

Слово *свобода* имеет в русском языке высокий ценностный статус и является ключевым концептом либерального дискурса. В качестве негативного оно применяется только в текстах маргинальных политических направлений и в специфических выражениях (*свобода нравов*). Слово *воля* не столь однозначно позитивно для либерального дискурса, хотя и является неотъемлемой частью русского языкового сознания. Неоднозначны смысл и ассоциативная нагруженность слов *либерал, либеральный, либерализм*: эти слова находятся «под подозрением» как у коммунистического и охранительного дискурсов, так и у прогрессистского. Однако они неразрывно связаны по смыслу с понятием и лексемой *свобода*, в том числе этимологически. Эту связь современному русскоязычному либеральному дискурсу следует актуализировать.

В заключение И.Б. Левонтина и А.Д. Шмелев подчеркивают: «...каждое из таких слов отягощено историей своего бытования в

языке разных эпох, разных политических партий и т.д. Мы увидели, как по-разному люди понимают такие слова и сколь различные ассоциации эти слова у них вызывают... Поразительно, как часто непонимание между людьми и даже невозможность содержательного разговора обусловлены именно смысловой перегруженностью и неоднозначностью ключевых понятий» [с. 181]. Непонимание начинается уже на уровне словаря, и эту лагуну авторы стремились частично заполнить своим исследованием.

*О.Е. Опарина,
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Потапова Р.К., Потапов В.В., Комалова Л.Р.

**ВОСПРИЯТИЕ МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ МОНО-
И ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ:**

**Монография / отв. ред. Л.Р. Комалова. – Москва :
ИНИОН РАН, 2020. – 210 с. – DOI: 10.31249/vmmpk/2020.00.00
(Реферат)**

Ключевые слова: восприятие; коммуникация; паравербалика; невербалика; Интернет; письменная форма речи; мультимодальность; поликодовость; экспериментальная лингвистика; русский язык; английский язык; китайский язык.

Монография посвящена исследованию механизмов восприятия коммуникации на родном и иностранных языках с опорой на один или несколько каналов восприятия. Работа состоит из введения, трех глав с выводами, списка литературы и заключения.

В первой (теоретической) главе «К вопросу о модальностях коммуникации» авторы раскрывают содержание понятий «речевая коммуникация», «межличностная коммуникация», «слуховое восприятие», «зрительное восприятие», «речевое воздействие»; описывают структуру, функции и особенности изучаемого явления.

Во второй главе «К опыту субъективного декодирования мультимодальной моно- и полиэтнической коммуникации» подробно описываются различные экспериментальные и эмпирические исследования с привлечением испытуемых. Особое внимание уделяется сопоставительному аспекту: с одной стороны, сопоставляются результаты восприятия представителями различных лингвокультур (русской, британской английской, американской английской, китайской), с другой стороны, – результаты восприятия на основе слухового и зрительного каналов. В фокусе внимания

находится перлокутивный эффект воспринимаемой коммуникации, воздействие на эмоциональное состояние реципиента.

В третьей главе «Интернет-опосредованная коммуникация как мультимодальная поликодовая среда» более пристальное внимание уделяется сложным объектам восприятия, которые встречаются в интернет-коммуникации. На основе проведенных экспериментальных исследований авторы приходят к выводу о том, что речевая коммуникация влияет на эмоциональное состояние не только непосредственных собеседников, но и внешних наблюдателей. В ходе интернет-опосредованной коммуникации, реализуемой в деструктивном аспекте, выделяются гендерные различия, в частности, несмотря на то что мужчины и женщины применяют схожий перечень речевых жанров, по сравнению с женщинами мужчины «более свободны в использовании речевых жанров агрессивного типа, как в качестве речевой провокации, так и для ответной речевой агрессии. Отмеченная тенденция проявляется как в репертуаре используемых жанров, так и в частоте их актуализации в процессе коммуникации» (с. 189).

Авторы резюмируют результаты исследования следующим образом: «многокомпонентная палитра признаков и параметров, функционирующих в рамках коммуникативного пространства, дает возможность обнаруживать, распознавать, идентифицировать и оценивать определенные вариформы вербального, паравербального, невербального и экстравербального плана, что позволяет решать собственно коммуникативную задачу, реализуемую в процессе дискретизации аудио-, видео- и текстовых нарративов, которые основаны на использовании коммуникантами определенных гендерных, возрастных, социальных, культурных и исторических паттернов» (с. 202).

С.С. Сергеев,

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

**ЯЗЫК. РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ДИСКУРС /
БУРУНСКИЙ В.М., ГВОЗДЕВ В.В., ДЕВИЦКАЯ З.Б.,
ИСХАКОВА Р.О., КОНЕВА Е.А., МИХЕЕВА Е.И.,
СУББОТЕНКО С.С. /**

**под. науч. ред. Е.А. Коневой. – Москва : ИНФРА-М, 2021. –
164 с. – DOI: 10.12737/1070338**

(Реферат)

Ключевые слова: языковое сознание; речевая деятельность; дискурсивные практики; эколингвистика; речевые клише; биржевой дискурс.

Коллективная монография состоит из предисловия и трех глав.

Работа посвящена актуальным проблемам, связанным с изучением языка (семантико-когнитивный и этнокультурный аспекты), с исследованием языкового сознания и речевой деятельности, а также дискурса (рассмотрение дискурсивных практик).

В главе 1 «Семантико-когнитивный и этнокультурный аспекты изучения языка» в параграфе «Англицизмы как эколингвистическая проблема (на материале немецкого языка)» посвящена проблеме влияния английского языка как *lingua franca* на систему немецкого языка в целом. Особое внимание уделяется лексическому уровню современного немецкого языка. Описываются существующие в немецком языке на данном этапе его развития типы англоязычных заимствований, а также рассматривается вопрос о лексической избыточности англицизмов.

Вопрос: «Какое влияние оказывают и будут в дальнейшем оказывать на немецкий язык англицизмы?» – бесспорно, является дискуссионным. Однако на данном этапе развития немецкого языка не представляется возможным утверждать тот факт, что англий-

ский язык оказывает негативное влияние на немецкий. Одним из путей появления новых слов в языке является их заимствование из других языков. Пополнение лексики в современном немецком языке происходит преимущественно через заимствование слов из английского языка, а также через создание слов-гибридов и слов, по форме напоминающих английские слова, но не имеющих с ними ничего общего по содержанию. Создание гибридов и псевдоанглицизмов следует скорее рассматривать как «новаторский творческий процесс», а заимствование полных английских слов рассматривается скорее как негативный процесс, результат которого способствует в ряде случаев избыточности языка, если, например, для обозначения определенной реалии уже существует исконное слово.

Параграф «Речевые клише и шуточные высказывания в современном французском языке» посвящен описанию основных семантических типов речевых клише французского и английского языков. Речевые клише рассматриваются как особые образования, отличающиеся от сходных устойчивых комплексов: фразеологизмов, пословиц, шуточных высказываний, штампов. Что касается шуточных высказываний, то наличие комической интенции и переносного значения, факультативность такого признака, как краткость формы, не позволяют включить их в состав речевых клише. Клише, в отличие от шуточного высказывания, могут быть даже цельнооформлены (*pardon, salut*).

В то же время совпадение функций клише и шуточных высказываний, а также наличие эмотивного и оценочного значения у некоторых шуточных высказываний позволяют контекстуально отнести их к группе речевых клише. Очевидно, что границы между речевыми клише и шуточными высказываниями достаточно узкие, и в контексте данные языковые образования могут быть неотличимы.

В параграфе «Лингвистические знаки национальной самоидентификации во французском языке (на примере наименований пищи)» рассматривается культурный потенциал лингвистических знаков (наименований пищи (еды) и продуктов питания (примерно 300 единиц)), определяющих национальную самоидентификацию и идентификацию носителей языка, их ценностные ориентиры в гастрономической культуре. На материале французского языка

анализируются функции наименований пищи в языке, а также их лингвокультурные характеристики: семантические, структурно-морфологические, синтаксические и стилистические; проводится анализ квалификативно-оценочных функций продуктов питания во Франции, связанных с классовыми различиями, на основе исторических данных лауреата Нобелевской премии Фернана Броделя.

В главе 2 «Языковое сознание. Речевая деятельность» отмечается, что овладение лексикой иностранного языка является сложным многоэтапным процессом. Ответы на ряд вопросов, связанных с данным явлением, представлены в параграфе «Формирование индивидуальных лексических связей при овладении иностранными языками». Один из вопросов заключается в том, каким образом лексические единицы иностранного языка проникают в индивидуальный лексикон и связываются с существующими понятиями. Следующий вопрос предполагает изучение того, какие связи устанавливаются между словами нового языка и родного, а также других известных языков. Еще одна проблема – особенности функционирования слов иностранного языка в рецептивных и продуктивных видах речевой деятельности. В работе обсуждается образование формальных и смысловых связей при вхождении лексических единиц иностранного языка в индивидуальный лексикон в ситуации искусственного многоязычия, анализируются принципы их функционирования в речевой деятельности.

В главе 3 «Исследование дискурса. Разнообразие дискурсивных практик» в параграфе «Стандартные ситуации и стандартные выражения в дискурсе» рассматриваются различные типы стандартных ситуаций (субъект-субъективных и субъект-объективных), с которыми соотносятся устойчивые языковые и речевые образования (клише). Исследуются традиционные и новые области употребления клише относительно повышения значимости этих единиц в некоторых сферах общения. Предлагается уточнение классификации клише на основе как их собственных характеристик, так и соответствия ситуациям разных типов.

В параграфе «Терминосистема немецкого и русского образовательного дискурса в сравнительном аспекте» изложен опыт сравнительно-аналитического описания ключевых понятий немецкого и русского образовательного дискурса. Особое внимание сфокусировано на функциональном аспекте терминов «Kompetenz», «ком-

петенция» и «компетентность» в широкой палитре классификационных видов. Демонстрируются особенности процесса формирования терминосистемы компетенций в русском и немецком языках и специфика ее функционирования в дискурсе.

Немецкая компетентностная модель довольно успешно рекомендовала себя на практике. Германия входит в пятерку ведущих стран в сфере образования. Россия находится в состоянии поиска уникальной модели компетенций образовательного пространства.

Перспектива данного исследования связана с проведением опроса выпускников университетов Германии и России с целью выявления особенностей функционирования компетенций высшего образования, необходимых для конкурентоспособной профессиональной деятельности.

Исследование институционального дискурса является одной из самых актуальных проблем современной лингвистики. При этом такой тип институционального дискурса, как биржевой дискурс, остается довольно малоизученным явлением. Параграф «Жанровая и языковая реализация функций немецкого биржевого дискурса» посвящен анализу особенностей биржевого дискурса на материале немецкого языка с позиции информационной теории текста. В исследовании описываются экстралингвистические особенности современного биржевого дискурса, функционирующего преимущественно в интернет-среде. Большое внимание уделяется структуре представления информации. Рассматривается сетевая организация биржевого сайта как среды и формы существования современного биржевого дискурса. Дается описание цели, коммуникативных функций и жанровых особенностей биржевого дискурса. Анализируются речевые жанры как структурные модели реализации коммуникативных функций биржевого дискурса. Дается языковая характеристика отдельных речевых жанров с точки зрения их композиционно-синтаксической организации.

Подводя итог, автор отмечает, что биржевой дискурс сформировался как самостоятельный тип институционального дискурса на основе более широких коммерческого и публицистического дискурсов, заимствовав у каждого из них некий набор речевых жанров. Этот процесс происходил в ходе развития и совершенствования биржевой деятельности. Если первоначально коммуникативные целеустановки биржевого дискурса ограничивались ис-

ключительно информированием о товаре и его цене, то со временем (появление ценных бумаг) стали актуальны детальный анализ и прогнозирование, составление отчетности, активное продвижение товаров. Переход биржевой торговли на онлайн-площадки способствовал еще большему расширению набора речевых жанров как форм представления и организации биржевой информации. На сегодняшний день можно говорить о следующих характеристиках современного биржевого дискурса: полижанровость, фрагментарность, интерактивность, четкая структурная организация.

В завершение автор считает необходимым сказать, что биржевой дискурс продолжает развиваться, расширяется не только информационное поле, но и спектр коммуникативных функций. Это ведет к возникновению новых речевых жанров, что оставляет простор для дальнейших исследований в данной области.

*Е.А. Казак,
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Ястребов-Пестрицкий М.С.

**ГАЗЕТНЫЙ ТЕКСТ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА:
СТРУКТУРНО-РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ЛЕКСИЧЕСКОГО И ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ
(КОМПАРАТИВИЗАЦИЯ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ
С ПОЛУТОРАВЕКОВОЙ ВРЕМЕННОЙ ДИСТАНЦИЕЙ). –
Москва : Ленанд, 2020. – 288 с.
(Реферат)**

Ключевые слова: история русского литературного языка; язык газеты; периодические издания; стилистика.

Монография состоит из введения, трех глав (глава 1 «Филологические знания как необходимая составляющая архивной работы. Ключевые понятия и дискуссионные вопросы», глава 2 «Архивные материалы как объект лингвистического и литературоведческого исследования», глава 3 «Стилистический фактор исследования текста. Дооктябрьская Россия в ее гуманитарном аспекте») и заключения.

В монографии сопоставляются по некоторым аспектам тексты современных газет с текстами периодических изданий, публиковавшихся в Санкт-Петербурге, Москве и других городах Российской Империи в дореволюционный исторический период. Выявленные нюансы являются истинными свидетельствами языковой эволюции, проводниками языка по его эволюционному пути. Особенности орфографии, морфемики, пунктуации, а также синтаксис и стилистика газетных публикаций, сам подбор лексического репертуара текстов периодической печати ушедших эпох – все эти аспекты рассмотрения изучаемого материала положены в основу лингвистического исследования.

Для работы с газетами дореволюционной эпохи из всего многообразия отдела периодики Государственного архива Российской Федерации автором для комплексного исследования были избраны издания более чем полувекового периода: 1858–1917 гг. (без учета двух совсем древних газет), значительная часть из них – петербургские (чтобы учитывать фактор «столичности»). Таких газет в работе задействовано 65 наименований. Были выбраны наиболее яркие, знаковые и в то же время забытые сегодня печатные органы, чтобы детально вскрыть всю сложность и многоплановость обсуждаемой проблемы, несмотря на сравнительно небольшие объемы представленных текстов. В сопоставительной части работы исследуются в основном три наименования современных газет: «Российская газета» и «Известия» как наиболее официальные государственные печатные органы и «Московский комсомолец» – как одна из самых массовых газет современной России. Также анализу подверглись еще шесть наименований современных журналов и газет более ограниченного локуса. Полный список современных периодических изданий включает девять позиций.

Из их текстов, с использованием метода не сплошной выборки, были извлечены лексические единицы и синтаксические конструкции, которые могут представлять принципиальный интерес для проводимого исследования. В работе исследуются случаи написаний, отличные от сегодняшней нормы: неологизмы (по отношению к дооктябрьскому периоду), не устоявшиеся заимствования, некорректные написания, ошибки разного происхождения, опечатки, допущенные в силу различных причин.

Пристально изучены газетные тексты, ранее не рассматривавшиеся относительно лексического состава, орфографии и стилистики. Осуществлен поиск внутренних закономерностей написаний, нетрадиционных стилистически и некорректных орфографически с точки зрения лингвистической науки в синхронии. Проведено системное исследование конструкций и лексем в четырех аспектах: лексико-семантическом, семантико-тематическом, грамматическом, стилевом. Выявленные особенности лексического и грамматического строя исследуемых текстов способствовали обнаружению признаков языковой эволюции по ряду разделов лингвистики.

Автор отмечает, что проблема эволюционирования языка, если рассматривать ее в диахронии по трем основаниям: семантическому, стилистическому и грамматическому, раскрывается при исследовании дореволюционных газетных текстов, заметно контрастирующих по указанным аспектам с аналогичными синхроническими источниками, при привлечении последних в качестве объекта компаративистики.

В работе рассматриваются в числе других лексемы семантической сферы «одежда, обувь», «предметы быта», отчасти «профессиональные инструменты», «материалы». Какие-то лексемы названных семантических сфер вышли из употребления, другие – были в описываемую эпоху и остаются в языке сейчас, но при этом изменилась их орфография. Также отмечено и достаточно большое количество лексем (108 единиц), связанных с профессиональной, религиозной и иной деятельностью человека (такие лексемы анализировались в исследовании только по дореволюционным текстам). Слова изучаемых автором списков-объявлений приводятся в данном исследовании как содержательный материал, передающий дух и особенности быта эпохи. По представленным спискам можно судить о заботах и повседневных делах людей, их интересах и материальном состоянии.

Итак, в процессе исследования автору удалось систематизировать по ряду параметров и комплексно описать лексический и грамматический строй текстов периодической печати двух эпох, также была проведена компаративизация их орфографических и стилистических особенностей, установлена роль выявленных различий в формировании эволюционных преобразований публицистической речи и языка в целом.

Также в процессе исследования удалось выявить лексику, претерпевшую изменения в период конца XIX – начала XX в. (см., например, пункт «Архаизмы» в разделе «Статистическая часть»). Введение в работе категорий лингвистических явлений, обозначенных пятью новыми терминами (три названия категорий: *neutra*; *manes*; *mix-relict* и два названия подкатегорий: *dubium-neutra* и *semi-neutra*), существенно помогло проследить динамику нормы: как язык стремится отразить то новое, что появлялось, укреплялось и распространялось в повседневной речи (категория *manes*,

отчасти и *neutra*), и то, что уходило из нее (категория *mix-relict*, подкатегория *semi-neutra*).

Фактический материал, описанный в газетных текстах, способствует, в свою очередь, более пристальному изучению лингвистических и литературоведческих моментов исследуемого исторического периода. В сегодняшних газетных текстах можно, к сожалению, наблюдать такую грамматическую ошибку, как несоответствие падежных форм. Примеры лишний раз доказывают практически неизбежную торопливость работников, готовящих газетный номер к изданию, и – как следствие – обусловленную спешкой невнимательность. От обычных опечаток не застрахован ни один периодический орган, но особенно бросаются в глаза опечатки в заглавиях, набранных крупным шрифтом и помещенных на первой полосе.

Изучив механизмы зарождения текстовых ошибок и наиболее характерных опечаток, авторам удалось описать их и классифицировать по нескольким признакам. В качестве предварительного вывода были установлены основные причины их частотности. Статистика, приведенная по итогам данной работы, свидетельствует не в пользу современных газетных текстов: ошибки синтаксиса, грамматики, ошибки в использовании причастных / деепричастных оборотов, речевые и графические ошибки, а также количество таких ошибок, как выпадение форманта (от одной графемы – до целых фраз), или, наоборот, – наличие лишних формантов, в среднем на одну газету превышает соответствующий показатель средней дореволюционной газеты вдвое (*minimum*) и даже в 18 раз (*maximum*)! Отмечается, что даже если пренебречь таким обстоятельством, как не устоявшееся, не закрепленное состояние правил в рассматриваемую эпоху, все равно, к сожалению, можно констатировать, что количество грамматических ошибок, допускаемых в современной прессе, в 5,5 раз превосходит данный показатель по дореволюционной прессе (в пересчете на одну газету).

Следующая выделенная категория ошибок – это семантически некорректное употребление глагола; случаи некорректного спряжения глаголов; простые опечатки; пропуск пунктуационных знаков. Указанные виды ошибок часто бывают допущены по невнимательности, а не вследствие незнания основ лингвистики и правил, регламентирующих ее разделы. Поэтому неудивительно,

что в среднем на газету количество таких ошибок оказалось равным для двух эпох. Количественное равенство в пересчете на одну газету (и современную, и дореволюционную) зафиксировано только в этих четырех пунктах. Простые опечатки, как следствие «человеческого фактора», были и будут во все времена, ибо человеческая невнимательность неистребима, а правила пунктуации, как и орфографии, находились еще только в процессе становления в дореволюционную эпоху.

Рассмотренные в работе не связанные с ошибками случаи, статистика которых снова говорит «в пользу» современных текстов, – объединены автором в категорию *manes*. Это примеры языковой универбации; каламбурных и идиоматических выражений; видоизмененных цитат; фразеологизмов (излюбленный прием современных газет); также это примеры окказионального словотворчества (часто вкупе с упомянутыми здесь каламбурами и перефразированиями цитат и фразеологизмов); и разговорное инверсирование внутри синтаксических единиц; и узаконенное сегодняшней нормой склонение мужских фамилий типа *Штакерманъ*. Одну из приведенных фраз (она звучит как *до сих*) можно отнести к ошибочным, но, возможно, это усеченный разговорный вариант (при торопливой речи), спонтанно перенесенный в печатный текст. Подсчеты говорят о том, что публицисты прошлого не стремились при написании своих текстов к языковой универбации (сокращению, стяжению), но лишь до 1905 г. Делается вывод, что такого рода экономия языковых средств – явление более позднее. Другие пары численных показателей свидетельствуют о том, что современные авторы (в сравнении с публицистами прошлого) не пренебрегают перефразированием устойчивых выражений и цитат из классики, а также охотно употребляют окказиональные слова и выражения. Авторы газетных публикаций прошлого, уважая официальный стиль, гораздо осторожнее обращались с таким явлением, как разговорное инверсирование фразы.

Через анализ явлений универбации и других языковых упрощений удалось выяснить причину перехода в норму написаний, ранее считавшихся некорректными или просторечными. Наиболее яркие примеры такого перехода: *социальдемократы* («ушел» -ь-); *лучей Рентгена*; *маузеровские пистолеты* (впоследствии подверглись метонимическому усечению); *дietetическая еда*

(впоследствии подверглось гаплоглогии – выпадению подобного слога); *шарлотъ изъ яблоковъ* (впоследствии подверглось универбации: *шарлотка*), в *Склифе* (проникновение в газетный текст разговорного выражения, практически жаргонизма). В целом в приведенных примерах перехода разговорных и просторечных словоформ и выражений в тексты официальной прессы наглядно проявляется эволюционирование языка (не только языка публицистики).

Явление, в результате которого словосочетание *маузеровский пистолет*, например, вышло из употребления, перейдя в *маузер*, сегодня называют универбацией. Данное явление, очень свойственное языку публицистических текстов, можно назвать и семантическим стяжением. Впрочем, в разное время в лингвистике оно именовалось включением, свертыванием, эллипсисом, конденсацией, конвергенцией. Суть явления все та же: функция лаконизации речи, экономия языковых средств. Краткие выражения выполняют функцию лаконизации речи, вплоть до того, что могут быть в несколько раз короче первоначальной дефиниции.

Наконец, ситуация с топонимами (урбанонимами) на -о на рубеже XIX–XX вв. была однозначно отличной от теперешней: они склонялись (поскольку склонять такие русские топонимы являлось требованием старшей нормы применения падежных флексий). В сегодняшних газетах эта категория имен собственных не склоняется практически никогда. Здесь очевиден переход в норму, происходящий на наших глазах. В данном аспекте, согласно мнению автора, – наиболее отчетливо проявилась языковая эволюция, произошедшая за последние 100 лет. В качестве столь же яркого эволюционного явления можно было бы добавить отказ (или тотальное неумение?) склонять сложные числительные. Но тут «хитрость» современных СМИ состоит в том, что в текстах такие числительные подаются всегда цифрами и отказ от склонения невозможно зафиксировать документально. Однако в звуковых СМИ (радио, ТВ) это свойство сегодняшней речи проявляется сверх всякой мыслимой меры. Кроме того, в дореволюционных текстах отсутствует склонение мужских фамилий типа *Штакерманъ* (в настоящее время они склоняются). Примеры не подсчитывались, так как склонение таких фамилий в сегодняшней прессе – явление абсолютное.

В целом по разделу *manes* автор делает вывод о том, что язык дореволюционной печати был несоизмеримо более строг, а если какие-то редчайшие новации просачивались, то – «с подачи» известных в своем роде личностей, например Игоря Северянина. По отношению к сегодняшней прессе говорить о строгости газетного стиля не приходится.

Для вскрытия дискуссионных вопросов грамматики дооктябрьского периода, уточнения объема понятия *орфографически корректного письма*, определения места и функций лексических заимствований в дискурсе газетных статей – в работе были выделены из дореволюционных текстов и проанализированы пункты, включающие лингвистические явления (в основном не связанные с ошибками), численно превосходящие аналогичные показатели по современным текстам.

Далее отмечается, что сам по себе «статистический сдвиг» в отношении перечисленных лингвистических явлений дореволюционных текстов, в сравнении с текстами современными, – уже является уверенным свидетельством эволюции языка, причем практически все эволюционные явления относятся к языку в целом, а не исключительно к языку периодической печати.

При проведении исследования автору неоднократно пришлось выяснять (уточнять) время и место издания «неопознанных» единиц хранения (или их фрагментов) в тех случаях, когда возникла необходимость (в основном корпусе работы приведено немало таких примеров). В качестве побочного результата можно назвать обнаружение в газетах архивного фонда немалого количества посторонних вложений и прочих находок, интереснейших как с точки зрения лингвистики, так и в плане литературоведения, источникововедения, истории.

В монографии введен терминологический ряд, предназначение которого – способствовать упрощению когнитивной и перцептивной работы с применяемыми в исследовании концептами. Новыми терминами явились: *neutra* – категория явлений, встречающихся в газетных текстах дореволюционной эпохи, проявившихся в обеих эпохах (исследуемой и современной), но по-разному; *dubium-neutra* (условно: «беспорная нейтраль») – явления, безоговорочно содержащиеся в текстах обеих эпох (исследуемой и современной); *semi-neutra* (условно: «полунейтраль») – явления, вошедшие в дан-

ную подкатегорию, относятся к «нейтральным» на том основании, что они *могут считаться явными лишь с точки зрения синхронии, в диахроническом же аспекте они могут быть спорными*; *manes* (условно: «призраки») – *категория явлений, которых почти нет в дореволюционных текстах или их количество незначительно по сравнению с количеством в текстах современных газет*; *mix-relict* (название подчеркивает одновременно пестроту и архаичный характер собранных в данной категории явлений, названия четырех из которых начинаются со слова «микширование») – *категория явлений, которые имеют место в текстах газет архивного хранения, а в текстах современных – отсутствуют (не считая крайне редких, нехарактерных случаев) или могут быть выявлены лишь через определенный исторический период.*

В заключение автор отмечает, что цель проведенного исследования была достигнута: удалось систематизировать по ряду параметров и комплексно описать лексический и грамматический строй текстов периодической печати двух эпох, также была проведена компаративизация их орфографических и стилистических особенностей, установлена роль выявленных различий в формировании эволюционных преобразований публицистической речи и языка в целом.

*Е.А. Казак,
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Опарина Е.О.

**НОМИНАТИВНЫЕ И КОГНИТИВНЫЕ СРЕДСТВА
В ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЕ: НА ПРИМЕРЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО И МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСОВ
(Обзор)**

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Аннотация: в данной работе анализируются вопросы, относящиеся к двум сферам коммуникации, а именно – к миграционному и медицинскому дискурсам. Относясь к разным сферам общественной жизни, они затрагивают все общество и потому играют важную роль в современной действительности. Кроме того, они касаются межъязыковых и межкультурных контактов в эпоху интенсивных международных связей и отражают быстро меняющуюся общественно-политическую ситуацию.

Ключевые слова: миграционный дискурс; медицинский дискурс; полимодальность; перевод; лексика и фразеология; профессиональные жаргонизмы; словообразование.

В конце XX – начале XXI в. влиятельным общественно-политическим фактором стала международная интеграция, предполагающая тесную взаимосвязь и сотрудничество людей в разных сферах жизни – социально-политической, экономической, научной, культурной. Экстралингвистические изменения затрагивают прежде всего политический дискурс, выраженный в СМИ, но также и другие речевые практики, неразрывно связанные с общественными практиками и достижениями науки и техники.

В данной работе анализируются две сферы коммуникации, отображающие в вербальной форме важные области современной жизни и международного сотрудничества: 1) миграционный дискурс, получивший распространение в последние годы как часть общественно-политического; 2) медицинский дискурс.

Как известно, успешное сотрудничество требует знания не только структуры иностранного языка, но также культуры, менталитета и традиций его носителей. Ментальные и психологические факторы непременно отражаются в языке, в том числе в рассматриваемых дискурсах. В представленных работах, написанных на материале английского, французского и русского языков, в центре внимания будут коммуникативные особенности дискурсивных единиц, связанные со спецификой лингвокультур, а также их смысловые и стилистические характеристики.

В последние годы в общественно-политической коммуникации заметное место заняла тема миграции и мигрантов. В коллективной монографии [Новое в миграционной лингвистике, 2019]¹ доминируют два аспекта анализа: 1) сопоставление стереотипных представлений, составляющих концепт 'мигрант' в российских (русскоязычных) и французских СМИ, и 2) метафора миграционного кризиса в Европе. Исследование учитывало мультимодальный характер современных СМИ: оно включало не только вербальный компонент, но также фотографии и карикатуры.

Первая из двух тем изучалась на материале текстов французских и российских (русскоязычных) СМИ. В их числе – *L'Express*, *Le Parisien*, *Liberation*, «Аргументы и факты», «Новая газета», «Российская газета», «Комсомольская правда» и др. источники. Был установлен ряд сходств в освещении темы и формировании стереотипа. Так, и во французской, и в русской прессе репрезентация концепта 'мигрант' строится на полярных характеристиках. Мигрант, с одной стороны, представлен как жертва принимающей страны, с другой – наоборот, принимающая страна представлена как жертва мигрантов («Что происходит с моей нацией? Она гибнет на моих глазах» (Новая газета, 07.07.2012)) [Новое в миграционной лингвистике, 2019, с. 112]. В СМИ обеих стран ключевым

¹ Коллективная монография была подписана в печать 20.12.2020. – Прим. авт.

показателем для характеристики мигранта является знание или незнание языка и готовность или неготовность уважать культуру и законы страны. Наиболее частыми полярными характеристиками мигрантов являются: *bon* «хорошие, полезные» – *mechant* «вредные»; *ignorent les codes* «не знающие культуру (принимающей страны)» – *respectueux des lois* «уважающие законы»; в рус. *грубость – вежливость; уважение к культуре – презрение к культуре* (принимающей страны). Визуальный компонент репрезентации темы (была проанализирована выборка из 20 фотографий, полученная с помощью поисковой системы Google) показал, что образ мигранта в целом сходен в русских и французских СМИ, при этом наиболее частотными являются следующие композиционные особенности фотоснимков: преобладают групповые портреты; размещение людей в кадре создает впечатление тесноты и общности в ущерб индивидуальным характеристикам; взгляд направлен в сторону от камеры; этническая принадлежность людей (в русских СМИ это выходцы из стран Азии, во французских СМИ – также из Африки); однородность одежды; однообразные, тусклые цвета и тона; в кадре преобладают горизонтальные линии на фоне узкого пространства. В результате преобладания таких композиций возникают глубинные смыслы: 'единение по необходимости', 'впечатление чужести изображенных людей', 'трудность ситуации, в которой они оказались', 'отсутствие широких возможностей' [Новое в миграционной лингвистике, 2019, с. 112].

Метафоры миграционного кризиса также представлены во французских СМИ с помощью мультимодальных средств – через взаимодействие вербальных и визуальных компонентов. На примере карикатуры, которая содержит изображение переполненной беженцами лодки и надпись: *Pas plus que nous! Migrant: l'Europe débordée* – «Никого кроме нас! Мигранты: перегруженная Европа», выявлена сложная структура мультимодальной концептуальной метафоры, интегрирующей онтологические и ориентационные тропы: 'Европа – лодка, мигранты – ее пассажиры' (часть онтологической метафоры контейнера); 'мигранты – перегрузившие лодку пассажиры, и лодка может утонуть' (т.е. 'пойти вниз' – ориентационная метафора); 'Европа – лодка только для пассажиров-мигрантов и больше ни для кого'. Визуальная часть также позволяет представить мигрантов как неперсонифицированное скопление

людей, т.е. как объекты, а не субъектов (онтологическая метафора) [Новое в миграционной лингвистике, 2019, с. 131–134]. Таким образом, в данной карикатуре изображение и надписи взаимно дополняют и поясняют друг друга.

Концептуальная метафора, особенно полимодальная, имеющая визуальную часть, может играть роль мощного триггера в формировании образа представления. Е.Ф. Тарасов [Тарасов, 2019], вслед за Э. Гуссерлем, определяет это понятие (точнее, ту часть образов представления, которые относятся к группе «потенции») как «представления о том, что должно произойти в результате действий субъекта восприятия» [там же, с. 327]. Образы представления существуют в общей парадигме с образами восприятия (формируются в момент контакта объекта восприятия с перцептивными органами человека) и образами воспоминания (это бывшие образы восприятия, которые хранятся в сознании и используются в качестве перцептивных эталонов для опознания вновь воспринимаемых объектов) [там же]. Полимодальные метафоры политического дискурса, в том числе его миграционной разновидности, опираются на повторы, на воспроизведение определенных тем, мотивов, способов репрезентации, что способствует выдвижению и доминированию тех или иных модусов и стереотипов восприятия. Следовательно, они могут служить инструментом управления сознанием и поведением членов общества.

Общественно-политические неологизмы являются заметной частью современного медийного дискурса. Новообразования, особенно индивидуально-авторские, требуют специфических способов перевода с одного языка на другой, при этом выбор способа в каждом конкретном случае зависит от ряда языковых и внеязыковых обстоятельств. В.Н. Абабий анализирует неологизмы, созданные на материале французского языка политическими деятелями Франции (и Европейского союза)¹, утверждая, что их перевод на русский язык в значительной степени определяется тем, какой элемент является основой неологизма – имя нарицательное или имя собственное [Абабий, 2019]. Среди неологизмов, образованных от имен нарицательных, называются «телескопные» единицы,

¹ Во французской терминологии такие неологизмы называются субъективными – *néologismes subjectifs*. – *Прим. авт.*

в частности *omniprésident* (*omniprésent* «вездесущий» + *président* «президент»). Этот неологизм был образован политическими противниками Н. Саркози как характеристика его правления. Подобный случай «телескопии» – прилагательное *austénaire* (*austérité* «суровость» + *autoritaire* «авторитарный»), используемое для описания процесса создания ЕС: процесс оценивается как переходящий из авторитарного в жесткий. Такие неологизмы соединяют две одинаково значимые функции – номинации и характеристики. Способ перевода характеризующих неологизмов может стать фактором межъязыкового общения и политического диалога. Наиболее частыми в подобных случаях являются переводы посредством описания, семантического калькирования или подбора существующего в языке перевода эквивалента в зависимости от политического контекста.

Отантропонимических авторских единиц в политическом дискурсе Франции множество: *trumpisation*, *lepénisation* (от имени *Marine Le Pen*), *juppettes* (от *Alain Juppé*) и др. [Абабий, 2019]. Их ведущей функцией становится оценочная характеристика лица и называемого по его имени явления. Поэтому коммуникативная ценность таких неологизмов может быть наиболее адекватно передана посредством структурного калькирования – через сохранение имени собственного и подбор соответствующего аффикса в языке перевода. Например: *sarkocratie* (*Sarkozy* + *kratos*) произведено от имени французского президента и греческого по происхождению слова со значением «власть, авторитет». Термин явно имеет пейоративный оттенок, характеризуя сущность политики Саркози как авторитаризм, элитарность и клановость, и его перевод как «саркократия» вполне оправдан. (Последователей и сторонников Н. Саркози называют *sarkozystes*, т.е. «саркозистами».) При переводе отантропонимических неологизмов главной является производящая основа (имя собственное), содержащая важный для общего смысла набор коннотативных ассоциаций, но выбор аффикса также важен, так как эти грамматические форманты способны выражать оценочность.

Медицинский дискурс является в современной ситуации сферой активного межнационального и межъязыкового общения, вследствие высокого уровня сотрудничества и интеграции в этой области. Поэтому перевод медицинских текстов, являющийся ча-

стью научно-технического перевода, занимает важное место в медицинской коммуникации. Он затрагивает разные стороны сферы здравоохранения, при этом не только используются ее «традиционные» вербальные формы (такие как история болезни или регистрация нового лекарственного препарата), но также развиваются те, которые обусловлены новыми явлениями международного сотрудничества и интенсивного развития науки и техники. Среди них – совместные научные исследования, эксплуатация нового медицинского оборудования, подготовка документов для госпитализации пациента в стране с другим языком и т.д. Современная медицинская терминология сложна и индивидуальна. Для качественного перевода переводчик должен иметь не только глубокие знания иностранного языка, но и достаточный уровень знаний в областях, относящихся к медицине [Цуверкалов, Ефимова, 2019].

Коммуникативная равноценность переводного текста определяется его способностью выступать в качестве полноценной замены текста оригинала в функциональном, содержательном и структурном отношениях¹. Авторы представленных в обзоре исследований в сфере перевода медицинских текстов стремятся выявить и описать трудности, возникающие в данной сфере перед русскоязычным переводчиком. Включенные в обзор работы основаны на материале английского и французского языков [Ефимова, 2019; Науменко, Стеблецова, 2019; Стеблецова, Торубарова, 2019; Цуверкалов, Ефимова, 2019]. В круге проблем исследователи выделяют: неадекватный выбор переводческого эквивалента; перенос в текст перевода грамматических и лингвостилистических норм исходного языка; многозначность и множество аббревиатур и терминологических сокращений. Часто причиной неадекватного перевода становится недостаток у переводчика фоновых знаний, связанных с областью перевода. Например, для правильного понимания терминологических словосочетаний *practice nurse* и *district nurse* необходимо знать реалии медицинской службы Великобритании. Первое из данных наименований обозначает сотрудников среднего медперсонала, работающих в приемной врача общей практики, и в качестве адекватного эквивалента в данном

¹ Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М. : Изд-во ЭТС, 1999. – С. 94–102.

случае предлагается «медсестра / медбрат общей практики». Второе наименование относится к сотрудникам, обслуживающим пациентов определенного участка на дому, эквивалент в данном случае – «участковая медсестра / медбрат» [Ефимова, 2019; Науменко, Стеблецова, 2019; Стеблецова, Торубарова, 2019; Цуверкалов, Ефимова, 2019, с. 252].

В переводах медицинских текстов с русского языка на английский, сделанных русскоязычными авторами, наблюдается языковая интерференция. В качестве причин интерференции называется не только недостаточная языковая компетентность авторов, но также различия национально-культурных и дискурсивных норм научного текста в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах, демонстрирующие, в свою очередь, определенные различия в научном мышлении. Распространенным является такое проявление русско-английской интерференции, как избыточное использование генитивных конструкций с предлогом *of* – двух и более в одной фразе [Науменко, Стеблецова, 2019; Стеблецова, Торубарова, 2019]. Для русского научного стиля такие конструкции являются нормативными, но для английского значительно менее характерны. Поэтому для носителей английского языка обилие генитивных конструкций делает текст перевода тяжело воспринимаемым и часто вносят в него грамматические погрешности. Можно сравнить два варианта перевода заголовка «Оптимизация хирургического лечения варикозной болезни нижних конечностей». С одной стороны, начальный авторский перевод: «*The optimizatin of surgical treatment of patients with varicose disease of lower extremities*», с другой – появившийся в результате лингвокультурной адаптации: «*Surgical treatment enhancement for patients with varicose disease of lower extremities*» [Науменко, Стеблецова, 2019, с. 187].

Перевод заголовков статей русскоязычных авторов в англоязычных журналах медицинской тематики демонстрирует и такое характерное лингвокультурное различие, как способ использования абстрактных существительных. В русском научном дискурсе в заголовках в качестве главных слов часто фигурируют слишком общие субстантивы: *организация, создание, оптимизация* и т.п. В английском же научном тексте такие лексемы не обладают значимостью и прагматическим смыслом. Абстрактные существительные, предпочитаемые англоязычными авторами, в большей степе-

ни соотносятся со смысловыми категориями научного анализа. Например, существительные *association*, *effect*, *impact*, *trend* – «взаимосвязь», «результат», «воздействие», «влияние», «направление» применяются в заголовках научных текстов в прямой связи с проверкой гипотезы или описанием / анализом полученных результатов: «*Association between ambient temperature and mortality risk...*» – «(Взаимо)связь между температурой окружающей среды и риском смертности...» [Науменко, Стеблецова, 2019, с. 188].

Множество аббревиатур и сокращений в медицинской терминологии, характерных для современных английского и французского языков, также представляет собой системную трудность для переводчика. Проблема возникает, в частности, из-за того, что медицинские тексты содержат аббревиатуры, которые могут трактоваться по-разному. Так, англ. *MS* – это и *mitral stenosis* «стеноз митрального клапана» и *multiple sclerosis* «рассеянный склероз». Французский язык дает множество аналогичных случаев. Например, фр. аббревиатура *IRA* может означать и *insuffisance respiratoire aiguë* «острая дыхательная недостаточность», и *insuffisance rénale aiguë* «острая почечная недостаточность»; *IM* – это и *intramusculaire* «внутримышечный», и *insuffisance mitrale* «митральная недостаточность» [Ефимова, 2019, с. 104].

Французский язык в течение множества веков располагает большим массивом жаргонизмов, обладающих яркой экспрессивностью. Профессиональные жаргонизмы продолжают формироваться в наше время, в том числе в медицинском дискурсе. Для этого используются разные словообразовательные модели. Например, сокращения и контаминации, образованные от словосочетаний, часто употребляются в устной речи медиков: *PPH* – от *ne passera pas l'hiver* – букв. не протянет зиму (о состоянии тяжелого пациента); аббревиатура *DCD* от *décédé* «умерший» (применяется как позывной знак французской скорой помощи в развернутой форме – *Delta Charlie Delta*). Путем контаминации профессиональных жаргонных выражений образуются лексические единицы, такие как *baffothérapie* – букв. оплеухотерапия (о попытке привести больного в сознание или вывести из комы пощечинами), от *baff* «пощечина» (простореч.) + греч. терминологический элемент «лечение». Экспрессивные средства выражения появляются в жаргоне медиков также через словосложение (основосложение) и

метафорические переосмысления: *trompe-la-Morte* – букв. обмани-смерть (о человеке со смертельным диагнозом, который тем не менее не умирает). Значительное число медицинских жаргонизмов образованы через обращение к литературным источникам и мифологии, часто они содержат имена собственные: *le bovarysme* «синдром Бовари» (в психиатрии – о вечной погоне за иллюзиями); *l'atlas* «атлант» (о первом шейном позвонке, который держит остов тела, подобно тому как Атлант держал небесный свод). Таким образом, профессиональные жаргонизмы медиков выявляют творческий потенциал французского языка, лингвокультурную компетенцию и менталитет его носителей.

Список литературы

- Абабий В.Н.* Особенности перевода с французского языка на русский индивидуальных политических неологизмов // Языковая картина мира в зеркале перевода : сборник науч. трудов / отв. ред. Борискина О.О.; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2019. – С. 7–14.
- Ефимова Т.В.* О трудностях перевода медицинских жаргонизмов: (На материале французского языка) // Языковая картина мира в зеркале перевода : сборник науч. трудов / отв. ред. Борискина О.О.; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2019. – С. 102–109.
- Науменко Ю.Н., Стеблецова А.О.* Лингвокультурная адаптация в заголовках научных медицинских статей // Языковая картина мира в зеркале перевода : сборник науч. трудов / отв. ред. Борискина О.О.; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2019. – С. 183–191.
- Новое в миграционной лингвистике : Монография / Бисерова Н.В., Антисескул О.Л., Лапина Л.Г., Мильц Е.В., Мишланова С.Л., Пермякова Т.М. – Пермь, 2019. – 158 с.
- Стеблецова А.О., Торубарова И.И.* Научный медицинский текст : специфика русско-английского перевода // Языковая картина мира в зеркале перевода : сборник науч. трудов / отв. ред. Борискина О.О.; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2019. – С. 250–258.
- Тарасов Е.Ф.* Политические мифы как образы языкового сознания // Когнитивные исследования языка : сборник науч. трудов в честь 70-летия В.З. Демьянова. – М. ; Тамбов : Издат. дом «Державинский», 2019. – С. 326–333.
- Цуверкалов А.Е., Ефимова Т.В.* «Трудности перевода» на примере оригинальных текстов французского госпиталя // Языковая картина мира в зеркале перевода : сборник науч. трудов / отв. ред. Борискина О.О.; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2019. – С. 287–294.

УРОВНИ ЯЗЫКА

СИНТАКСИС

Аверина А.В.

**МОДАЛЬНЫЙ СИНТАКСИС НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА. –
Москва : МГОУ, 2019. – 141 с.
(Реферат)**

Ключевые слова: модальные значения; модальный синтаксис; модальные маркеры; фактичность / нефактичность; позиция говорящего / наблюдателя; внутренняя перспектива; внешняя перспектива.

Анна Викторовна Аверина – доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии факультета романо-германских языков Московского государственного областного университета, специалист в области грамматики современного немецкого языка, типологии русского и немецкого языков, теории и практики модального синтаксиса и межкатегориальных связей¹.

Монография посвящена анализу лексических и грамматических средств выражения категории модальности и эвиденциально-

¹ Автор работ: Эпистемическая модальность как языковой феномен. – М.: УРСС, 2010. – 190 с.; (В соавт. с Блохом М.Я.): *Поле эпистемической модальности в пространстве текста.* – М. : Прометей, 2011. – 156 с.; (в соавт. с Шиповой И.А.): *Немецкий язык : Учебное пособие по практике устной речи.* – М. : Прометей, 2014. – 144 с.; Partikeln im komplexen Satz: Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen: Am Beispiel der Modalpartikeln ja, doch und denn im Deutschen und ved', že und vot im Russischen. – Frankfurt a. M : Lang, 2015. – 242 S; (в соавт. с Костровой О.А.): *Грамматика немецкого языка : Учебник для ВУЗов.* – М. : Юрайт, 2019. – 449 с.

сти в современном немецком языке, прежде всего феноменов, связанных с такими модальными значениями, как *эпистемическая, дейктическая / недейктическая* модальности. Ключевыми понятиями выступают *внутренняя перспектива* и *внешняя перспектива*.

Монография состоит из предисловия, четырех глав и заключения.

В предисловии обосновывается позиция автора в пользу трактовки модальности как синтаксической категории, поскольку «субъективное отношение не может существовать само по себе в отрыве от объектов и ситуаций реальной действительности» (с. 6); кроме того, как отмечает автор, модальные значения и их маркеры обладают большой «чувствительностью» к контекстуальному окружению, они встречаются не в любой синтаксической позиции и не в любой комбинации: это зависит от их скопуса (сферы действия), иллокутивной силы, степени «привязанности» к говорящему и конкретной ситуации. В общем смысле модальные значения выражают отношение говорящего к происходящему через систему разнообразных синтаксических связей.

В главе первой «Модальные значения в немецком языке. Роль дейктичности и внутренней перспективы в различении категориальных значений модальности» дается определение понятия «модальность» и рассматриваются виды модальных значений. Помимо традиционно выделяемых видов модальности автор предлагает учитывать:

1) включенность говорящего, которым может быть не только грамматический (пропозициональный) субъект предложения, но и наблюдатель, например автор;

2) фактичность / нефактичность передаваемой информации – критерий, различающий отношение к содержанию высказывания как к факту или как к чему-то, подлежащему оценке;

3) дейктичность / недейктичность, т.е. «указание со стороны Ориго (говорящего / пропозиционального субъекта / наблюдателя) на что-либо, в том числе и на степень вероятности того или иного факта» (с. 16).

На основе этих параметров вводится разграничение *внутренней и внешней модальности*. Внутренняя модальность имеет место, когда говорящий / пропозициональный субъект оценивает объективную возможность существования ситуации; внешняя мо-

дальность связывает пропозицию с говорящим и отражает его отношение к происходящему. Монография посвящена детальному рассмотрению явлений внешней модальности, к которой автор относит эпистемическую модальность (модальность предположения, оценку вероятности высказывания) и эвиденциальность (указание на источник информации). В основу понимания модальности автор, вслед за зарубежными германистами, такими как Э. Лайсс, С. Энгель, В. Абрахам, вкладывает представление о «перспективе» как категории, связанной с выражением модальных значений субъективного характера. Эта категория существует в двух разновидностях и проявляет себя как внешняя перспектива и как внутренняя перспектива. Обе перспективы базируются на характеристике позиции говорящего и различаются тем, что внешняя перспектива отражает событие без привязки к наблюдателю, в то время как при характеристике действия с позиции внутренней перспективы говорящий / наблюдатель находится в центре событий. «Внутренняя перспектива говорящего соотносится с неопределенностью и нефактичностью, субъективированностью изложения. Внешняя перспектива позволяет представить объективированное изложение событий и является показателем фактичности ситуации» (с. 75).

Важная роль в разграничении перспектив говорящего отводится понятию дейктивности. Дейктивность связывается обычно с такими категориями, как персональность, темпоральность и пространственность. В монографии понятие дейктивности распространяется и на внутреннюю перспективу говорящего, поскольку при этом имеют место указание на эпистемическую оценку или отсылка к источнику информации.

Глава вторая «Маркеры дейктической модальности в системе парадигматических связей» содержит анализ лексическо-грамматических, грамматических и контекстуальных средств выражения дейктической модальности в немецком языке, под которой понимается вовлеченность говорящего в акт высказывания и в его содержание, выраженная с помощью модальных дейктиков. Автор считает, что для понимания модальности предложения и модальности текста важно проводить разграничение между лексическими и грамматическими способами выражения модальных значений.

В данной главе проводится разграничение между модальными словами и модальными частицами, а также между модальными частицами и дискурсивными частицами. Сопоставляя сферу действия модальных слов (*vielleicht* – «может быть», *offensichtlich* – «очевидно», *wahrscheinlich* – «вероятно» и др.) и модальных частиц (*doch, denn, ja, eh* – «ведь», «же» и др.), автор делает вывод, что модальные частицы обладают более широкой сферой действия и могут кодировать разные модальные значения. «Модальные частицы всегда безударны, имеют фиксированную позицию в среднем поле немецкого предложения (т.е. не в начале и не в конце предложения), могут относиться как ко всему предложению в целом, так и к нескольким предложениям, не способны образовывать самостоятельные предложения, к ним нельзя задать вопрос» (с. 45). Дискурсивные частицы (или ударные частицы) выполняют иную функцию: они создают контраст между предыдущим и последующим фрагментами, например: *Die Dänin argumentierte, dass sie doch bezahlt habe (с. 60)* – «Датчанка доказывает, что она все-таки произвела оплату». Автор считает, что модальные частицы в современном немецком языке проявляют тенденцию к грамматикализации, т.е. к переходу от автономного слова к элементу, способному выполнять абстрактную грамматическую функцию. Параметры грамматикализации (вес, вариативность, когезия языковой единицы) связываются в монографии с дейктичностью и внутренней перспективой.

Внутренняя перспектива выражается также модальными глаголами во вторичных значениях, передающих в сочетании с инфинитивом II разные оттенки предположения, конструкциями типа *scheinen + Infinitiv* («казаться» + Infinitiv), глаголом *werden* в сочетании с инфинитивом, передающим не футуральные, а модальные значения.

Особое внимание в монографии уделяется феномену *Verumfokus*, или предложениям с противоположной модальностью, обозначаемому в русской лингвистике терминами «верификативный, или контрастный, фокус», «контрастная рема». Этот фокус рассматривается в монографии как модальный способ противопоставления фактов путем интонационного выделения вспомогательного глагола, которое воспринимается как утверждение обратного. Автор считает, что феномен *Verumfokus* проявляет

сходство с модальными частицами. Необходимым условием для кодировки Verumfokus выступает общее знание, что в английской терминологии обозначается как Common Ground (CG). Ср.: *Ich habe gedacht, Sie hätten in der letzten Legislaturperiode nicht geschlafen! Sie HABEN aber geschlafen, Herr Meyer* (Parlamentsreden) – «Я думал, что Вы во время последнего созыва парламента не спали! Но Вы все же спали, господин Майер»,

В главе третьей «Модальные маркеры в системе синтагматических связей» проблемы синтаксической модальности рассматриваются на материале комплекса средств, участвующих в выражении субъективной модальности в ракурсе маркирования внутренней перспективы говорящего / наблюдателя: модальных конструкций как управляющих элементов; связующих свойств модальных маркеров; комбинаций модальных маркеров в линейной схеме предложения; позиционных особенностей модальных частиц; сочетаемости модальных и дискурсивных частиц с модальными словами и наречиями; сочетаемости модальных глаголов с модальными словами и частицами. Использование средств синтаксической модальности иллюстрируется в монографии множеством примеров и комментариями автора. Например, относительно употребления модальных частиц в среднем поле немецкого предложения автор утверждает, что частицы с более обширным скопусом, способные выступать в роли коннекторов (частица *ja*), всегда имеют более высокий ранг и предшествуют другим частицам. Так, например, коннекторные функции частицы *mal* фактически не выражены, ее скопус распространяется только на одно слово или словосочетание: *Daraus ergibt sich dann schon mal das eine oder andere System* – «И вот тогда из этого образуется уже одна или другая система». В предложении частица *mal* относится к существительному с определением: *das eine oder andere System* (с. 85).

Глава четвертая «Функции модальных маркеров в тексте» содержит аргументацию автора в пользу того, что модальность может иметь развернутое эксплицитное выражение (сочетание модальных предикатов с местоимениями), «свернутое» эксплицитное выражение, свернутую семантическую предикацию, которая находит свое выражение в системе модальных частиц и модальных слов, а также и вовсе не имеет никакого выражения и получать интерпретацию только с учетом контекстуального окружения.

В тексте может иметь место переплетение различных видов модальных значений. Автор показывает на множестве примеров, как это происходит, и высказывает предположение относительно эффектов, которые возникают в тексте в случае использования элементов, выявленных в работе на уровне предложения (в первой, второй и третьей главах): 1) лексические средства выражения модальности могут иметь место в любом типе текста, в то время как грамматические модальные маркеры характерны только для текстов, целевым назначением которых являются поиск, открытие и диалог с читателем, а не констатация фактов; 2) оценка нефактичности ситуации может возникать даже в том случае, когда в высказывание включаются оценочные элементы; напротив, отсутствие оценочных средств и использование модуса нефактичности (Konjunktiv II) позволяет представить ситуацию как истинную; 3) Indikativ как отражение фактичности / реальной действительности на уровне текста может выполнять функцию модуса нереальности (Konjunktiv). Все эти явления рассматриваются в монографии на примере различных типов текста – художественного, публицистического, официально-делового, научного, рекламного. Приводится дифференциация текстов по признаку модальности.

*Н.С. Бабенко,
Институт языкознания
Российской академии наук*

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ. ФРАЗЕОЛОГИЯ

Павлова А.

**СЛОВАРЬ ТРУДНОСТЕЙ ДЛЯ ПЕРЕВОДЧИКА
(НЕМЕЦКО-РУССКИЙ И РУССКО-НЕМЕЦКИЙ). –
2020. – URL: [https://woerterbuchnetz.de//
WBNetz2020/wbnetzHome.html#0](https://woerterbuchnetz.de//WBNetz2020/wbnetzHome.html#0)
(Реферат)**

Ключевые слова: дигитальная лексикография; языковые лакуны; идиомы; «ложные друзья переводчика».

Словарь размещен на сайте «Wörterbuchnetz», который отражает состояние современной дигитальной лексикографии и предоставляет открытый доступ к материалам самых различных словарей и энциклопедий по истории немецкого языка (например, словарей по древневерхнемецкому и средневерхнемецкому периодам, словаря Якоба и Вильгельма Гриммов, швейцарского идиотикона, словаря Гёте т.д.), словаря средневековой латыни, словарей по ареальной германистике (например, словаря эльзасских говоров, люксембургского словаря, словаря немецко-лотарингских говоров и т.д.), а также специальных словарей (например, словаря немецких фамилий, словаря виноградарей и т.д.).

В предисловии к словарю А. Павловой указывается, что этот словарь не заменяет двуязычного словаря, а дополняет его, облегчая переводчику выбор нужного варианта из приводимых в обычном двуязычном словаре, так как учитывает, например, словосочетательные или стилистические особенности слова или выражения в исходном и целевом языке.

Лексический пласт, представленный в этом словаре, относится к нейтральной обиходно-разговорной лексике.

Переводческие трудности связаны, прежде всего, с переводом языковых лакун, т.е. с отсутствием в целевом языке обозначения понятия, имеющегося в исходном языке. Так, например, в русском языке нет слова со значением *Geisterfahrer*, а в немецком отсутствует слово со значением *засветло*.

Словарь состоит из немецко-русской и русско-немецкой частей.

В предисловии различаются следующие виды лакун:

1) реалии, т.е. обозначения обычаев, профессий, блюд, предметов искусства и других артефактов, отсутствующих в культуре другого народа; к реалиям А. Павлова относит также: а) обозначения понятий, казалось бы, совпадающих в немецком и русском языках, но при переводе которых теряется существенная часть обозначаемого, например: *Bäcker* (*nicht immer* «булочник») – «булочная»; *Ich gehe zum Bäcker* – «Я иду в булочную»; б) советизмы (например, *стахановец* – «Bestarbeiter, Stoßarbeiter, Stachanowist»);

2) стилистические лакуны, например: *очи – предстать пред чьи-либо светлые очи* – идиом., шутил.: «bei jemandem vorsprechen, sich bei jemandem vorstellen, sich vorstellig machen» (und nicht unter die Augen kommen). Лемма имеет стилистическую помету «шутил.», но в переводе она отсутствует. Так в словаре передается стилистическая неэквивалентность исходного слова и перевода;

3) немотивированные лакуны: слова, недавно появившиеся в немецком языке, например: *simsen* – «посылать SMS-сообщение»; в русском языке слова с этим значением нет;

4) морфологически обусловленные лакуны: многие немецкие сложные слова (в русском языке не настолько развито словосложение, как в немецком), например: *Leisetreter* – «тихоня» (пренебр.); «подхалим» (презрит.), «лизоблюд» (презрит.), «холуй» (презрит.), «шаркун» (презрит.); *wohlproportionieret* – «стройный» (например, о ногах), «правильный» (о чертах лица); сюда же отнесены лакуны со значением эмоционального усиления типа *steinreich* (auch *stinkreich*) – «очень богатый, богатей» (неодобр., разг.), «толстосум» (неодобр., устар.); слова с удвоением корня *день-деньской* (идиом.) «Tag für Tag, den ganzen lieben Tag»;

5) лакуны, обусловленные различиями в грамматических категориях «часть речи», «род» и «число» в немецком и русском языках: например, глагол *schmecken* переводится как имя прилагательное «вкусный» или как наречие «вкусно»; имена существительные *gость* и *гостя* различаются в русском языке по роду, в немецком же языке есть только одно слово мужского рода *Gast*, *Obst* в немецком имеет только единственное число, а *фрукты* в русском – только множественное;

6) ситуативные лакуны: например, слово *суть* обычно переводится как «Wesen» или «Kern», но при переводе предложения *В чем суть Вашего вопроса?* слово *суть* опускается: «Worin besteht Ihre Frage?»;

7) лакуны, обусловленные сложной многозначностью (Lakunen bei verflochtenen Mehrdeutigkeit): в этом случае перевод отражает только часть сложной семантики слова, например: *пошлость*, *пошлятина* – «ordinär», «fade», «schmierig», «fragwürdig», «zweilichtig», «kleinkariert», «spießig», «abgedroschen», «geistlos»; *Gemütlichkeit*: «Da hört aber die Gemütlichkeit auf!» (идиом.) – «Это уж слишком!».

Выделяется группа так называемых «ложных друзей переводчика» в исходном и целевом языках, т.е. слов, орфографически и фонетически очень похожих, но имеющих разное значение, например: *Affäre* – это не «афера», а «случай» или «любовный роман / любовная интрижка»; иногда заимствованные слова в обоих языках совпадают по значению (*Revolution* «революция», *Resolution* «резолюция»), однако эту когнитивную модель перевода нельзя распространять на все случаи: например, *Absolution* – это не «абсолюция», а «отпущение грехов».

К идиомам и устойчивым выражениям, которые представляют трудности для перевода, в словаре А. Павловой отнесены также короткие эмоциональные восклицания и вопросы, например: *Ach was!* – «Да что ты!».

Обращается внимание также на слова с обманчивой внутренней формой: например, слово *übertreiben* не связано ни со словом *über* «сверх», ни со словом *Vorteil* «преимущество, предпочтение», подчеркивает А. Павлова. Поэтому *übertreiben* означает не «j-m viele Vorteile bieten» – «оказать кому-л. предпочтение», а

наоборот: «j-n betrügen» – «обмануть кого-л.», «j-n um seinen Vorteil bringen» – «лишить кого-л. преимуществ».

Переводческие трудности бывают связаны с: 1) необходимостью замены отрицательной конструкции / слова на утвердительную (*Нет ли у Вас обезжиренного творога?* – «Haben Sie vielleicht fettarmen Quark?»); *неширокий* – «schmal»); 2) необходимостью лексически дополнить при переводе синтаксическую конструкцию, например: *j-m in den Mantel helfen* – «помочь кому-л. надеть пальто» (в немецком выражении нет слова *anziehen* «надеть»); 3) перевести принятые сокращения, например: *Prof* вместо *Professor* – «профессор», *спец* вместо «специалист».

В статьях, посвященных глаголам, учитывается различие совершенного и несовершенного вида в русском языке, т.е. языковой особенности, особенно трудной для переводчика. Например: *сказать* и *говорить*: 1) *сказать*: *в книге сказано, что...* – «im Buch steht, dass...»; «не сказать, чтобы он был в восторге» – «er war alles andere als begeistert» и т.д.; 2) *говорить*: а) «sagen» («он говорит, что...» – «er sagt, dass...»); б) «sprechen» («он говорит немного» – «er spricht wenig»); в) «meinen», «sollen», «wollen» («он говорит, что погода должна испортиться» – «er meint, das Wetter soll schlechter werden»); *говорить гадости* (идиом.) – «lästern, höhnen».

Немецко-русская и русско-немецкая части словаря организованы симметрично: если в немецко-русской части приводится какой-то редко встречающийся вариант перевода, то в русско-немецкой части он отражается как отдельная лемма.

*Н.Н. Трошина,
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

СТИЛИСТИКА

Дускаева Л.Р.

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В МЕДИАЛИНГВИСТИКЕ. –

Москва : Флинта, 2019. – 340 с.

(Реферат)

Ключевые слова: медиалингвистика; медиатекст; язык СМИ; интернет-коммуникация; медийность; журналистика.

Монография состоит из введения, трех частей и заключения.

В работе исследуется влияние медиа на лингвокомпозиционные особенности текстов: представлена композиционно-стилистическая вариативность медиаречи, обусловленная различиями канала трансляции, учетом информационно-тематических интересов аудитории медиа, а также решаемых в них профессиональных задач. Существенное место в книге занимает осмысление влияния комического на стилистическую форму медиаречи.

Стилистический анализ в медиалингвистике был назван разными исследователями медиастилистическим. В своих исследованиях автор рассматривает медиастилистику составной частью медиалингвистики, раскрывающей через демонстрацию композиционно-лингвистической вариативности медиаречи парадигматику последней. Такая вариативность вызвана различием экстралингвистических факторов, обуславливающих создание медиатекстов. Цель исследования – отразить медиастилистический вектор исследований в медиалингвистике. Для этого в исследовании показано, как на прагматологических принципах типологизируется медиаречь, каким образом раскрывается лингвистическая специфика каждого выявленного типа, тем самым делается попытка показать особенности речевого выражения медийности.

В данном исследовании рассматриваются разновидности журналистского стиля, различным образом формируемого: 1) в трех каналах трансляции – периодических изданиях, на телеканале, на информационной web-платформе; 2) в трех сферах журналистской речевой деятельности – политической, экономической, культурно-просветительской; 3) под влиянием трех видов журналистской деятельности, которые в самом общем виде называют информирующей, аналитической и художественно-публицистической.

Медиастилистика изучает вариативность в создании паратекста, метатекста и интратекста сообщения. В первой части «Типология разноканальной медиаречи» была рассмотрена вариативность медиаречи, вызванная различием технологических ресурсов трансляции текстовых сообщений. Специфика выражения медийности в печатных, телевизионных и гипертекстовых СМИ характеризуется погруженностью сообщения в особую вербально-визуальную среду паратекста, способствующего созданию логико-смысловой связности совокупного текста СМИ.

Паратекст письменной, устной медиаречи и гипертекста различается средствами реализации, что связано с различием технологических условий, в которых речь создается. Общее для паратекстов всех видов – рекламность, выражаемая богатым спектром ресурсов – оценочных, побудительных, эпатажных. Специфика стилистики внешнего печатного паратекста в воспроизведении линейности и вызвана его функциональной направленностью – разделять, выделять, отделять текстовые материалы в газетном номере или текстовые фрагменты внутри текста. Важнейшие ресурсы, создающие печатный внешний паратекст: строчки – «линейки» заголовочного комплекса и графика. Внутренний печатный паратекст включает фотографические и рисованные изображения, коллажи, схемы графики, дополняющие континуальное содержание текста. Телевизионный паратекст однонаправленно перспективен, он ориентирован на будущее. Его функция – привлечь к просмотру в определенное время. Важнейшие вербальные и визуальные ресурсы паратекста – сочетание призыва к вниманию зрителей, указателей актов телевизионного вещания (итоги, вести, программа, трансляция, репортаж и т.п.) и средства выражения темпоральности, указывающие на перспективы телесмотрения. Гипертекстуальный паратекст – многовекторное и нелинейное об-

разование. Его функция – вовлечение пользователя в «паутину» гипертекстовых связей, важнейшие ресурсы поддержки которых – средства «завлечения», среди которых значительное место занимает эпатажный кликбейт. Специфика выражения медийности в каждом из СМИ характеризуется созданием метатекста, составляющего каркас текста и представляющего собой демонстрацию хода коммуникации через последовательность речевого стимулирования и речевого реагирования.

Метатекст в медиа – это построение разными медиаресурсами коммуникативного каркаса, внутри которого создается пространство для выражения смысловой позиции участника коммуникации. Такой каркас формируют средства, демонстрирующие: 1) семантические взаимоотношения между частями; 2) последовательность расположения частей текста: начала, продолжения, заключения – и их соотношения; 3) возвращение к прежде сказанному или продвижение вперед; 4) источник информации; 5) степень достоверности произносимого (возможно, может быть, почти, на самом деле, определенно, точно, ясно, что...); 6) эмоциональное отношение к суждению; 7) присутствие адресата в коммуникации; 8) самоманифестацию.

В письменной медиаречи для портретирования нового в социальной действительности формируется специфический вербально-визуальный коммуникат, в котором вербальный компонент настроен на «компенсацию» отсутствия возможностей передавать динамику и звучание внешнего мира. В устной медиаречи текст формируется вербально-визуально-аудиальной системой средств, смысловой каркас в которой, как правило, воссоздает вербальный компонент, визуальный компонент дополняет описание и повествование объемной дескриптивностью и динамизмом, аудиальный компонент – уточняет ритмику фразы, насыщает эмоциональностью. Гипертекстовая форма укореняет высокую динамику в представлениях о нормах стилистики медиатекста.

Во втором разделе «Типология интенционально-тематических разновидностей медиатекстов» проанализирована вариативность медиаречи, вызванная различиями предмета речи в изданиях: предмет речи в общественно политических – борьба за власть, отстаивание своих политических интересов, в деловых – экономическая и деловая жизнь общества, в культурно-просветительских

изданиях – наука и культура. Медиастилистический анализ речевой вариативности в создании паратекста, метатекста и интертекстов в совокупных текстах средств массовой информации показал следующее.

1. Паратекст общественно-политических изданий создается по правилам речевой работы в них: акцентуация оппозитивности, отрицательно-оценочной субъективности, выражения волеизъявления. Ведущие концепты, разворачивающиеся в паратексте этих изданий: вера в правильность своих идей и действий (такой смысл у концепта «правда»), несостоятельность, бесперспективность и косность «чужих» идей, решений, действий.

Важнейшие правила работы в деловых изданиях: объективность, узкая представленность субъективного начала, экономность вербалики, лаконизм, особая тональность деловитости, разделение фактов и комментариев. Это проявляется в назывании деловых изданий, высокой терминированности заголовочного комплекса, в присутствии в заголовках информативных двусоставных предложений структурной схемы (кто – что сделал, что – с чем произошло).

Паратекст просветительских изданий продиктован интересом к новому: «новое» здесь используется не в переносном значении, а в прямом. Все новое связано с неизведанным, интеллектуально окрашено, в постижение нового читатель вовлекается тем, что заставляет думать, вызывает эстетическое наслаждение, а потому заслуживает временных затрат.

2. Интратекстовое содержание указанных изданий можно представить через важнейшие концепты, которые раскрываются в них. Так, важнейшие концепты в публикациях общественно-политических СМИ – справедливость, праведная борьба, защита прав и свобод, социального равенства. Общественно-политические издания сообщают о политической, предвыборной борьбе, о проявлениях несправедливости, социальных неурядицах, ущемлении политических прав и свобод. Для развертывания концептосферы активизируется отрицательная оценочность, фигура противоположения, оппозитивность, высокий статус имеет в коммуникации сатирическая модальность. Континуальное содержание деловых изданий заполняется сообщениями о перспективных проектах в экономике, о важнейших тенденциях, наблюдаемых в экономике. Важнейшие концепты – экономика, деловая активность – развора-

чиваются в активном использовании языковых единиц, выражающих идею количества, пространства экономической деятельности, экономической деятельности, экономической активности. Пропозициональное содержание просветительских изданий заключается в развертывании концептов «научные и творческие открытия», «полезность знаний», «новизны» как эстетической ценности.

3. Метатекст общественно-политических изданий характеризуется высоким статусом автора как демиурга выражаемых в издании идей, противопоставленности его идей чужим. Диалог с читателем выстраивается таким образом, чтобы вовлечь читателя в перипетии политической борьбы и привлечь на свою сторону. Метатекст деловых изданий характеризуется отстраненным положением субъекта речи и косвенностью выражения субъективности, отсюда – активность чужой речи, возможность появления иронической модальности как средства, объективирующего изложения. В культурно-просветительских изданиях метатекст – это выдвижение в центр коммуникативного взаимодействия интересов адресата. Ради расширения его смыслового поля автор готов на многое: представить себя сомневающимся, совершающим ошибки – этому помогают средства выражения эпистемической модальности. Здесь весьма существенные позиции занимают средства выражения гипотетичности. Возможна тональность загадочности, которая в ходе познания преодолевается. Оценочность и эмоциональность подкрепляет разнонаправленное волеизъявление, в трэвел-изданиях это, во-первых, приглашение в путешествие, во-вторых – предупреждение потенциальных путешественников об опасностях. Безусловно, значимы в таком дискурсе коммуникативные интенции – установка на создание интеллектуальной, когнитивной связи с читателем, которая позволяет привлечь читателя в попутчики, организовать сопереживание с ним и совместное знакомство с неизведанным.

В третьей части «Жанровая интенционально-стилистическая типология медиаречи» анализ жанровой дифференциации разных видов речевой деятельности показывает, что каждый из традиционно выделяемых журналистских жанров представлен разными композиционно-стилистическими вариантами – речевыми жанрами. Например, такой информационный жанр, как репортаж, может

реализоваться в виде коммуникативных действий сообщения о событии и сообщения о ситуации. Центральной для аналитической речевой деятельности является статья, которая тоже представлена, в свою очередь, в вариантах – речевых жанрах «Постановка проблемы», «Рекомендация модели действий» и «Полемика с чужим высказыванием». Из художественно-публицистических проанализированы комические речевые жанры. В ходе исследования обнаружилось, что в полемических общественно-политических СМИ используются сатирические фельетоны дискредитирующей и разоблачающей направленности. В деловых СМИ, с характерной для них скрытой авторизацией, используется особый способ информирования – ироническое сообщение о событии, позволяющее снизить пафос сообщений об официальных мероприятиях. Для культурно-просветительских СМИ характерны речевые жанры, построенные на аксиологической юмористической модальности, среди которых проанализированы малоформатные речевые жанры – шутки-миниатюры. Своеобразие использования аксиологических средств комического в рассмотренных автором общественно-политических, деловых и просветительских медиа состоит в том, что в общественно-политических предпочтение отдается сатире, в деловых – иронии, в культурно-просветительских – юмористическим формам, среди последних были выделены языковые шутки-миниатюры в форме афоризмов, каламбурных дефиниций слов и т.п.

В заключении монографии подводятся итоги и выделяются ее основные идеи. Подчеркивается, что в работе медиастилистика рассматривалась как составная часть медиалингвистики, раскрывающая через демонстрацию композиционно-лингвистической вариативности медиаречи парадигматику последней. Такая вариативность вызвана различием экстралингвистических факторов, обуславливающих создание медиатекстов. Медиастилистический анализ был построен с опорой на праксиологические принципы, рассчитанные на типологическое рассмотрение медиаречи. Тем самым делается попытка показать особенности речевого выражения медийности.

В данном исследовании не исчерпаны пути познания текстовой парадигматики медиаречи, возможны и другие.

Автор полагает, что следующий этап познания закономерностей формирования медиаречи – собственно дискурсологический, синтагматический, который позволит увидеть работу языка «в режиме реального времени».

*Е.А. Казак,
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Москвин В.П.

**РИТМИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА: ФИГУРЫ И СТИЛИ. –
Москва : Флинта, 2020. – 560 с.
(Реферат)**

Ключевые слова: стиховедческие термины; ритм; колон; верлибр; версет; ударение.

Работа состоит из введения, пяти глав (глава 1 «Колометрический ритм: понятийный аппарат и терминология», глава 2 «Сфера действия колометрического ритма», глава 3 «Жанровый потенциал колометрической ритмовки. Верлибр и версет», глава 4 «О понятии ‘стиховой интерес’», глава 5 «О понятии ‘ударение’. Ударение лексическое и метрическое») и заключения.

В монографии рассмотрены типы речевого ритма. Особое внимание уделено анализу колометрического, или синтаксического, ритма – феномена, который до сих пор не привлекал активного исследовательского внимания специалистов. Систематизированы и описаны понятия, составляющие его категориальный аппарат, выявлен ряд приемов и стилей колометрической, в частности периодической ритмизации, на этой основе уточнены описания отдельных речевых жанров, прежде всего верлибра и версета. Охарактеризовано соотношение различных типов ритма, скорректированы описания и определения целого ряда понятий, в частности стихового переноса и стихового членения, цезурного наращення и цезурного усечения и др. Проанализирован ряд спорных проблем, при рассмотрении дискуссионных понятий освещена историческая ретроспектива вопроса, даны аналитические комментарии.

Отмечается, что понятие ритма в научной литературе сводится к одному его типу – стопному; данный подход восходит к

Античности, в частности к работам Аристотеля. В действительности ритмическая парадигма языка включает два типа: а) стопный ритм как определенную последовательность метрически ударных и безударных слогов; б) колометрический ритм. Понятие колометрического ритма, представленное в исследовании, является развитием античного учения о периоде, который, согласно данному учению, образуется в результате членения предложения на относительно краткие, соизмеримые по слоговому объему части – колоны. Особенности формы периода обусловлены установкой на ясность речи; следует полагать, что периодический стиль способен реализовать такую установку в силу того, что подразделение речи на краткие “порции” способствует лучшему ее восприятию и усвоению адресатом.

Поскольку ритм представляет собой результат членения речи на ряд сегментов, как минимум двух, необходимо полагать, что количественный минимум любой, в том числе колометрической ритмовки, а значит, и количественный минимум периода образуют две единицы. Данная закономерность дает объяснение тому отмеченному еще античными учеными факту, что отдельно взятый моноколон не в состоянии служить источником ритма.

Источником колометрического ритма является не только период различных количественных типов (диколон, триколон, тетраколон и др.), но и моноколон, взаимодействующий с соразмерными ему единицами: а) с другим моноколоном или их рядом; б) с колонами одного или ряда периодов. В связи с этим следует: а) полагать, что колонритм может существовать и вне периода; б) дополнить понятие периода понятием *ритмической парадигмы*, под которой необходимо понимать ряд взаимодействующих колонов и / или моноколонов; в) считать период видом ритмической парадигмы, а периодический ритм – видом колометрического ритма.

По слоговому объему колоны членятся на три типа: а) краткие – коммы (от 1 до 6 слогов); б) средние (от 7 до 11 слогов); в) длинные (от 12 до 17–22 слогов). Языковую реальность данной шкалы подтверждает ее стилистическая релевантность: преимущественное использование кратких колонов, лежащее в основе рубленного стиля (*composition commatica*), способствует снижению стилового регистра, преимущественное же использование длинных, лежащее в основе монументального стиля, способ-

ствуует повышению стилевого регистра речи. Единицей измерения объема колонов целесообразно считать не слово, а слог, поскольку из одного слова вполне может состоять и краткий, и средний, и длинный колон.

По степени соизмеримости принято различать колоны двух типов: а) *симметричные*, т.е. равные по слоговому объему; б) *свободные, асимметричные* или *неэквивалентные* – диспропорциональные по слоговому объему. Прием членения речи на равные по слоговому объему отрезки известен как *изоколон*, противоположная ему фигура не получила наименования; прием членения речи на диспропорциональные отрезки целесообразно обозначить как *гетероколон*.

Автор подчеркивает, что колометрический ритм образуется в результате членения речи на относительно краткие, силлабически обозримые отрезки (колоны) путем применения разделительных сигналов, отмечающих колометрические границы. По характеру такой границы все колоны следует подразделить на следующие два типа: 1) колоны, в которых колометрические границы соответствуют: а) грамматическим паузам; б) знакам препинания, позиционно коррелирующим в письменной речи с такими паузами; 2) колоны, в которых колометрические границы не совпадают: а) с грамматическими паузами; б) со знаками препинания. Колоны и периоды, возникающие в результате членения типа (1), логично считать *естественными*, в результате членения типа (2) – *искусственными*. Языковую основу естественного периода составляют сложноподчиненное, сложносочиненное и осложненное простое предложение, основу искусственного – простое неосложненное. С учетом данного факта трудно принять типовую трактовку периода как сложного, в частности сложноподчиненного предложения, ведущую к отождествлению колона с составными частями такого предложения; такая трактовка делает понятие периода избыточным.

Далее в работе указывается, что разделительные сигналы способны: 1) маркировать края колонов, с этой целью используются: а) грамматические паузы и интонационные средства, а также позиционно коррелирующие с ними в письменной речи пунктуационные знаки; б) претерминальное удлинение; в) удлиненные пробелы; г) повторы, в частности рифма и различные виды парал-

лелизма; 2) и маркировать края колонов, и отдалять колоны друг от друга: а) во времени; в речи устной (при декламации, чтении вслух) и внутренней (при чтении про себя); б) в графическом пространстве письменной речи, придавая им в тексте автономный статус. Такой способностью обладает только *облигаторная терминальная пауза*, в письменной речи закрепленная посредством *колометрической записи*. Указанная функциональная способность придает данному приему особую колометрическую силу, способную приблизить звучание ритмической парадигмы, произведенной с его помощью, к звучанию стихов.

Колоны, члениющиеся на ряд сегментов, следует рассматривать как *составные*; симметрично устроенные составные колоны являются источником *внутреннего ритма*, членение таких колонов изоморфно стиховой цензуре.

Отмечается, что колометрическая сегментация речи не совпадает ни с синтаксической ни с синтагматической, в силу чего понятие колона нельзя связывать с понятием синтаксической единицы: а) синтаксемы члена предложения либо его группы, а также фразы; б) синтагмы. Ни одно из данных понятий не может претендовать на статус идентификатора в дефиниции колона, в связи с чем нельзя принять трактовки колона, привязывающие его; а) к синтаксической единице; б) к анализу по непосредственно составляющим; в) к синтагме.

Сфера *действия* колометрического ритма охватывает не только прозаическую, но и стихотворную речь, следовательно, в обеих формах речи должны проявляться, пусть даже с разной степенью активности, одни и те же колометрические закономерности. Ритмические парадигмы стихотворной речи изоморфны ритмическим парадигмам прозаической речи. В роли компонента ритмической парадигмы как в прозе, так и в стихах могут выступить: 1) моноколон; 2) колон: а) естественный; б) искусственный; 3) составной колон, в частности: а) колон, синтаксическое строение которого дисгармонирует с устройством всех остальных компонентов ритмической парадигмы, а потому не являющийся источником внутреннего колометрического ритма; б) колон, синтаксическое строение которого симметрично синтаксическому устройству всех близлежащих компонентов ритмической парадигмы. Такая симметрия, во-первых, выступает источником внутреннего ритма, во-

вторых, придает сегментам, из которых состоит данный компонент ритмической парадигмы, статус колонов.

Противостояние прозы и поэзии заключается исключительно в степени выраженности и проявлении одних и тех же феноменов: как в прозаической, так и в стихотворной речи активно используются моноколон и естественный колон; и в первой, и во второй есть колон искусственный и составной, но последние два в стихотворной речи применяются более активно; и в прозаической, и в стихотворной речи используются ритмические парадигмы, но если последние составляют основу стихотворной речи, то в прозе они и реже встречаются, и реже принимают сквозной или ярко выраженный характер. Вместе с тем ритмическая парадигма представляет собой ту точку, в которой наблюдаем пересечение стихотворной речи с прозаической, а возможно, и точку, в которой стихотворная речь восходит к речи прозаической.

Речевые ритмы подразделяются на два типа: 1) чистые: а) колометрический; б) стопный, в частности изотонический; 2) комбинированные, возникающие в результате наложения стопного ритма на колометрический, в частности силлабический. Силлабо-тонический ритм представляет собой комбинацию силлабического и изотонического ритма. Изотонический ритм накладывается на силлабический в результате применения трех синтаксических трансформаций: а) ротации, т.е. перестановки синтаксем; б) распространения (роль распространителей играют втычки); в) субституции, т.е. замены элементов речевой цепи их метрически приемлемыми вариантами, в частности образованными посредством метаплазмов и переакцентовки. Поскольку все чистые и комбинированные ритмы встречаются не только в стихотворной речи, но и в прозе, необходимо заключить, что *ритм прозы* – категория таксономически неоднородная, представленная в речи: а) колометрическим, в частности силлабическим ритмом; б) стопным, в частности изотоническим ритмом, лежащим в основе метрической прозы; в) различными комбинациями колометрического и стопного ритма.

Стихообразующим потенциалом обладает только облигаторная терминальная пауза, используемая в комбинации с одной из двух фигур колометрического членения, каковыми являются: а) изоколон; б) гетероколон. С этой точки зрения как *стихотвор-*

ную целесообразно определить речь, подразделенную на соизмеримые отрезки, которые в устной ее форме отделены друг от друга посредством облигаторных терминальных пауз, а в письменной – посредством колометрической записи.

Колометрический ритм сходен со стопным в том, что оба членят речь на меры, с этой точки зрения *мерной*, т.е. ритмической речью следует признать речь, расчлененную на относительно краткие соизмеримые отрезки *меры*, вне зависимости от того, в результате каких действий – колометрической сегментации или стопного членения – такие меры возникают.

Автор полагает, что понятия метрического и лексического ударений не всегда разводятся, в результате термин *ударение* применяется в расширительном понимании. Отсутствие строгой разделительной черты между данными понятиями влечет за собой неточности в метрическом анализе и в определении ряда терминов, что актуализирует необходимость выявления параметров, по которым противопоставлены понятия лексического и метрического ударений. При их разграничении следует учитывать два параметра: 1) функциональный; 2) позиционный.

В практике метрического анализа необходимо различать атонирование и приглушение. Объектом первого является компонент фонетического слова, при выявлении которого следует применять три критерия: 1) комбинаторный: объединяются полнозначная и неполнозначная единицы; 2) фонологические: а) объединение обладает одним лексическим ударением; б) потенциально ударный гласный в акцентно несамостоятельной единице подвергается редукции, т.е. утрате длительности (что релевантно для фонем /и/, /ы/, /у/) либо и длительности, и качества (для фонем /е/, /а/, /о/). Два полнозначных слова не могут составить фонетическое слово, поскольку ни одно из них не может утратить лексическое ударение, а значит, подвергнуться атонированию. Соответственно, под *атонированием* следует понимать утрату лексического ударения одним из компонентов фонетического слова, под *приглушением* – не сопровождаемое качественной редукцией сокращение лексики ударного гласного в одной полнозначной единице при другой полнозначной. Как атонирование, так и приглушение выполняют кульминативную функцию.

Таким образом, наука о стихе находится сейчас на переходе к новому этапу своего развития. Традиционные ее четыре области – метрика, ритмика, рифма, строфика – разработаны очень хорошо. Однако есть еще много малоисследованных проблем: метрика и ритмика свободного стиха разных типов, звуковой состав неточной рифмы разных типов, переходные формы между стихом стопным и акцентным, равностопным и неравностопным, строфическим и нестрофическим и т.п.

*Е.А. Казак,
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Уважаемые читатели!

В настоящее время вышли в свет:

Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты = Human being: Image and essence. Humanitarian aspects: Науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; ред. кол.: Скворцов Л.В. (гл. ред.) и др. – Москва, 2020. – № 2 (42): **Дискурсы, конституирующие жизнь = Discourses that frame life** / отв. ред. номера Комалова Л.Р., Нагорная А.В. – 121 с. – DOI: 10.31249/chel/2020.02.00. – URL: <http://human-inion.org/issue.php?id=59>

Исследуется вопрос о том, как дискурсивные практики отражают различные жизненные ситуации и конструируют человеческие отношения в межличностной коммуникации, в организационно-деятельностной среде, а также анализируются дискурсивные модели межличностного взаимодействия, закрепленные в культуре и социальной практике. Для широкого круга специалистов в области гуманитарного знания.

Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты = Human being: Image and essence. Humanitarian aspects: Науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. литературоведения; ред. кол.: Скворцов Л.В. (гл. ред.) и др. – М., 2020. – № 3 (43): **Homo scribens: Образ и саморефлексия автора в европейской словесности = Homo scribens: Author's image and self-reflection in the European literature** / отв. ред. номера Лозинская Е.В. – 185 с. – DOI: 10.31249/chel/2020.03.00. – URL: <http://human-inion.org/issue.php?id=60>

Европейской литературе с момента ее зарождения была присуща метарефлексия. Писатели, поэты и теоретики словесности размышляли о ее высших целях, о той роли, которую «человек пишущий» играет в общественной жизни, о специфике поэтического и писательского труда, об отношениях автора и аудитории, автора и его предшественников. В номере представлена широкая панорама трактовки этих «вечных вопросов» от Средневековья до современности.

Этнопсихолингвистика = Ethnopsycholinguistics: Науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; ред. кол.: Пищальникова В.А. (гл. ред.) и др.; отв. ред. Комалова Л.Р. – М., 2020. – № 3. – 253 с. – DOI: 10.31249/epl/2020.03.00. – URL: <http://epl-inion.org/issue.php?id=3>

Публикуются статьи и аналитические обзоры, отражающие специфику языкового бытия человека и этноса, особенности этнической картины мира. Рассматривается национально-культурная вариантность в речевых операциях, речевых действиях и целостных актах речевой деятельности. Анализируется когнитивное использование языка и функционально эквивалентных ему других знаковых систем. Описываются механизмы организации внешних и внутренних процессов речевой коммуникации, процедуры анализа культурно детерминированной семантики и национальных особенностей коммуникации, перцептивные и когнитивные эталоны. Для широкого круга специалистов в области социального и гуманитарного знания.

Языковое бытие человека и этноса: сборник научных трудов по материалам XVII Березинских чтений (Москва, 24–25 декабря 2020 г.) / под ред. В.А. Пищальниковой, Л.Р. Комаловой, К.С. Кардановой-Бирюковой, Н.С. Панариной. – Москва : ИНИОН РАН, 2020. – Выпуск 22. – 279 с. – ISBN: 978–5–248–00974–9. – DOI: 10.31249/berez/2020.22.00. – URL: <http://inion.ru/rupublishing/journals/iazykovoe-bytie-cheloveka-i-etnosa/2020-22/>

Сборник содержит статьи по материалам докладов, представленных на ежегодных международных Березинских чтениях. В статьях представлены различные актуальные направления современной лингвистики, отражающие современную картину лингвистических исследований в России и отчасти за рубежом. Сборник включает статьи по методологии лингвистики и психолингвистики, по экспериментальным и прикладным психолингвистическим и когнитивным проблемам, исследованию социального существования языка, переводоведению, функциональным, прагматическим аспектам изучения разных типов текста, использованию достижений языкознания в современной лингвистической экспертизе. Издание предназначено для широкого круга специалистов, аспирантов и магистрантов гуманитарных областей знания.

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2021 № 2

Художник обложки и художественный редактор М.Б. Шнайдерман

Компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор Я.А. Кузьменко

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 20.02.2021

Формат 60×84/16

Печать офсетная

Усл. печ. л. 11,5

Тираж 300 экз.

(1–150 экз. – 1-й завод)

Бум. офсетная № 1

Цена свободная

Уч.-изд. л. 8,3

Заказ № 2

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),**

Нахимовский проспект, д. 51/21,

Москва, 117418

<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**

Тел. : (925) 517-36-91, (499) 134-03-96

e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»

410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У